

БАЗИЛЕВС ИМПЕРИИ ДУХА

1

...Ибо номарх над двадцатым столетием родился буквально накануне, когда цифирь в календаре гулко вдарила по нулям, приставив к Девятнадцатому аркану *Солнце* двух круглых *Дураков* Двадцать первого. В этом – очковом – году ушли из жизни один за другим Владимир Соловьёв, Оскар Уайльд и Фридрих Ницше, но (выясняется) все трое незадолго перед тем десантировались – вернее: де Сент-ировались – в тело маленького египетского реинкарната, появившегося на свет 29 июня тех же самых нулей во французском городе Лионе, в семье потомственных рыцарей Грааля. Задиристый тевтон потеснил скромного русского первопроходца и английского эстета «во тьму кулис», но не изгнал, ибо компании, честно говоря, обрадовался. А то, что они столпились «на одном пяточке», его даже и не удивило, ибо, как говорится, «мал золотник, да дорог», а где *дóрог*, там и скрещение *дорóг*.

Во всяком случае, в колледже Антуан учил как иностранный немецкий, а уже в зрелые годы ему прислуживал русский камердинер Борис, который любил ездить за покупками на «русском» такси, которым управлял вдвое старший его по армейскому бывшему чину. «Маленький принц» же полностью вышел из «Мальчика-звезды».

От горных вершин Манфреда и Заратустры Сверхчеловек в промасленном комбинезоне делает ещё только шаг вверх – и взмывает в воздух на одной лишь тяге «душевного подъёма».

Однако орденская структура даёт себя знать – знать в его лице поступает на архитектурное отделение Академии искусств: Великий Архитектор Вселенной зашевелился в нём, аристократе.

Но что такое **рыцарь без коня**? Протомившись над планшетами пятнадцать (sic!) месяцев, Антуан подыскивает себе сáмого мощного носителя – им

оказывается аэроплан. Он получал в упаковке и с нежностью собирал свои «симуны» (их у него за жизнь было несколько); он взнуздывал и седлал их привычной рукой многовекового хозяина (хотя авиация родилась почти одновременно с ним самим), он прищипывал и направлял их к звёздам совсем как герой его «Ночного полёта».

«Самолёт был готов к полёту. Громоздкие канистры с горючим заполнили его до отказа – не повернёшься. Я сидел, скорчившись на полу кабины... и всё время полёта, пока Антуан выделывал в воздухе всякие сложные фигуры, чувствовал себя горошиной в погремушке. А он сквозь оглушительный рёв мотора восторженно кричал мне в ухо:

— Каково! Резвая лошадка, а?»¹

Так же он понимал идиоматику выражения «лошадиная сила».

«Сент-Экзюпери отводил машине подобающее место. Это хорошо понял молодой художник, который, увидав, как он, склонясь над радиатором автомобиля, ощупывает мотор, сказал с улыбкой:

– Семнадцать лошадиных сил... и каждую лошадь он знает по имени...»²

Шевалье де Сент-Экзюпери воспитывался в замке и вырос человеком орденским до мозга костей. Пифагорейская религия дружбы, альбигойская поэтика братства сочетались в нём с резким неприятием принципа стадности, сделавшего «бюргеров» двадцатого века лёгкой добычей тоталитарных режимов. Однако о клановой элитарности дело отнюдь не шло; двадцатичетырёхлетний Антуан пишет вполне недвусмысленно: *«Не люблю этих людей, которые*

---

¹ Воспоминания Жоржа Пелисье. – А. Де С.-Э. Планета людей. М., 1970; 241.

² Воспоминания Леона Верта. – Там же; 308.

испытывают рыцарские чувства, когда на костюмированном вечере они выражены мушкетёрами»³.

Как неопит он жаждет познания и любит учиться: «Для родственников я остался поверхностным существом, болтуном и жуиром. Это я-то, который даже среди удовольствий ищет, чему бы научиться, и который не выносит трутней из ночных кабачков, я-то, который в их обществе почти никогда не открывает рта, потому что никчёмные разговоры претят мне...»⁴

Патетика интерьерного чётко даёт понять, что посвятельное **введение во храм** – состоялось.

Более того. События развивались в таком бешеном (под стать движению времени) темпе, что двадцатичетырёхлетний **мастер** не только правильно осмысляет духовную панораму мира, но и столь же безупречно вербализирует результаты своих гностических штудий: «Меня – такого, как я есть, – следует искать в том, что я пишу, – это добросовестно выверенный и осмысленный итог всего, что я думаю и вижу»⁵.

Так рождается **пишущий крылатый рыцарь**, причём эмоциональной передержки ни в одном из этих определителей нет.

Для орденской структуры молодого адепта характерна целенаправленная и неустанная работа над собой («обработка дикого камня») – до страсти, до самозабвения: «Я, мама, скорее жесток по отношению к самому себе и вправе отвергать в других то, что я отвергаю в и исправляю в себе самом»⁶.

Представляя рукопись первого рассказа Сент-Экса в печать, другой благородный «рыцарь без страха и упрека» Жан Прево скажет о нём проницательно: «Это непосредственное искусство и дар достоверности

---

³ Мижо М. Сент-Экзюпери. М., 1965 (ЖЗЛ); 47.

⁴ Мижо М.; 47-48.

⁵ Мижо М.; 48.

⁶ Мижо М.; 48.

кажутся мне удивительными у начинающего»⁷. Прево, ставший орденским alter ego своего любимца, смог пережить его лишь на один день, тоже уйдя из жизни, как герой, что само собой подразумевалось.⁸

Однако, следуя своей девизообразной формуле: **прежде чем писать, нужно жить**, Экзюпери не форсирует своё писательство, стараясь развить свой первый публикационный успех; перо его всегда шло вслед за перипетиями его бытия, а не впереди них. Причём, экзистенциальная жажда познания всё увеличивалась, войдя в эзотерически чрезвычайно потентную зону **страдания-страды**, которая была главным творческим принципом Достоевского. «Прежде чем писать надо страдать!» – назидал он пятнадцатилетнего Мережковского. В апреле 1943 года Сент-Экс пишет жене, отправляясь в театр военных действий: *«Я еду <...> Это мой долг. Еду на войну. Для меня невыносимо оставаться в стороне, когда другие голодают; я знаю только один способ быть в ладу с собственной совестью; этот способ – не уклоняться от страдания. Искать страданий самому, и чем больше, тем лучше. <...> Я иду на войну не для того, чтобы погибнуть. Я иду за страданием, чтобы через страдание обрести связь с ближними. <...> Я не хочу быть убитым, но с готовностью приму именно такой конец»*⁹. И позднее подтверждает: *«Иногда мне выпадает удача испытать страдание, в котором нет ничего низкого»*¹⁰.

Соответствие эзотерическому принципу: **Познание и любовь – одно, и страдание – мера их**, было достигнуто асом обеих стихий полное.

---

⁷ Мижо М.; 50 (курсив мой. – ОК).

⁸ Прево в эти же годы работал над орденским опусом «Опыт самонаблюдения».

⁹ А. Де Сент-Экзюпери. Собр. Соч. в 3-х т., т. 3; 188.

¹⁰ Там же; 225.

Да и авиацию он полюбил за то, что она позволяла двигаться к цели без обиняков, по прямой, поверх суетливого мочала земных троп и дорог. Стремление к «духовной истине» определяло всю его жизнь, причём носило не лениво-умозрительный, а активно-действенный характер.

Заброшенный по работе в мир диких племён пустыни, он мгновенно прослыл пророком, кахином, наби, и к нему, чужестранцу-руми, приходили разрешать свои проблемы конфликтующие между собой берберские вожди. И он терпеливо «приручал» их, пользуясь своим необыкновенным даром. *«Приручать – это моя задача»*. Так определил двадцатисемилетний духовный мастер свою деятельность того времени. Уже в этот период любовного общения с пустыней выяснил он свой надмирный царственный статус, чему соответствовала и высшая точка обзора земных дел, на которую – в качестве мудреца и пророка – мог подниматься лишь он один.

Это он великодушно выкупил и отпустил на волю раба Барка – негра, захваченного бедуинами в один из своих разбойных набегов, – он продемонстрировал дикарям благородство и превосходство (т. е. сходство с Жаном Прево) в душевных качествах **человека культуры**, сына Западной Цивилизации, к которой он принадлежал в качестве суверена. Негру было возвращено его подлинное имя Мухаммед, а обозвавшая его палиндромно *«банда крабов, которая умеет только одно – ненавидеть»* и любит лишь одно – стрелять, получила этический урок «на перспективу». Ибо, как говорил Экзюпери: *«человек в этих людях не умер – он спит»*. Но спит он в наркотическом кайфе коранического амбициозного примитива. «У тебя, – говорил, обращаясь к Экзюпери, один из вождей, – самолёты и радио, но у тебя нет истины».

Вот почему слова «коран» и «Магомет» стали для Экзюпери навсегда символом тоталитаризма и

манипулирования толпами духовных пигмеев; «муравьёв», «роботов» его терминологии.

*«Я так устал от всяких полемик, от непримиримости, от фанатизма! К тебе я могу зайти, не наряжаясь в какую либо форму, без необходимости затвердить какой либо **коран** или отказаться от чего бы то ни было из моего внутреннего мира»¹¹.*

Или:

*«Ах, мой бедный друг, я лучше уйду в монастырь..., чем выдержу хотя бы сутки в том обществе последователей **Корана**, которое вы пытаетесь нам навязать»¹².*

А вот ещё:

*«Я отказываюсь признавать эти стадные чувства, стремление всё упрощать как в **Коране**...»¹³*

Духовный аристократизм оформляется им в сугубо орденской вербалистике:

*«...Как бы всё восхитительно не выглядело, продать книжку у меня разве что один шанс против **тридцати трёх**»¹⁴.*

Это гроссмейстерское «тридцать три», никем не замеченное (хотя при интерьерности мышления ничто у Экзюпери не срывалось с языка всуе), было концептуально закреплено в его жизни номером эскадрильи, в которой он служил в последние годы жизни, **трижды** (!) вступая в её ряды. 2/33 – воистину числовой код великого адепта: **двойка** здесь – намёк на чувство **друга, другого**, о котором всю жизнь молил Экзюпери Высшие Силы (в качестве такового обычно выступал Леон Верт); гроссмейстерское же число **тридцать три** имеет только одну – орденскую

---

¹¹ Мижо М.; 432.

¹² А. Де Сент-Экзюпери СС в 3-х т., т. 3; 156 (акцентуация моя. – ОК).

¹³ А. Де Сент-Экзюпери. Земля людей. М., 1970; 267 (акцентуация моя. – ОК).

¹⁴ Там же. 272.

интерпретацию. Такую степень имели лишь магистры ордена, его духовные иерархи и наставники.

То, что **магистр** это **Маг** Мажорных арканов Тарота (напоминаем, что Сент-Экс погиб в звании **майора**) манифестируется не только самой личностью писателя, но его необыкновенными мистическими способностями.

«Не обладая никакими познаниями в графологии, <...> Антуан совершенно точно по почерку определял характер человека, даже его душевное состояние и то, где он в данный момент находился. В юности он забавлялся тем, что гипнотизировал гувернанток своих сестёр, внушая им, что лимонад в их стакане превратился в керосин. Позже на Линии, в облачную погоду, без радиосвязи, он всегда знал, не сверяясь с часами, над каким местом пролетает, и мог ориентироваться на знакомом участке вслепую»¹⁵.

Вот свидетельство:

«— Значит, — сказал я Дора, — если бы машина врезалась в этот откос несколькими сантиметрами ниже, Сент-Экзюпери и его механик Прево погибли бы...

— Этого не могло быть, — возразил мне Дора¹⁶.

И стал говорить... о каком-то непостижимом даре или волшебстве, благодаря которым Сент-Экзюпери в непроглядной ночной тьме с точностью до нескольких сантиметров определял высоту полёта и близость препятствий»¹⁷.

«Чародеем» называет его близкий друг врач Жорж Пелисье. Причём это, по его мнению, один из его пяти основных обликов (**Человек, Лётчик, Писатель, Изобретатель, Чародей**).

«Обаяние Сент-Экса было огромно. Перед ним не могли устоять ни мужчины, ни женщины, ни дети, ни животные. Пользуясь одним из его любимых

---

¹⁵ Мижо М.; 215.

¹⁶ Дора Дидье (род. 1891 г.) — директор Линии, на которой служил пилотом Сент-Экс, Ривьер его «Ночного полёта», Дора посвящённого.

¹⁷ А. Де Сент-Экзюпери. Планета людей. М., 1970; 319.

выражений,... их к нему притягивало как магнитом. <...>
С первых же слов он оказывался в центре внимания. <...>

Известный американский учёный, профессор аэродинамики Теодор фон Карман писал мне по поводу встречи с Сент-Экзюпери: «Разумеется, этот удивительный человек меня обворожил...»

В 1939 году по просьбе кружка литераторов Сент-Экс приехал в Брюссель; на встрече присутствовал бельгийский король. Как только собрание кончилось, король пригласил его к себе. Сент-Экс вернулся из дворца очень довольный их непринуждённой беседой. <...>

Я сам видел, как в гостиной своей двоюродной сестры... Сент-Экс повторил излюбленный опыт гипнотизёров: он взял за руку мою жену (в отличие от гипнотизёров, вовсе не пробуя её усыплять) – и она без единого слова или жеста безошибочно подвела его к спрятанному предмету, который ему следовало отыскать...»¹⁸

«Возможно, у меня призвание открывать родники. Пойду искать их глубоко под землёй» – писал он в письме любимой подруге.

Степень концентрации его и во сне была феноменальной. От глубочайшего сна его едва могли пробудить, зато, работая, он отключался настолько, что ему не мешал даже шум и гомон кафе. Начало «Земли людей» писалось в кафе «Две мартышки» (вспомним двойку его мистического кода). Это символически соответствовало ситуации: *одна* – сумасшедшая, взбалмошная, богемная Консуэло; *вторая* – рассудительная, тонкая, глубокая «Пьер Шеврие»¹⁹. А «мартышки» потому, что после смерти Антуана устроили склоку из-за голубого чемодана с рукописями, которые Сент-Экс завещал подруге, а не жене.

---

¹⁸ Там же; 286-287.

¹⁹ Псевдоним, под которым она опубликовала книгу об Экзюпери.

«Нередко я заставлял его погружённым в чертежи или расчёты, он с увлечением чертил на бумаге какие-то круги и квадраты. Он любил задавать друзьям арифметические задачи, которые сам составлял. Условия задачи он разукрашивал прихотливыми и живописными выдумками. Генерал Шассен опубликовал одну такую задачу, **очень характерную для Сент-Экса**, – задачу фараона. Было и немало других»²⁰.

Гностический подтекст этой и других энигм как и розенкрейцерских чертежей-схем – дело будущих исследований, а что касается фараона, то с этим всё ясно.

«Как сейчас вижу его.

Большой рост (метр восемьдесят четыре). Широкие плечи, много шире бёдер, точно на *египетских рисунках*, на которых плечи изображались анфас, а остальная фигура в профиль. Хорошо вылепленная большая круглая голова... Красивый высокий лоб, тяжёлые веки, из-под которых задумчиво смотрят чёрные глаза. Короткий вздёрнутый нос...». *Pic de lune*, как называли его друзья.

Так выглядел маг и волшебник.

А вот он в деле.

«Едва ли не на любой вечеринке под конец непременно кто-нибудь протягивал Сент-Эксу колоду карт. Чаще всего он охотно её принимал, и начинались приготовления. Он усаживал партнёра за стол, сам садился напротив и торжественно распоряжался:

– Смотрите мне прямо в глаза... Не думайте ни о чём постороннем!

Барабанил по столу пальцами правой руки, потом продолжал:

– Вы в самом деле ни о чём не думаете?.. Так, хорошо... Теперь выберите карту.

Иногда он даже вручал партнёру карты, в других случаях просто показывал их ему одну за другой.

---

²⁰ Там же; 284 (акцентуация моя. – ОК).

Потом, явно забавляясь, но по-прежнему самым серьёзным тоном:

– Ох, это трудно, это очень трудно...

И прикрывал глаза рукой, чтоб лучше сосредоточиться.

– Вы вполне уверены, что вам нужна именно десятка бубен?

И тут же извлекал задуманную партнёром карту.

Изумление его подопытных кроликов и окружающих зрителей приводило Сент-Экса в восторг. <...> Видно было, что они чувствуют себя **причастными к таинственным потусторонним силам**. Люди трезвого практического ума выглядели ничуть не менее забавно. Однажды некий весьма самоуверенный специалист по части точных наук отвёл Сент-Экса в угол гостиной и осведомился вполголоса: «Вы, конечно, **маг?**»²¹

Экстрасенсорными возможностями Экзюпери владел в совершенстве.

«В 1939 году он встречался с Дора, старым товарищем по линии Аэропосталь; они не виделись несколько лет; Дора показал ему письмо. Сент-Экс бегло взглянул на листок, сел и заговорил, словно думая вслух:

– Этот мальчик болен, у него, наверно, туберкулёз... Он сейчас далеко от дома, должно быть, интернирован в Испании. И он не знает, что делать...

Всё было верно.

В другой раз, когда ему показали несколько строк, он взял перо и довольно долго писал. Портрет оказался поразительно точен; анализ заканчивался так: «Автору следовало бы обратиться к врачу или побыть некоторое время в монастыре». И в самом деле, человек этот страдал нервным заболеванием и незадолго перед тем провёл год в монастыре.

Сент-Экзюпери разгадывал характер, стиль, разгадывал личность. Он быстро понимал, что в человеке,

---

²¹ Там же, 287-288 (акцентуация моя. – ОК).

к которому он присматривался, заёмное, чужое, и старался восстановить его подлинное “я” – совсем так же, как, слушая старинную песню, старался очистить её от накопившихся за десятилетия наслоений и искажений и вновь открыть первоначальную мелодию»²².

Проникновение в суть, когда оно связано с фундаментальными проблемами бытия, пороговыми вопросами о человеке и Боге – это уже аватарное служение, пророческий тип подхода к гностическим темам. Конфессиональные табу на обзорность и глубину постижения Истины были отмечены Сент-Эксом орденской бестрепетной рукой; ничего в небе и на земле не было скрыто от его орлиного ока. Но орган зрения и орган видения – разные вещи. И он не уставал повторять: *«Зорко одно лишь сердце»*. Более того: *«Главного глазами не увидишь»*.

В силу тотального павлианского извращения христианства, о пророке из Назарета у него нет почти ничего. Но патетика создания своего рода анти-корана, или Священной книги *человечества штучного* была последним и самым главным делом его на земле. Не звериный «героизм» термитов, но святость индивидуального противостояния злу вдохновляла его в этой работе.

«Он очень заботился о синем чемодане, в котором были рукописи, и главное – рукопись книги, задуманной в форме «Тысячи и одной ночи», он мне говорил, что уже написал тысячу страниц. Он собирался писать эту книгу десять лет и ещё года три-четыре пересматривать и отделявать её. Помнится, уже тогда он дал ей название «Цитадель». <...>

Едва он опустил в кресло пилота, лицо его преобразилось, в чертах появилась какая-то необыкновенная твёрдость и сила – за штурвалом самолёта, в дрожи и рёве мотора он **вдруг стал**

---

²² Там же; 291.

божеством, величайшим из богов: это был Зевс-громовержец, озирающий землю, с молниями в руке»²³.

Мистика жизни свелась к девяти последним полётам на этих молниях – Лайтнингах. Он разил сверху зло, хотя и делал это бескровно, и он знал, что он – *на пороге*. «Пишу посмертное сочинение», – грустно улыбаясь, говорил он друзьям.

Над ним тряслись, его берегли из последних сил. «Но он рвался назад в эскадрилью..., уговаривал, грозил, прибег к поистине **дьявольской** дипломатии и, в конце концов, добился своего»²⁴.

Ему разрешили пять боевых вылетов. Последний из них пришёлся на его день рождения.

Но он на этом не успокоился.

Жить для него значило **участвовать**.

Весь июль он заседал на друзей, выторговывая ещё по попытке. Скрепя сердце ему дали ещё три вылета.

Готовилась высадка союзников. Ему решили сообщить её дату и тем самым сделать «невывлетным».

Это должно было произойти 1 августа.

А 31 июля, взяв буквально за глотку, он вымолил себе **девятый** полёт. **Божественный**, по определению.

Из него Сент-Экса так назад и не дождались.

2

Обратимся к мистике рождения французского пророка. Избранники духа имеют нативацию, но не имеют этнических привязок. Поэтому три гения XIX века, упёршиеся своими смертями в рубеж веков, образуют спокойное и гармоничное сложение сил, и лишь для профанов состав этот выглядит разнопёрым. Англия, Германия и Россия были европейским духовным

---

²³ Воспоминания Жюль Руа. – А. де Сент-Экзюпери. Планета людей. М., 1970; 296-297 (акцентуация моя. – ОК).

²⁴ Там же; 298 (акцентуация моя. – ОК).

авангардом Новейшего времени; «сложение сил» в пользу родины Великой Французской революции – естественен.

Итак, первым перешёл грань миров Владимир Соловьёв. И уход 31 июля 1900 года наметил рубеж и его французскому перевоплощенцу. Соловьёв – отец русской **софиологии**; здесь он откликнулся на феномен притяжения к Софии – имени, мифологеме, духовной реальности – своего учителя Фёдора Достоевского. Вечная Сонечка «Преступления и наказания» – высшее достижение рыцаря Теодора в гимнографии Прекрасной Дамы – стала путеводной звездой star'ца Владимира. Он имел три мистических свидания с Софией – Премудростью и Вечной женственностью одновременно. Причём, одно из них Она ему “назначила” у египетских пирамид. Соловьёв оставил переложённое на стихи описание всех трёх встреч.

Русский духовный подмастерье ближе других наших корифеев духа подошёл к конкретике знания всей панорамы европейской орденской культуры; последние десять лет жизни Достоевского он был его гностическим информатором и ассистентом. Аскетизм жизни заменил ему страдания, а ранняя смерть добавила биографической пассионарности. Соловьёв был лидером поколения Алёши Карамазова, которое шло за ним вслед и выстраивалось ему в затылок. Именно из них затем образовался цвет русского Серебряного века. Соловьёв обменял золото Пушкина и Достоевского на серебро Вячеслава Иванова, Блока и Брюсова. Всё это были «сцены из рыцарских времён», разыгранные на российских подмостках. Владимир Соловьёв мало принадлежал этому миру – подобно Гоголю он жил анахоретом и был подданным лишь империи духа. Особенно важную роль занимал он после смерти Достоевского, уравнивая своим теологическим профессионализмом религиозную самодеятельность Толстого. Блок обожал Соловьёва, и его «Соловьиный сад» – гимн памяти учителя. Но

художником в подлинном смысле слова «святой Владимир» так и не стал.

Поэтому он принёс в «строительство вскладчину» точные знания и русский дух. Подруга Антуана «настояна» на Софийном образце любви небесной (Афродиты Урании) Владимира Соловьёва. От него же в душе самого Экзюпери египетская мелодика и любовь к суфийской мистике.

Вторым вселился в душу дитяти почивший 9 августа Фридрих Ницше – величайший немецкий мистик и поэт XIX века. Ницше тоже был учеником Достоевского, но его связь с русским духовным мастером не континуальна, а дублетна. Сочувствия и отзывчивости в душе тевтона в таких масштабах не бывало со времён Ангела Силезского. Ницше, оставаясь строгим учёным-филологом, сумел достичь высот в области художественного творчества. Он вернул в европейскую культуру форму и дух сакральной притчевости и гностической эссеистики. Обезмолвленный временем Зороастр получил от Ницше речь и характер, и это был первый удачный опыт восточной реконструкции европейского художника («Диван» Гёте и «Подражания Корану» Пушкина были именно подражаниями). Но в **Заратустре** Ницше нет ничего архаического, никакого гностического релятивизма (т. е. пророчеств «понарошку», невсерьёз) и эстетского стилизаторства. Ницше мыслил и изъяснялся в духе авестийских гат и коранических сур. И только безумие спасло его от безвкусицы и перебора в пафосности и патетизме. Ницше – это восьмая соната Бетховена, исполненная на расстроенном рояле провинциальной гостиницы. Но исполненная – гениально.

Таков был второй “поселянин”, занявший место в душе нового посланца Небес.

И, наконец, третьим слетел в место общего сбора, покинувший сей мир 30 ноября 1900 года, Оскар Уайльд. Он принёс с собой то, чего не было у первых двух обитателей маленького душевного Монсальвата – юмор и

иронию, соединённые с такими блёстками ума, что как при жизни, так и сейчас он выглядит наименее из всех ретроградно. Разница в возрасте между Уайльдом и Ницше – 10 лет, между Уайльдом и Соловьёвым – всего год. Ницше, сошедший с ума от вида избиваемой кучером беззащитной лошади, – совершенно реальная сцена из детских воспоминаний Достоевского, перешедшая на страницы «Преступления и наказания» – и английский «король жизни», невозмутимый и скептический при всех обстоятельствах – такова диапазонная диаметральноность, образовавшаяся в душе нового пророка.

Ницше был напрямую связан с русской культурой – он любил Пушкина и даже написал несколько романсов на его стихи, обожал Достоевского; Уайльд – культуру России не знал, и знать не хотел, он был «столичной штучкой» и его не тянуло на периферию.

И то и другое одновременно стало духовным и душевным вектором Экзюпери. Нигде, даже на краю света, он не терял чувства центральности, столица его Империи духа перемещалась по свету вместе с ним; он говорил как глава Государства. И никто не отказывался быть подданным этой Империи.

Любопытно, что от года прихода на землю Ницше (1844) и до года ухода Экзюпери (1944) прошло ровно сто лет, но какие грандиозные изменения произошли в Европе за это время! Взрыв НТР кардинально изменил лицо планеты в этом регионе. Двумя своими жизнями, составленными впритык, они образуют семантическую полноту понятия «человек» (*цело-век*). Ницше родился в момент появления железных дорог и фотографии, уход Экзюпери пришёлся на эпоху телевидения и атомного оружия.

Как же должен был поспешать дух, чтобы не отстать от такого развития техники! Но – парадокс! – максимум, что могут сделать духовные мастера – это вернуть обленившуюся в комфорте цивилизации мысль от временного к вечному. А сползание от вечности к

времени происходит постоянно. Все обустроивают “территорию” соответственно своим физическим пропорциям, чисто биологически, абсолютно не заботясь о целом. Так было.

То, что ныне человечество (хотя бы в пределах европейской цивилизации) думает и действует глобально – заслуга духовных мастеров последних трёх веков, но особенно XX столетия. Именно гностический потенциал накопленного перед Второй мировой войной духовного багажа – а он не мал – не дал состояться 3-ей мировой и создал сеть международных организаций, реализуя пушкинский завет: «Когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся», таких как ООН, Юнеско, Магате и т. д., а также общества гражданской инициативы: Гринпис, Общество защиты гражданских прав и проч.

Тоталитарные режимы недавнего прошлого не оставляли такой возможности. Значит, деятельность духа последнего времени была не пустой говорильней или школой эстетского «чистописания». И два рыцаря здесь возвышаются над всеми: русский – М. А. Булгаков и француз Экзюпери.

Их встреча относится к чудесам XX столетия, но она состоялась в самый разгар торжества власти амбициозных мещан, объединившихся в банды, называемые партиями. Прямо на наших глазах время сдаёт в архив истории это понятие. Двухпартийность английского или американского образца как возможность для руля государства, поворачивать налево или направо представляет абсолютную свободу манёвра по волнам поступательного движения человечества вперёд. Но в конце 30-х годов альтернативой «деспотии мелких лавочников» была орденская мораль, манифестируемая одиночками, вытесненными на периферию общественного бытия, а в странах тираний и прямо уничтожаемыми. Обломки европейских аристократических фамилий, вписываясь в обыденную

европейскую жизнь, несли с собой принципы личности и индивидуальности, оказываясь маяками среди муравейников человечества роящегося. Один из маркизов воевал в России в эскадрилье «Нормандия-Неман», граф Экзюпери – на севере Африки. Но и тот, и другой оказались между жерновами битвы стад, стай и роёв. И даже Экзюпери постоянно ловил себя на распространении на **всех** – «братство людей» – абсолютно чуждые им свои возвышенные эмоции: *«Всякая лирика смешна. Люди не хотят, чтобы их пробудили к какой бы то ни было духовной жизни»*²⁵. *«И какое же оно послушное, мирное, это человеческое стадо!»* «Пустыня человеческая»²⁶.

*«Я способен раствориться в любой группе, какой бы она ни была <...>. Но никому и в голову не приходит, что мне может не доставать чего-то, кроме кино и женщин, как им. И, однако, своё «я» я по большей части затаиваю в молчании»*²⁷. *«Несмотря на благородство товарищей по эскадрилье, что-то в этом есть от нищеты человеческой. Конечно, это важно – с кем живёшь. Но какое духовное одиночество!»*²⁸

Чтобы предлагать людям изысканные яства надо сначала воспитать в них аристократические потребности. А то – приходиться в восторг от вида и занятий простого садовника, а потом – при близком знакомстве – изнывать от его улиточного интеллекта...

Борьба нанайских мальчиков: аристократ и интеллигент борются с «пастырем простых душ» и демократом...

«Я ненавижу эту эпоху, когда человек под гнётом «всеобщего тоталитаризма» превращается в ласковое, послушное и кроткое животное. <...> Я ненавижу нацизм за то, что он по самой своей природе тоталитарен. Русских рабочих проводят мимо полотен

---

²⁵ III, 192.

²⁶ III, 195.

²⁷ III, 249.

²⁸ III, 251.

Ван-Гога, Сезанна и олеографий. Рабочие, разумеется, голосуют за олеографии. Вот она, народная правда! Кандидатов в Сезанна и Ван-Гоги, словом, всех нонконформистов надёжно упрятывают в концлагеря, а покорное быдло кормят олеографией»²⁹.

И резюме: «*Старая история, вечно я рвусь в “спасители”!*»³⁰. «*Я с удовольствием попросил бы уволить меня с должности их современника*»³¹. Но тут же со дна души, охваченной отчаянием, вновь поднимается пророческий пафос: «*Я... принадлежу тем, кто выбирает меня как дорогу*». Но он уже не рассчитывает на роль большака, а довольствуется ролью скромного просёлка. А между тем, обращается к миллионам и даже к людям вообще. Человек, создающий **идеологию для избранных**, может оказаться желанным всем, ибо многие считают себя в душе избранными, а остальные надеются на детей. И наоборот – демагог, погрязший в человекоугодничестве, после вспышки увлечённости его говорильней вызывает оскомины и отвращение. Экзюпери, мужественнейшего из людей, стали называть «дамским писателем», упрекать в «дешёвой мистике»³².

Вот почему, даже наплевав на улюлюканье критиканов, он перед самым уходом говорил устало: «*...Я уже устал сам от себя. От своих запутанных мыслей по всякому поводу. Я словно сам у себя в тюрьме*»³³.

В своё время рыцари охраняли в дороге пилигримов, идущих в Святую Землю, от грабителей и разбойников, больных лечили в госпиталях (откуда – «госпитальеры»); их бескорыстная служба была самоочевидно нужной и благой. И несмотря на чудовищную “благодарность” европейцев, попустивших разгром и уничтожение

---

²⁹ III, 195; ред. моя. – ОК.

³⁰ III, 224.

³¹ III, 220.

³² II, 7.

³³ III, 218.

альбигойцев и тамплиеров, въевшийся в поколения «синдром служения людям» так и остался с ними навсегда. Насильные услуги окружающим и деспотическое установление справедливости высмеял, заливаясь сквозь хохот слезами, Сервантес; синоптически то же самое продемонстрировал Чаплин, когда в одном из фильмов Шарло вступился за избиваемую мужем жену и, в конце концов, получил по шеям от обоих. Ни в коем случае нельзя помогать курице, убегающей от петуха. Глупо отнимать соперника у одного из боксёров. Нелепо, выбежав на стадион убирать препятствия, если предстоит соревнование в стипль-чезе.

В некотором смысле, благо суётся в жизнь всегда некстати, а разум, вмешиваясь в бытие, нарушает алогичную логику этого «безумного, безумного, безумного мира».

Такое положение вещей приводило в отчаянье воплощённую благожелательность – «большого Тонию».

«Для меня нестерпима эта эпоха. Я больше не могу. <...> Всё как-то обострилось. В голове мрак, на сердце холод. Кругом посредственность. Кругом уродство. <...> И столько вопиющих несправедливостей!»

Поэт и глашатай Гуманизма³⁴ (именно так, с большой буквы), он мечтает «*быть садовником, окружённым плодами*», то есть примитивными и благодарными растениями. А не людьми. Но, едва произнеся эту внушительную сентенцию, он вдруг взрывается прямо противоположным: «*Не умею быть счастливым в одиночку*». В сад тут же зовётся весёлая компания «Аэропосталья» и к утру, после «*роскоши человеческого общения*», на месте встречи остаются сломанные ветки без плодов и затоптанные грядки.

«Я не умею жить вне любви. Я всегда говорил, действовал, писал, только побуждаемый любовью. <...> За всю жизнь не могу упрекнуть себя ни в одном шаге, продиктованном ненавистью или мстью, ни в одном

---

³⁴ См. напр. финал «Военного лётчика».

корыстном поступке, ни в одной строчке, написанной ради денег».

Экзюпери был не только «потомственным» аристократом духа, но и аристократом пера. Свои размышления эти витии облекали в форму «поэтических размышлений на тему бытия», и в начале XX столетия на такого рода интеллектуальную продукцию был определённый спрос. Все они писали «о духовном» и были своего рода оппозицией неонеандертальской мидлкультуре пресыщенных нуворишей и выродившегося, опустившегося и обедневшего дворянства.

Самыми яркими представителями этой «литературы для других» были Рабиндранат Тагор и Джебран Халиль Джебран. Европейским откликом на творчество великого индуса и гениального ливанца и стала писательская деятельность Экзюпери. Поскольку он весь «родом из детства» (1904-1914 годы), то не следует удивляться тому, что стилистика «Садовника», «Гитанжали», «Залётных птиц» и «Искр» вьелась в поры души французского трубадура.

Более того: настойчивый и даже назойливый образ **садовника** (и у нас он уже появился) имеет своим истоком заглавную книгу «дедушки Рабиндраната» (как его называли советские пионеры, когда он приехал с «поэтической инспекцией» в Советский Союз), за которую (вкупе с «Гитанжали») Тагор получил Нобелевскую премию.

Неназванная (в сохранившихся текстах) кровная связь с Джебраном – всемирно известным и всесветно издаваемым – легко обнаруживается устойчивым и фундаментальным для поэтики Экзюпери образом **ливанского кедра**, а самоидентификация с образом **пророка**, которой пропитано всё творчество ливанского мистика, не чужда и «потомку рыцарей Грааля».

Для всех трёх **жить значило вербализировать**, более того – каждое своё слово они считали золотым и

абсолютным благом для сопланетников. Всем троим не хватало взрывного парадоксализма Христа, Его скандальности и соблазнительности.³⁵ Никто из них не выдержал строгого – и самого эзотерического из Его правил: «Не мечите перлы перед свиньями». Закатив глаза, они пели – невзирая на лица, считая себя более демократичными, чем Сам Планетарный Логос – лишь бы были слушатели.

У Экзюпери хотя бы был запасён эрзац – карточные фокусы, но дружелюбная неразборчивость в зрителях привела к ироническому пенянию знакомых на это как «основную специализацию».

«Невозможность найти общий язык с людьми всегда была для меня нестерпима. У меня сразу же пропадает всякая вера в то, что я не могу облечь в слова»³⁶.

Но выпрение (на простецкий вкус) сентенции Сент-Экса были не по вкусу грубоватым мужланам его окружения. Другое дело фокусы.

«Когда я показываю карточные фокусы, я выгляжу весёлым, но не могу я показывать фокусы себе самому, и на сердце у меня смертельный холод»³⁷.

Христос с одной стороны **Агнец**, с другой – **Лев**. Он и абсолютная сила – **Агнец**, и относительная сила – **Лев**.

Чем относительнее человеческие совершенства, тем пророк-святой-гений ближе к людям. Абсолютная белизна горных вершин пугает, она леденит душу несовершенных окружающих и раздражает их торчащей как укор очевидной назидательностью.

Солнце греет тело, а душу согревают – пятна на нём. Именно **родинки** – родное в любимом. Или веснушки. Или косящий прищур глаз. Или лёгкий дефект речи.

---

³⁵ Все три слова являются смысловыми идентификатами на греческом, латыни и старославянском языках.

³⁶ III, 232.

³⁷ III, 223.

Это не только опознавательные знаки, огни аэродрома, но и возможность вступить в контакт на равных, а не на коленях в “позе предстояния”.

О свиньях говорил Христос-Лев – это очевидно. Экзюпери позволял себе быть таким только на бумаге.

«Быть может, я по призванию – искатель подземных ключей. Искатель того, что таится глубоко под землёй. Я так мало нужен тем, кто совершенен»³⁸.

Вот ведь коллизия: основная масса еврейской интеллигенции – саддукеи и фарисеи, книжники – не приняли проповедь Самого Планетарного Логоса, который выступал до 14-го нисана в костюме этнических привязок. Простые же души, не имевшие своих устоявшихся позиций и точек зрения, откликнулись на свежее назидательное слово и учительскую интонацию, и пошли за встреченным проповедником. Само по себе это ни о чём не говорит – ересиархи и лжемессии собирали вокруг себя толпы поклонников из неизбалованного краснобайством простонародья. Но и слово Самого Истины вынуждено было лежать на торжище мира сего лишь как ещё один товар, без малейших привилегий. Более того, ложь в силу наглой невероятности и цветастой, бьющей по глазам привлекательности пользовалась всегда бóльшим интересом и спросом, чем скромное, но правдивое слово Истины.

Дико сказать, даже с той невероятной информацией, что принёс людям Иисус из Назарета, он назидал апостолов не останавливаться в селениях с проповедью более чем на два дня – это могло прискучить, от пресыщенности мог возникнуть дебат, рассоливание – и пошла писать губерния!

Именно это имел в виду Экзюпери, когда сказал: *«Дураки очень опасны. И ещё интеллигентные люди, когда они собираются группой. Интеллигентность – это*

---

³⁸ III, 217.

дорога. А сто дорог разом – уже рыночная площадь. Это уже теряет смысл. Приводит в отчаянье»³⁹.

«Каждый прав по-своему» – страшнее и пошлее такого духовного релятивизма нет ничего. Оно указывает пророку место на завалинке в ряду болтунов. Оно аннулирует **точку схода** в картине мира – царственное место Планетарного Логоса, и засиживает всю панораму мушиным каким точек зрения. В профанной среде вообще интеллигентность идентифицируется с разномнением, при этом вкусовая унификация, выдающая всю зависимость этой публики, почему-то в расчёт не принимается. Отсюда – уродливые понятия «культового»: фильма, певца, поп-группы, поп-композитора – до «культы поп» включительно. И кичащиеся своей «культурной особенностью» люди на поверку – всего лишь полуинтеллигенты, «полубеременные» **от тьмы низких истин**. И Антуан пишет с тоской: *«С отдельно взятой персоной мне сразу же становится скучно. Каждый человек – церковь, в которой можно молиться, но не целый же день напролёт! Бог бывает в церкви не всегда». И делает убийственный вывод: «Человека хватает лишь на час молитвы (да и то далеко не всякого)»⁴⁰.*

То есть, и вместе – гул и базар, и порознь хороши лишь в течение часа.

И это не единственный парадокс в мировоззрении – и творчестве – самого гармоничного писателя XX века. Вот ещё – и о самом главном.

Pro: *«Всё идёт по пути, предначертанному провидением»⁴¹.*

Contra: *«Никакого предопределения не существует»⁴².*

Причём написано это было **одновременно**. Ко второй сентенции существует уточнение: *«Мы – люди. Над нами не властны законы числа и пространства».*

---

³⁹ III, 247.

⁴⁰ III, 234–235; Ред. моя – ОК.

⁴¹ III, 224.

⁴² I, 420.

Как Достоевский в соответствующей книге «Братьев Карамазовых», Экзюпери нагружает своими фундаментальными Pro и Contra персонажей-носителей, давая схематический рисунок столкновения интересов: *«Он идёт с ношей своих убеждений, как евангелист. А на той стороне – я знаю, и вы это знаете – другой евангелист, какой-нибудь верующий, также озарённый светом своих убеждений, вытаскивает тяжёлые сапоги из той же грязи и тоже идёт на неведомое свидание»*⁴³.

Но слишком большое количество противоречий и парадоксов взрывает личность. «Говорить надвое» гоже лишь «бабушке», а не пророку: «обилие противоречий говорит лишь об отсутствии гениальности». Планетарный Логос здесь, конечно, не в счёт.

Мир же полон противоречий. Подобно ветвям дерева: они тянут в разные стороны, а дерево, несмотря на это, растёт вверх. За этим простым образом Сент-Экса кроется отсыл к структуре Кабалистического древа, где крайности Столба Строгости и Столба Милосердия гармонизируются средним Столбом Равновесия. При таком понимании устройства бытия парадоксальность его не является неразрешимым противоречием и ненавистническим антагонизмом.

*«Вы не желаете воевать за парадокс – наше существование. Но парадоксом является и сила, и закон, и общность. И fair play»*⁴⁴. Разве не парадоксально, что имеющий возможность сжульничать в игре, не жульничает, а испытывающий ненависть не убивает? Парадокс – это и верность, и дружба, и молчание под пыткой, и чувство чести. Первый парадокс для человека – Бог. А вы не желаете сражаться за Бога. Есть и множество других парадоксов, как, например,

---

⁴³ III, 74.

⁴⁴ Честная игра (англ.)

сообщество свободных земледельцев по соседству с империей кузнецов»⁴⁵.

Но парадоксальность бытия не делает релятивными нравственные понятия. На страже их стоит **совесть** – **совместное евангелие** человеческих душ, радостно глаголящих о своём богоподобии.

«Знаете ли вы, что вопит... бесноватый? А вот что: “Совесть – отжившее понятие, ибо природа сильнее её”. Действительно, природа сильнее, и учёный, брошенный в лесу, станет добычей тления. И заблудившийся зимой ночью Бах замёрзнет, окостенеет. Бергло будет обезглавлен хамом. Польский физик или австрийский музыкант не уцелеют при взрыве авиабомбы.

И всё-таки совесть сильнее, чем природа. Совесть стремится властвовать над стихиями. Природа борется с милосердием, с энтропией, с пространством. А совесть правит»⁴⁶.

Парадоксализм противоположностей разрешается в структуре Кабалистического древа. Это, конечно, ливанский **кедр**. И, подбирая точнейшие определения, Экзюпери чётко прорисовывает его: *«А достоинство мира составляет милосердие, любовь к знанию и уважение к внутреннему человеку».*

Первая дефиниция точно попадает в название Колонны Милосердия. **Любовь к знанию** привязана к Одиннадцатой сефире **Даат, Знание**, располагающейся на Колонне Равновесия. Но то, что **уважение к внутреннему человеку** это и есть Справедливость – это откровение Экзюпери. Жёсткость и даже жестокость его как базилевса⁴⁷, выковывающего из каждого подданного **человека**, связана именно с уважением к их богоподобию, отличающему от скотины в стойле,

---

⁴⁵ III, 121.

⁴⁶ III, 121.

⁴⁷ «Будучи византийским императором, я могу ослеплять пленников. Но сейчас я не представляю себя, выкалывающим глаза».

III, 126.

априорное признание способности каждого стать полноценной личностью. Даже Христос понуждал («изгнание торгующих из Храма»); значит, тяжёлое бремя управления государством включает в себя и обязательную Строгость – второе название Колонны Справедливости. Христос только тогда предстаёт пред нами совершенным в описании, когда он явлен не только как Агнец, но и как Лев. В контрастности высказываний: «Блаженны миротворцы» – и «Я в мир принёс не мир, но меч».

Двигаясь вперёд за пределы официального христианства, Экзюпери нащупывает во тьме двухтысячелетних заблуждений контуры третьего завета: «...Я выбрал свою религию. Ту, что творит из меня человека...». И: «...Мы ищем новые заповеди, которые оказались бы выше всех наших, предварительных заповедей. Из-за них пролито слишком много людской крови»⁴⁸.

В состоянии переполненности новыми религиозными интуициями он и перешёл по ту сторону бытия и по ту сторону «Бытия» одновременно.

3

Экзюпери и христианство. Эта тема чрезвычайно важна в рыцарственной структуре французского мастера. Но орденская генетика и католическое воспитание рано столкнулись в его душе, заставив в общей терминологической заводи провести чёткий идеологический водораздел.

Поэтому уже в первой повести «Курьер на юг» (1923-29 гг.) он даёт весьма отстраненное описание проповеди священника: пересказ является на деле весьма критическим анализом, а пристальность более всего напоминает разглядывание под микроскопом.

«– Царство Небесное, – начал проповедник, – царство Небесное...»

---

⁴⁸ III, 126; 75.

Упёршись руками в широкие борта кафедры, проповедник завис над толпой. Толпой оголодавшей и готовой заглотать всё. Её следовало напитать. Перед ним вставали образы убойной убедительности. В мозгу у него забились пойманная в снасть рыба, и без всякой связи выскочило:

– Когда рыбак из Галилеи...

Он не употреблял ничего, кроме слов, влекущих за собой рой смутных воспоминаний, который был нескончаем. Ему чудилось, что он полностью владеет толпой, разгоняя её мало помалу от медлительной тяжеловесности, до легконогого рвения курьера.

– Если бы вы знали... Если бы вы знали, сколько любви...

У него срывался голос: чувств было слишком много, чтобы выразить все их разом. Самые ничтожные, самые заезженные слова казались ему наполненными таким глубоким смыслом, что он уже не мог выбрать из них наиболее нужные. Свет свечей сделал и его лицо восковым. Он выпрямился с воздетыми руками вертикально. Как только он сник, народ на просторе, ученик, взволновался как море.⁴⁹

Потом подыскались слова, и он вновь заговорил. Он говорил с поразительной уверенностью. У него была лёгкость грузчика, чувствующего свою силу. К нему приходили идеи, которые зарождались вне его, и пока он заканчивал фразу, под чьей тяжестью он сгибался, он уже смутно предчувствовал новый образ или поворот мысли, который он вбросит в народ.

Теперь Бернис начал схватывать смысл.

– Я источник всяческой жизни. Я морской прилив, приходящий и животворящий вас, и уходящий вновь. Я зло, входящее и разрывающее вас, и вновь уходящее. Я любовь, входящая в вас и непреходящая навеки.

---

⁴⁹ Здесь особенно чувствуется поэтическая хватка Экзюпери: Quand il se détendit, ce peuple retua un peu, comme la mer.

– И вы выдвигаете против меня Маркиона и четвёртое евангелие! И вы говорите мне об интерполяциях! И вы науськиваете против меня вашу жалкую человеческую логику, когда я тот, кто выше её и кто пришёл избавить вас от её пут!

– Поймите меня, заключённые! Я избавляю вас от вашей науки, ваших формул, ваших законов, от рабства разуму, от этого детерминизма, более жёсткого, чем фатум. Я изъян в броне. Я щель в одиночке. Я ошибка в расчётах: я – жизнь.

– Вы расчислили движение звезды, о поколение лаборантов, и вы больше в любви не познаёте её. Она стала значком в вашей книге, но перестала быть источником света: вы знаете про неё меньше мальчонки. Вы обнаружили даже закон, управляющий любовью человека, но эта любовь ускользнула от ваших законов: вы знаете о ней меньше девчушки. Итак, придите ко мне. Эта сладость света, этот свет любви, я возвращу его вам. Я поработаю вас: я вас спасаю. От человека, который первым рассчитал траекторию падения плода и запер вас в этом узилище, – я освобождаю вас. Моя обитель – единственное прибежище; что станется с вами вне моей обители?

– Что станется с вами вне моей обители, вне моего корабля, где течение времени предстаёт в своём подлинном смысле, как в летящих линиях форштевня предстаёт морское течение? Предстаёт морское течение, которое без всякого шума возносит ввысь острова.

– Придите ко мне вы, кто изнемог в пустых хлопотах и бессмысленной суетне.

– Придите ко мне вы, кто запутался в мыслях, кто уловлен в сети законов, кто изнемог...

Он распахнул руки:

– Ибо я тот, кто приемлет. Я несу на себе грехи⁵⁰ мира. Я несу на себе его зло. Я несу на себе вашу животную тоску по потерянным детёнышам и ваши неизлечимые недуги, и вот вы утешены и чувствуете облегчение. Но твой недуг, о мой народ, хотя он чудовищнее и неизлечимее прежних, я возьму его на себя и понесу как и другие. Я понесу цепи более тяжкие, цепи разума.

– Я тот, кто несёт на себе бремя мира.

В голосовых фиоритурах этого человека Бернису слышалось отчаяние, ибо он не взывал об обретении Знака, Знаменья. Потому что он и не провозглашал Знаменья. Ибо он отвечал себе сам.

– Вы будете петь и смеяться как дети.

– Ваши тяготы, под которыми вы изнемогаете каждый день, принесите их мне: я придам им смысл, и они преобразят ваше сердце, и оно станет человеческим.

Слово падает в толпу. Бернис уже больше не прислушивался к нему, но кое-что долетало до него, повторялось как припев:

– И оно станет человеческим.

Он снова вскипел.

– Вашим чувствам чёрствым, жестоким и безблагодатным, о сегодняшние любовники, придите ко мне, и я придам им человеческий вид.

– Из поспешных виршей вашей плоти, из вашей бесконечной неудовлетворённости, придите ко мне, и я сделаю нечто человеческое...

Бернис почувствовал, как растёт его, зазывалы, отчаяние.

– Ибо я есмь тот, кто суть восторг и свет человеков...

Бернису захотелось смыться.

– Я единственный, кто может вернуть человека самому себе.

---

⁵⁰ Французский язык представляет здесь богатую игру смыслов: *rêcher*, грешить – *rêcher*, ловить рыбу; *rêche* – персик, *rêche* – грех.

Священник потух. В изнеможении он повернулся к алтарю. Он творил поклонение Богу, которого только что сам учредил. Он чувствовал себя кротким как тот, кто отдал всё, что имел, как будто его изнурение было его жертвоприношением. Сам того не сознавая, он приравнял себя ко Христу. Стоя лицом к алтарю, ужасно медленно, он повторил:

– Отче, я поверил в них, вот почему я отдал мою жизнь...

И в последний раз, зависнув над толпой, он произнёс:

– Ибо я возлюбил их...

Его била дрожь.

Тишина показалась Бернису наслаждением.

– Во имя Отца...

Бернис думал: Какая безнадёга! Где же энергия веры? Я услышал не воскрешающее воззвание веры, но крик полного отчаяния»⁵¹.

«L'acte de foi» всегда будет кончатся воплем абсолютного отчаянья, пока он не превратится в *l'acte de connaissance*: **акт веры – в акт знания**, ибо **знание** это совместное **рождение** в реальность, **con-naissance**, а не демагогическое подвешивание толпы на одной патетике слов. Церковь же вся такова. Ибо атеистична. Поскольку «вера способна породить или фанатиков, или отступников» – таково резюме великого французского гностика и рыцаря.

Подлинная Церковь верных может возникнуть только в среде **знающих, знающих, что Бог – есть**. Тогда ничего не надо будет строить на звуковой волне изрыгаемых проповедей. Воздушные замки рушатся в тот момент, когда в груди демагога кончается воздух. Подменяя собой Планетарного Логоса, они способны породить только **слова**, – «слова, слова, слова», как говорил Гамлет. Фальсифицируя известный зачин Евангелия от Иоанна на «В начале было **слово**», ничтоже сумняшеса лепя **его** в

---

⁵¹ A. de Saint-Exupery. Oeuvres. P, NRF, 1959; Corrier sud, 44-47. Пер. мой – ОК.

конце и, естественно, заполняя **им** всю середину, именно они превратили Христа в чисто вербальный фантом, фанатично выполняя установку своего родителя провокатора Савла. Павлианство с III века н. э. вытеснило иисусианство под прикрытием иудаистской абстракции мессианства, которое в греческой вокабуляции стало магической бронёй, за которой укрылись мошенники и политиканы.

Но подлинные друзья, последователи и «поклонники» (говоря словами Булгакова) галилейского пророка всегда были, есть и будут, не имея никакого отношения к «истории церкви». К ним относятся все лучшие люди мира, и их непрерывная цепь и соединяет столетия воедино. **Штучное человечество** имеет матрицей для отливки «каждой штуки» именно Его, Планетарного Логоса. Христоподобие лучших постоянно актуализирует фигуру Иешуа Га-Ноцри и показывает, что только **такое существование** является **высшей формой существования вообще** в отличие от унылой иммортальности Вечного Жида, о котором богословы почему-то постоянно забывают. Профанное ликование «Христос воскрес!» перед лицом этого сурового персонажа еврейского фольклора должно было поперхнуться и умолкнуть раз и навсегда. Божественная сущность не может быть смертной даже на секунду, а не то что на три дня, а **если Иисус был смертен, то он не был Планетарным Логосом**, что не соответствует данным Иоанна Богослова.

Вот почему проповедник и вскидывается против Четвёртого Евангелия, сгребая его с гностиками в одну кучу и сдавая в макулатуру, чтобы освободить место голосу Великого Инквизитора. Настойчивые вопли «Придите ко мне!» напоминают удары по воде палкой загонщиков рыбы, и подразумевают коварно стоящие в глубине воды сети.

«Приходящих» следует, прежде всего, обезволить, т. е. обесточить и затем заполнить рыбёшкой «потребительские корзины» церкви, они же – верши веры.

Коммерческий успех предприятия – подразумевается. Перед нами, по существу, развёрнутая рекламная акция, а поскольку «реклама – двигатель торговли», следует заключить, что торгующие окопались уже в самом Храме (Христос изгонял их из Храмового подворья). Но иудеи обходились одним единственным Храмом, «христианство» же расплодило их множество, аннулировав акцию «пилигримажа в святую Землю», превратив его в чисто туристическое предприятие. Девальвированы были и все остальные сакральные ценности. Зачем таскаться в Париж, если в любом провинциальном музее можно повесить по добротной копии Джоконды? Главное – состричь купоны, пока не погас энтузиазм. И наглые бабы с блюдами сбора даяний прорезают, как раскалённый нож масло, самую плотно стоящую в церкви толпу, и участковый, вызванный в храм по поводу драки между попами при дележе выручки, спрашивает потерпевшего удивлённо: «это, каким он вас **образом** ударил?»

Министр пропаганды III рейха Геббельс высказался категорически: «Ложь должна быть чудовищной, чтобы в неё поверили абсолютно все». **Многочленные** “уравнения” Нового времени – дорвавшиеся до власти мировые религии (все – бывшие секты) и рвущиеся к власти тусовища новых мессий – раз и навсегда выведены этим “откровением” на чистую воду. От мумий фараонов через мощи святых к мавзолеям вождей – вот путь первомайских колонн человека роящегося. Высоты цивилизации не коснулись этого “геологического пласта”. Как достижения мысли Эйнштейна не изменили рисунка движения муравьёв.

И всё-таки Христос победил мир.

И Его верный рыцарь Бернис осваивает новую стихию, покоряя её под власть своего Архистратига. Он

развивает победу Христа – кроткого галилейского плотника, который принёс в мир «не мир, но меч». – Рыцарский меч. И мистика жизни Экзюпери в том, что он дожил до времени битв (напомню, что два его ближайших товарища – Мермоз и Гийоме – сгнули в мирных полётах). Он ушёл как подлинный воин, хотя и не обагрил своих рук человеческой кровью. Но даже духовный рыцарь должен иметь в руках меч. – Меч Христа.

И что́ ему, солдату в седле, разглагольствования пиявки? С ним вместе Христос взлетел, и это Вознесение – помощнее евангельской басни.⁵² А с проповедником Он даже не вспотел, ибо не был заодно с краснобаем от культа.

О, Бернис, обернись во гнев! Ибо ты подлинно апостол, а не кукушка в домашних ходиках. И не ярмарочный зазывала. *«Бернис встал. Все его движения спросонья были тяжелы как жесты галерника. Как жесты некоего апостола, который вытягивает вас на свет божий из самых ваших глубин»*⁵³.

В «Морали необходимости» Экзюпери поясняет: *«Чтобы обрести душу, нужно спокойствие, и Нагорная проповедь проходит через века»*⁵⁴. Это опять-таки о победе, а не о завывании. Тихая и почти безмолвная победа Солнца Правды – вот что такое Европейская цивилизация, «Наследница Бога» (имеется в виду Планетарный Логос).

Но Христос – Истина. И вот что говорит святой Антуан по этому поводу:

«Наш инстинкт и опыт велят нам не слишком доверять рассуждениям: доказать можно что угодно. Истина – это не то, что можно доказать; это то, что делает мир проще».

---

⁵² Напоминаю о Пушкинском: «...басни умеренного демократа I.X.»

⁵³ Там же, 41. Перевод мой. – ОК.

⁵⁴ III, 115.

И снова: *«Но истина, как мы помним, – это то, что делает мир проще, а не то, что создаёт хаос»*⁵⁵.

Религиозная реформа Эхнатона захлебнулась, ибо он хотел упростить мир слишком геометрически логично. Деспотия униформизма отпугнула вольнолюбивых египтян.

Только Сам Планетарный Логос, спустившись на землю, смог отменить все интеллигентские «точки зрения» и заменить их единой **точкой схода** в картине мира, – Собой. Это и выражают краткие, но ёмкие слова Экзюпери.

Рождество – главный эпизод евангельской истории, не только потому, что оно отмечает появление среди людей Царя Мира, но и потому, сто в нём участвовали представители духовной элиты человечества.

«Благодарность, возносимая миром за рождение крошечного ребёнка, – как это поразительно! Две тысячи лет спустя! Род человеческий сознавал, что должен вырастить чудо, как дерево растит свои плоды; и вот он весь стеснился вокруг чуда – какая в этом поэзия!

*Цари-волхвы... Легенда или история? А до чего красиво!»*⁵⁶

В годы войны, когда псевдоарийское неоязычество нацистской Германии вкупе с советском социалистическим безбожием стали антихристовой коалицией, вытравливающей из европейской культуры само имя палестинского пророка, Экзюпери поддерживает христианские ценности, созданные корифеями европейской культуры последних девятнадцати столетий.

«Человек [отвергает] в человеке тайну – может быть милосердие христианства. И речь тут вовсе не о почитании под видом заурядной благотворительности качеств, лишённых всякого величия. Император Византии, взяв двадцать тысяч пленных, повелел всем им выколоть глаза. А я сейчас, взглянув в лицо врага,

---

⁵⁵ III, 70, 72.

⁵⁶ III, 230.

распознаю в нём лик своего Бога – и у меня опускаются руки. Что же я в нём щажу, если не то, что кроется за видимостью обезволенного, связанного человека?»⁵⁷

«В христианстве, например, существуют обязанности, именуемые мирскими. Да, старая крестьянка, подметая комнату и задавая курам корм, посвящает скромные труды свои Богу. Христианство, как мне представляется, стремится претворить действие в молитву. Христианство обогащает душу, действие же в свою очередь обогащает старую крестьянку»⁵⁸.

«Сто миллионов немцев сохраняли добрососедские отношения лишь в той мере, в какой остальной мир нёс ответственность за свободу. В большей или меньшей степени подобная солидарность, прервавшаяся несправедливостями и периодами помрачения, существовала долгие века, с тех пор как христианство омыло землю. Свобода, внутренний мир, уважение к человеку – вот подлинное сокровище, но сокровище, которое может быть только всеобщим»⁵⁹.

Нацистский тоталитаризм сравнивается Сент-Эксом с поклонением новому Корану, провозглашаемому параноидальным демагогом, играющим на струнах национального эгоизма немцев.

«Но вот пришёл человек, который разом стреножил мысль, окостенил её, втиснул в свой коран, и человечество под его властью мгновенно превращается в муравейник. Мысль не способна идти вперёд, так как не может больше вступать с собою в противоречие. И тогда основой всего становится призрак истины. Тот самый незыблемый гранит, на котором в прошлом зиждились гигантские термитники»⁶⁰.

---

⁵⁷ III, 123.

⁵⁸ III, 125.

⁵⁹ III, 136.

⁶⁰ III, 139.

«А я отвергаю эти стадные чувства, отвергаю эту мнимую простоту в духе Корана, отвергаю поиски козлов отпущения. Я отвергаю высшие цели святой инквизиции. Я отвергаю пустые слова, из-за которых бесполезно проливаются реки людской крови»⁶¹.

«Возможно, Гитлер лучше, чем кто-либо другой, умеет извлекать выгоды из высокого уровня человеческих знаний и из разносторонней науки своей страны. Он сумел организовать серийное производство армий, которыми вы восхищаетесь, и сумел вонзить когти в свой народ. Но в чём вы видите его величие? Я считаю его мародёром, крадущим плоды мысли. Мысли, которую он презирает. <...> Да и как могли мы поверить, что явившийся по соседству Магомет откроет чудовищную очевидность: человек не имеет права на собственную одежду, поскольку не способен отстоять её от всех остальных?»⁶²

«Я думаю, что Гитлер искренен. Но именно потому, что он, словно Магомет нового времени, искренен, его необходимо уничтожить»⁶³.

Это уже вердикт. Идеологически политиканам нацизма противостоял один Экзюпери. Как Сталину – Михаил Булгаков. Лишь они посмели поднять голос против попранного безумием масс человеческого достоинства.

Но в ходе политического взвешивания удельного веса духовных реалий Европы и осмысления её старых религиозных стереотипов вдруг отчётливо проступила убийственная мысль, догадка, озарение: *«Разве я виноват, что на любом божестве заводятся паразиты?»⁶⁴*

И, цепляясь за полы гигантов, поднимаясь всё выше, к истокам:

---

⁶¹ III, 169.

⁶² III, 139-140.

⁶³ III, 136.

⁶⁴ III, 235.

«Богу угрожать, разумеется, бессмысленно. И бессмысленно то, что пишет мне мой корреспондент о Бахе: ведь он – просто бог, просто “присносущий”. Потому что Бах сумел то, что сумело это письмо. Не такие уж это разные вещи. И естественно, мне кажется, что не я могу жить без той, что написала мне это письмо. Но напиши мне не она, а другая – я и без той не мог бы жить. Я сразу же сказал себе: “Вот то, чего я жажду”, потому что здесь для меня был готов водопой, но встретиться мне Бах или какая-нибудь другая старинная песня XV века, я тоже сказал бы: “Вот то, чего я жажду...” И, в конце концов, жажда моя минует их всех, минует Баха и устремится к какой-нибудь мере всех вещей, которая мне никак не даётся».

«Это похоже на воздействие музыки. Вас погружают в стихию Иоганна Себастьяна Баха, и все ваши ощущения меняются. Даже смерть, если она настигнет вас в это время, приобретает совсем иной смысл. И любой ваш поступок. И любое горе. <...> В сущности, если Бах говорит мне что-то, значит, он меня “признал”»⁶⁵.

«Можно одурманить немцев хмелем сознания, что они – немцы и соотечественники Бетховена. Таким хмелем можно и кочегару вскружить голову. Это, конечно, гораздо легче, чем пробудить в кочегаре Бетховена <...>

К чему обманывать кочегара, посылая его во имя Бетховена драться с соседом? Какая ложь! Ведь в этом же краю Бетховена бросают в концентрационный лагерь, если он думает не так, как кочегар. У кочегара должна быть иная цель – возноситься до того, чтобы однажды заговорить, как Бетховен, на общем для всех языке»⁶⁶.

«Сажусь напротив спящей семьи. Между отцом и матерью кое-как примостился малыш. <...> Я смотрел

---

⁶⁵ III, 233.

⁶⁶ III, 85-86.

на гладкий лоб, на пухлые нежные губы и думал: вот лицо музыканта, вот маленький Моцарт, он весь – обещание! Он совсем как маленький принц из сказки, ему бы расти, согретому неусыпной разумной работой, и он бы оправдал самые смелые надежды! <...> Но люди растут без садовника. Маленький Моцарт, как и все попадает под тот же чудовищный пресс. И станет наслаждаться гнусной музыкой низкопробных кабаков. Моцарт обречён.

...Мучительно не уродство этой бесформенной, измятой человеческой глины. Но в каждом из этих людей, быть может, убит Моцарт»⁶⁷.

И, переходя от гигантов музыки к духовной культуре вообще: «Я присутствовал здесь при восхождении мысли, подобном движению соков по стволу; рождённая в доисторической тьме из глины, она поднялась понемногу до высочайших вершин – до Декарта, Баха, Паскаля»⁶⁸.

Что же привело Экзюпери к берегу именно **культуры**? Почему он чувствовал себя как рыба в воде только в **пространстве культуры**?

Культ застыл догмой много столетий назад и всякий духовный поиск, любую богословскую новацию рассматривал как «покушение на основы» и опасную ересь. Бог же – **живое**, и откровения от него нисходят в мир постоянно, славливаемые и фиксируемые лучшими умами адекватно.

Но кого из церковников это интересует? Они «монополизировали» Божество, и всякая информация, прибывающая в мир в обход их клана – априорная ересь, кощунство и бунт. Достоевский в «Великом инквизиторе» продемонстрировал это с предельной выразительностью и силой.

«В пятнадцать лет я напал на Достоевского, и это было для меня истинным откровением: я сразу

---

⁶⁷ III, 308.

⁶⁸ III, 75.

почувствовал, что прикоснулся к чему-то огромному, и бросился читать всё, что он написал, книгу за книгой...»⁶⁹

Но Достоевский лишь вбил осиновый кол своей прекрасной Легендой. Истинная смерть культа была фиксирована Великой Французской революцией, а её лозунг: «Свобода, Равенство, Братство» был возвратом к идеологии общин первых последователей Иешуа Га-Ноцри.

Подлинная духовная свобода была завоёвана ещё раньше. Именно в культуре – в отличие от культа – *новация* никогда не считалась крамолой. Смена стилей и направлений в искусстве была в порядке вещей. Значит, творческая жизнь осталась только в культуре. Революционеры духа Блейк, Гёте и Гойя прятались за статус художников, камуфлируя свои гностические открытия и духовные откровения под «художественный вымысел» и «артистический произвол». Фундаментальные наработки в демонологии были сделаны художниками – первоапостолами культуры в конце XVIII – начале XIX века.

Поэтому, прежде всего, среди мировой художественной элиты находил Экзюпери себе братьев по духу. Благодушествуя – в недолгое мирное время – с Тагором, Метерлинком или Джебраном, он подбирался и переходил на патетику жертвы с Шарлем Пеги или Нурдалем Григом в годы войны.

Кошмары тоталитаризма поставили проблему духовной свободы особенно остро.

«Есть только одна проблема, одна-единственная, состоящая в том, чтобы вновь открыть жизнь духа, которая выше всего, в том числе, и жизни разума. Открыть единственное, что может принести человеку удовлетворение. Это шире, чем проблема религиозной жизни, являющейся лишь одной из форм жизни духовной (хотя, быть может, религиозная жизнь непременно вытекает из духовной). А жизнь духа начинается там,

---

⁶⁹ III, 144.

где “видимое” бытие рождается из чего-то, что выше составляющих его элементов»⁷⁰.

«Уважение к человеку! Уважение к человеку! Вот он, пробный камень! Нацист уважает лишь себе подобных, а значит, он уважает только себя. Он отвергает противоречия – основу созидания, а стало быть, разрушает всякую надежду на движение к совершенству и взамен человека на тысячу лет утверждает муравейник роботов. Порядок ради порядка оскотливает человека, отнимает у него важнейший дар – преобразовать мир и самого себя. Порядок создаётся жизнью, но сам он жизни не создаёт»⁷¹.

«Сейчас существует не так уж много возможных позиций: либо согласиться стать рабом Гитлера, либо решительно отказаться от покорности ему, заранее принимая весь риск подобного непокорства. <...> Я принимаю весь риск подобного непокорства. <...> Я принимаю весь риск своего отказа покориться. Только мне необходимо перейти грань, чтобы как следует почувствовать, от чего отказываться, отказываясь от мира. <...> От личной свободы. <...> Возможно, от жизни. И я спрашиваю себя: ради чего? Это столь же горько, как религиозные сомнения. И, безусловно, столь же плодотворно. Это невыносимое противоречие, которое вынуждает искать истину»⁷².

*«В храм водворяются варварские боги. Они используют все эти возможности. И, может быть, лучше, чем мы. С бóльшим порядком. <...> Но возможно ли будет в корсете из корана **противоречие, которое одно только и оправдывает прогресс?** Ведь Гитлер же сам заявил: «Чересчур много образованных...» Смысл всего этого совершенно ясен... Таинства герметической религии и великие жрецы от науки, которые по*

---

⁷⁰ III, 193.

⁷¹ III, 184-185.

⁷² III, 107 (акцентуация моя. – ОК).

восходящей творят коран своих истин-откровений. Кто решится и восстанет против догмы?»⁷³

Культы абсолютно посюсторонних вождей сменили в XX веке культы трансцендентальных личностей и богов, и начало этому заземлению баснословного положил в VI веке Магомет, история жизни которого вполне тривиальна с точки зрения мистики и романтической поэтичности. Вот почему диктаторы недавнего прошлого – начиная с Наполеона – даже бравировали своей земной всамделешностью. Их наглая псевдохаризматичность не рядилась даже в костюмы средневековой героики, хотя лживописцы III Рейха изображали Гитлера в латах и антураже театральной бутафории.

Догматика, перешедшая в зону политической идеологии, перетянула на себя инквизиторские приёмы защиты от инакомыслия и попыток исследования философских основ и гностических аргументов новых социальных религий. Гиммлер, Ягода, Ежов и Берия были гораздо более масштабными фигурами, чем Лойола и Торквемада.

Реставрация двуногого зверя, упор на культ силы, восстание многомиллионных масс против доминанции в обществе интеллектуальных элит – весь этот бандитский вариант наполеонизма был вызовом духовным ценностям европейской цивилизации и испытанием её носителей и адептов.

Адептом номер один в этой борьбе и был Экзюпери.

Конечно, он не оказался одинок в **противлении злу усилием духа**. Менее дальнобойные Чаплин и Брехт поддержали его своими «Диктатором» и «Карьерой Артуро Уи». А общая антитоталитаристская оппозиция была ещё шире и многочисленней. Но со Сталиным, которого боялись гораздо больше Гитлера, посмел схлестнуться один Булгаков.

---

⁷³ III, 128 (акцентуация моя. – ОК).

Экзюпери требовал **ясного Бога** взамен оккультных темнот доморощенных мистиков III Рейха. Производя глубокий сравнительный анализ творчества Ибсена и Пиранделло (в одном из писем к Ренэ де Соссин 1925 года), он резюмирует, вдохновлённый примером его норвежского любимца: *«Непонятное всегда привлекательнее того, что ясно. Из двух объяснений какого-нибудь явления люди инстинктивно предпочитают сверхъестественное. Потому что другое, истинное объяснение слишком просто и тускло: от него волосы на голове не встают дыбом. Парадокс всегда притягательнее, и большинство всегда предпочитает парадокс. Я говорю сейчас о явлении общераспространённом. Очень многие заблуждения обусловлены именно такой потребностью. Потребностью приукрасить мысль не для того, чтобы лучше её понять, но для того, чтобы потрясти воображение.*

Можно пойти гораздо дальше. Можно, пожалуй, сказать, что всё, что поражает и прельщает воображение, почти всегда неверно. И первое условие понимания есть своего рода бескорыстие, забвение самого себя. <...> У меня нет ни малейшего желания очаровывать блестящими парадоксами и тут же с готовностью отказываться от своих слов»⁷⁴.

К парадоксам Экзюпери вернулся. Но не как ни к чему не обязывающим экзерсисам интеллектуальной игры с заранее запрограммированной ничьёй в конце разговора, а как к разъедающей душу реальности трагического дуализма бытия.

«Он идёт с ношей своих убеждений, как евангелист. А на той стороне <...> другой евангелист, какой-нибудь верующий, также озарённый светом своих убеждений,

---

⁷⁴ III, 269.

вытаскивает тяжёлые сапоги из той же грязи и тоже идёт на неведомое свидание»⁷⁵.

Бытие устроено полярно, и адекватное его схватывание наполняет душу пророка гулом противоречий. Но на то ему и дан гений, чтобы невероятным образом эти противоречия примирять, несоединимое объединять, нестыкующееся гармонизировать. Гуманистическая проповедь всегда кончается жертвой оратора. И Экзюпери разрабатывает эзотерическую философию жертвы, каждодневно участвуя в саможертвоприношении. Чему и посвящён «Военный лётчик», последние главы которого – подлинное **евангелие Гуманизма**.

Евангелие это состоит из концептуальной гностической проработки с наполнением *соком смысла* фундаментальных понятий Европейской культуры, которые вновь обнажились, когда рухнуло пышное здание культа в конце XVIII века: *Свобода, Равенство и Братство* – духовная развёртка Самого Планетарного Логоса, сошедшего на Землю два тысячелетия назад. Экзюпери добавляет к ним *Милосердие и Жертву*, которые доводят общий рисунок до полной пентоидности, причём, два последних свойства служат “ногами” прямой пентаграммы. Гуманизм из идеологического «дуновения духа» визуализируется в живую антропную структуру, где **Братство** становится головой целого.

Доминантным оказывается образ **зерна и пшеницы** в целом, развивающие и дополняющие знаменитые новозаветные притчи.

«Единственная победа, которая не вызывает у меня сомнений, – это победа, заложенная в силе зерна. Зерно, брошенное в чернозём, уже одержало победу. Но должно пройти время, чтобы наступил час его торжества в созревшей пшенице...

Потому что духовную культуру можно сравнить с пшеницей. Пшеница кормит человека. Но и человек, в

---

⁷⁵ III, 74.

свою очередь, заботится о пшенице, ссылая в амбары зерно. И запасы зерна сберегаются как наследие от одного урожая к другому»⁷⁶. Фигура не названного впрямую Иисуса Христа вырисовывается здесь отчётливо и объёмно. С плотью из хлеба и пшеничными волосами галилейский пророк встаёт живым в каждом слове. Причём, если «община земледельцев», Франция – это Христос, то «государство кузнецов», Германия – это Молох. Что и сказало в кровавой расстановке сил во время Второй мировой войны.

Хлебным духом и пшеничным светом входит Иешуа Га-Ноцри на страницы книги и сразу обнаруживает своё присутствие:

«Я впервые постигаю одну из тайн религии, породившей духовную культуру, которую я считаю своей: “Принять на себя бремя грехов человеческих...” И каждый принимает на себя бремя всех грехов всех людей»⁷⁷.

Затем Иешуа предстаёт как принцип **свободы**:

*«Легко основать порядок в обществе, подчинив каждого его члена определённым правилам. Легко воспитать слепца, который, не протестуя, подчинялся бы поводырю или Корану. Настолько же труднее **освободить** человека, научив его властвовать над собой».*

(Ислам, применительно к европейскому менталитету, окончательно растоптан и вдавлен в землю. Подразумеваются германский и российский аналоги: «Майн кампф» и «Вопросы ленинизма». Вместе с тем, последняя фраза дословно повторяет великий завет Пушкина «Учитесь властвовать собою».)

*«Что значит **освободить**? Если в пустыне я **освобожу** человека, который никуда не стремится, чего*

---

⁷⁶ I, 418, 424.

⁷⁷ I, 423. В оригинале Экзюпери употребление слово «цивилизация»; переводчица передаёт это словосочетанием «духовная культура» комплементарней для меня, чем я бы сам мог это себе позволить.

будет стоить его **свобода**? **Свобода** существует лишь для того, кто стремится куда-то. **Освободить** человека в пустыне – значит **напоить его жаждой и указать ему, где колодец**. Только тогда его действия обретут смысл. Бессмысленно **освобождать** камень, если не существует силы тяжести. Потому что камень, почуяв **свободу**, не сдвинется с места, оказавшись нигде. <...>

Незримый путь тяжести **освобождает** камень. Незримые склонности **освобождают** в любви человека. Моя духовная культура стремилась сделать из каждого человека Посланника одного и того же принца. Она рассматривала индивидуума как дорогу или месседж того, кто больше его; она оставляла ему **свободу** восхождения туда, куда влекли его силы притяжения». ⁷⁸

Проще говоря, **свобода** – это всегда **свобода выбора**. Но человек отличается от буриданова осла точным знанием, чего именно он хочет, и только человек толпы может быть парализован предоставляющейся возможностью. На это ссылается Великий инквизитор Достоевского.

Не менее ярок Иешуа и как гарант **равенства**.

«Созерцание Бога служило основой **равенства** людей в силу их **равенства** в Боге. И смысл этого **равенства** был ясен. Потому что **равными** можно быть только в чём-то. <...> **Равенство** становится пустым звуком, если нет ничего, что связывало бы это **равенство**.

Мне ясно, почему это **равенство**, которое было **равенством** прав Бога, выраженных в личностях, запрещало ограничивать восхождение отдельного индивидуума: ведь Бог мог его избрать в качестве своего пути. Но так как речь шла также о **равенстве** прав Бога «свыше» на индивидуумов, я понимаю, почему индивидуумы, каковы бы они ни были, выполняли одни и те же обязанности и подчинялись одним и тем же

---

⁷⁸ I, 428. Ред. моя. – ОК (акцентуация моя).

законам. Служа Богу, они были **равны** в своих обязанностях.

Я понимаю, почему **равенство** в Боге не влекло за собой ни противоречий, ни беспорядка. Демагогия возникает тогда, когда за отсутствием общей меры, принцип **равенства** вырождается в принцип тождества.
<...>

Моя духовная культура, наследуя Богу, основала **равенство** людей в Человеке»⁷⁹.

Строго говоря, люди равны только на линии старта, объединённые единым жизненным соревнованием. Правда, Бог создаёт слишком разнокалиберные личности, чтобы у финиша была толчея. Впрочем, **неравенство финала** обеспечивает фотофиниш.

Но Экзюпери чётко артикулирует свою основополагающую идею: **равенство людей в Человеке** приходит на смену **равенству людей в Боге**, а цивилизация гуманизма наследует сдающей свои полномочия христианской цивилизации. Этому и посвящена вся гностическая концовка «Военного лётчика». И то: на арене Европы сражались два христианских государства – Германия и Франция, и базилевс Экзюпери проводил новую демаркационную линию: арбитром здесь он подразумевает Духа Святого.

«Моя духовная культура стремилась положить в основу человеческих отношений культ Человека, стоящего выше отдельной личности, чтобы поведение каждого по отношению к самому себе и другим не было слепым подчинением законам муравейника, а стало **свободным проявлением любви**».⁸⁰

Это уже концепция Третьего Завета. Ничто, **кроме любви** не регламентирует человеческих отношений. Если сам Сент-Экс не способен в качестве Византийского императора ослепить двадцать тысяч пленных врагов,

---

⁷⁹ I, 429. Ред. моя. – ОК (акцентуация моя).

⁸⁰ I, 428 (курсив мой. – ОК).

значит он император совсем другой империи. – Империи Духа.

И, наконец, третье и высочайшее явление Иешуа:

«Веками моя духовная культура сквозь людей созерцала Бога. Человек был создан по образу и подобию Божию. И в человеке почитали Бога. <...> Этот отблеск Бога сообщал каждому человеку неотъемлемое достоинство. Отношение человека к Богу ясно определяло долг каждого перед самим собой и перед другими. <...>

*Я понимаю происхождение **братства** между людьми. Люди были **братьями** в Боге. **Братьями** можно быть только в чём-то. Если нет узла, связующего людей воедино, они будут поставлены рядом друг с другом, а не связаны между собой. Ибо невозможно быть **братьями** вообще. <...>*

*Моя духовная культура, наследница Бога, сделала людей **братьями** в Человеке»⁸¹.*

Наиболее органично вписываются в **религию гуманизма любовь к ближнему, уважение к Человеку и смирение**. Они, в свою очередь, порождают **ответственность друг за друга и жертвенность** каждой личности в пользу **человеческой общности**. За 2000 лет, после того, как на Землю пришёл Сын Человеческий, Человек стал котироваться необычайно высоко. Перлы слов Планетарного Логоса облагородили-таки бывших «свиней». Хотя и не сняли до конца разницу между **человечеством штучным** и человеком “роящимся”. Тест на тоталитаризм XX века выявил это с предельной отчётливостью. Просто французы переболели опасной болезнью во время наполеоновских войн – через сто лет их догнала остальная Европа. Поэтому французское происхождение гуманистической проповеди – логично. Франция первой стала республикой на континенте и успела пробыть в этом качестве достаточно долго, «чтобы

---

⁸¹ I, 428-429; 430. Ред. моя (курсив мой). – ОК.

назидать **власти народа** всех остальных». «Народа», не очерченного национальными рамками.

«Я понимаю, откуда происходит уважение людей друг к другу. Учённый должен был уважать грузчика, потому что в этом грузчике он почитал Бога, чьим полномочным посланником грузчик являлся наравне с ним. Каковы бы ни были ценность одного и посредственность другого, ни один человек не имел морального права обратить другого в рабство: ведь посла унижать нельзя.

(Воистину, Планетарный Логос нисшёл на Землю, чтобы отменить рабство. Царь Небесный в одночасье превратил господ и рабов земных в равнозначных «рабов божьих». «Человечья сила» в экономике уступает место «лошадиной силе». В этом компактно выразились все три основные качества Сына Человеческого: **Свобода, Равенство, Братство.**)

Но это уважение к человеку не приводило к раболепному пресмыканию перед посредственностью, перед глупостью и невежеством, потому что в человеке уважалось, прежде всего, достоинство Посла Бога. Так, любовь к Богу создавала основу возвышенных отношений между людьми, поскольку дела велись между Посланниками независимо от персональных достоинств.

Моя духовная культура, наследуя Богу, основала уважение к Человеку, невзирая на ограниченность каждого по отдельности»⁸².

«Наследуя Богу» может означать только «наследуя Иисусу Христу, Планетарному Логосу». Если так, то все нехристианские религии Земли автоматически выбывают из этого абстрактно-романтически намеченного братства. Представители иноверческих территорий мгновенно затребуют «метрики Божества» и если выяснят, что паспортные данные **Dieu** Экзюпери не соответствуют их кондициям, разговор с «витией» будет короткий. *«Если, выпрыгнув из самолёта, натолкнёшься на женщину, непременно поцелуй её в грудь. Тогда ты будешь*

---

⁸² I, 429-430. Ред. моя. – ОК.

священной личностью, она будет считать себя твоей матерью, тебе подарят быков, верблюда и тебя женят. Это **единственный** способ остаться в живых»⁸³. Это только начало безоговорочной капитуляции и перехода в ислам. Может быть, овечья кротость капитулянта это и есть «христианское смирение»? «Я понимаю глубокий смысл **Смирения**, которого требовали от каждого. И оно отнюдь никого не принижало. Наоборот, возвышало. Оно высвечивало ему роль Посланника. Требуя от него почитания Бога через ближнего, оно, в то же время, требовало, чтобы он почитал его в самом себе, сознавая себя вестником Бога или дорогою Божества. **Смирение** предписывало ему, забывая о себе, тем самым возвышать себя, ибо, если индивидуум станет преувеличивать своё собственное значение, дорога сразу же упрётся в стену.

(Отсюда резюме):

Моя духовная культура, наследница Бога, проповедовала, также, уважение к самому себе, то есть, уважение к Человеку через самого себя»⁸⁴.

Агнчья покорность чужому диктату из этого текста отнюдь не следует. Сама безапелляционность встаёт в противоречие с прокламируемым. Вроде крика «Тихо!!!» Это логическая ловушка, типа тютчевского «мысль изреченная есть ложь».

«Я понимаю, наконец, почему любовь к Богу возложила на людей ответственность друг за друга и предписала им **Надежду** как добродетель. Ведь каждого человека она превращала в Посланника одного и того же Бога, в руки каждого отдавала спасение всех. И никто не имел права отчаиваться, потому что каждый был вестником кого-то более великого, чем он сам. Отчаяние равносильно отрицанию Бога в самом себе. <...>

Моя духовная культура, наследуя Богу, сделала каждого ответственным за всех людей и всех людей – ответственными за каждого. Отдельный человек

---

⁸³ III, 310. Акцентуация моя. – ОК.

⁸⁴ I, 431. Ред. моя. – ОК.

должен жертвовать собой ради спасения коллектива, но дело тут не в примитивной арифметике. Всё дело в уважении к Человеку сквозь индивидуум. Величие моей цивилизации в том, что сто шахтёров будут рисковать жизнью ради спасения одного засыпанного в шахте товарища. Ибо они спасают Человека»⁸⁵.

Если это не социальное предписание, при котором люди *обязаны* поступать таким образом, то, несмотря на благородство звучания, это всё равно – философия роя. Для Баха и Моцарта в этой инструкции места нет. Если же Декартами и Паскалями затыкать амбразуры во вражеских дотах, то это худшая услуга, которую можно оказать Божеству. Ведя двойное бытие лётчика и писателя, Экзюпери пытался не отставать от своих погибших приятелей Мермоза и Гийоме. Но если б эти двое сохранились живыми, никто из них не написал бы «Цитадели». А гибель Сент-Экса, который старался действовать *как* все, обернулась катастрофой в духовной экологии мира. Европа осталась без Учителя сразу после войны.

Полководец не имеет права вести себя, как простой солдат. Служение Истине Экзюпери посчитал менее важным, чем служение на поле боя. Плохую службу оказал он человечеству и Высшим Силам, используя себя как ординарную единицу в мясорубке Второй мировой. Французские традиционалисты – Генон и С^о – перейдя в мусульманство, стали подплясывать после войны сгинувшему любимцу, «аватаре Гитлеру». Высокие интеллектуалы и, одновременно, духовные люмпены остались без ответа со стороны земного представителя Божества. Оказавшись полными банкротами перед лицом национальных духовных сокровищ, сделавшись пятой колонной во время франко-алжирской войны, эти люди спокойно благодумствовали на обгаженной ими родине, пользуясь благами терпимости французской демократии.

---

⁸⁵ I, 431-432. Ред. моя. – ОК.

Отповедь, которой «наградил» Экзюпери коллаборациониста Бразильяка⁸⁶, справедливо расстрелянного после войны за сотрудничество с оккупантами, очень бы пригодилась в 50-е – 60-е годы, чтобы дать отпор этим жирующим отщепенцам. Часть интеллектуальной элиты Франции (и не только её), превращавшаяся в гностических извращенцев, переметнулась во время «крестового похода духа» в стан противоположной стороны под демагогические лозунги «борьбы с модернизмом» и «отстаивания духовного(!) наследия». *«Моя духовная культура, наследница Бога»* пришлась бы здесь очень кстати.

Беда Экзюпери была в том, что эти – последние в его жизни годы – он остался без опекуна, помощника и душеприказчика. И мать, с которой у него был мощный духовный контакт,⁸⁷ и возлюбленная, «ангельское пёрышко», как он её называл,⁸⁸ оказались вне возможности прямого общения. Генералы Шамб и Икер, пытавшиеся сберечь сокровище, промахнулись с девятым вылетом: нельзя было посылать в полёт человека, который уже не мог даже выпрыгнуть с парашютом. Да, он настойчиво просил. Но и отказу следовало быть категоричным. Чтобы совесть его была чиста. Франция не должна была терять своего духовного лидера! Помимо Вьетнама и Алжирской войны она получила и студенческие беспорядки 68-го года. Ведь Сент-Эксу было бы тогда всего 68! Как Франция XVIII века, влиявшая на всю Европу, она получила бы своего Вольтера! Недаром «Кандид» заканчивается совершенно в стиле Экзюпери: «Каждый должен обрабатывать свой сад». Вот откуда любимейший рыцарем Грааля образ **садовника!**..

---

⁸⁶ См. III, 125-126.

⁸⁷ См. письма к матери: III, 293-346.

⁸⁸ См. письма X: III, 93-251.

А так... Францией командовал гоголевский **Нос**, «великий Могол» переписки Экзюпери.

«...Я лучше уйду в монастырь траппистов, чем выдержу хотя бы сутки в том обществе последователей Корана, которое вы пытаетесь нам навязать, в обществе, где человека ценят не за суть, а за послужной список, где вместо сердец – манифесты, где соседи по лестнице возводятся в ранг доносчиков и судей, где нет уважения к внутреннему миру, где вы похваляетесь, что очищаете и оздоравливаете личность, чтобы потом разложить её потроха на солнышке на всемирной барахолке»⁸⁹.

Бросив себя в прорыв на одном фронте, Экзюпери катастрофически оголил другой. – Одеголлил. Франция же осталась не только с носом, но и без глаза. Без Ока Гора. Без вида с высоты. Люди, к которым он обращался в «письме одному из противников», таки и пришли к власти. И в Галлии стало противно жить.

А всё из-за близоруко понятой «жертвы».

*«Самое важное действие получило название. И это название – **жертва**.*

***Жертва** не означает ни безвозвратного отчуждения чего-то своего, ни искупления. Прежде всего, это действие. Это отдача себя Сущности, от которой ты считаешь себя неотделимым. <...>*

*Пока моя духовная культура опиралась на Бога, она могла спасти это понятие **жертвы**, которое создавало Бога в сердце человека. Гуманизм пренебрёг важнейшей ролью **жертвы**. Он вознамерился сберечь Человека с помощью слов, а не действий. <...>*

*Вместо того чтобы утверждать права Человека сквозь индивидуумы, мы заговорили о правах Коллектива. Незаметно у нас появилась мораль Коллектива, которая пренебрегает Человеком. Эта мораль может объяснить, почему личность должна **жертвовать** собой ради*

---

⁸⁹ III, 156.

*Общности. Но она не может объяснить, не прибегая к словесным ухищрениям, почему Общность должна **жертвовать** собой ради одного человека. Почему справедливо, чтобы тысяча людей приняли смерть ради спасения одного, осуждённого невинно. Мы ещё вспоминаем об этом принципе, но мало-помалу забываем его. А между тем, именно в этом принципе, в корне отличающем нас так явственно от термитника, прежде всего, наше величие»⁹⁰.*

Человек массовый ничего не может принести на алтарь общей жертвы, кроме своей жизни. То есть, маленькой вспышки в кострище большого огня. Но *штучники* имеют возможность сгореть по-иному. Чем **дольше** светит солнце Баха и Моцарта, тем человечеству лучше. Их не надо приглашать к **жертве**, ибо **жертвой** является вся их жизнь. Сам же Экзюпери произнёс великий афоризм: «Если у меня можно отнять то, что я храню для себя, то как можно отнять у меня то, что я отдаю другим?» Ни полководец, ни учёный, ни деятель культуры, ни пророк не экономят себя из шкурных интересов; они просто растягивают пользу, приносимую людям, на максимально длительный срок. Их медленное сгорание в каждый отдельный момент **превышает по интенсивности** вспышки отдельных людей. Даже в улье пчела-матка и живёт дольше рабочих пчёл, и превосходит их по размеру. Также пользуется и их обслугой.

Если граф де Сент-Экзюпери спокойно пользовался трудом слуги-камердинера, то святой пророк Антуан имел право на бережную заботу со стороны всего человечества. И должен был воспринимать это как эгоистическую бережливость всего общества, а не потакание своим человеческим слабостям. Но выбивать самому себе привилегии он посчитал недостойным. А арбитры от общественности категоричности не проявили.

---

⁹⁰ I, 433-434. Ред. и акцентуация мои. – ОК.

«Постепенно, забывая Человека, мы ограничили нашу мораль проблемами индивидуума. Мы стали требовать от каждого, чтобы он не наносил ущерба другому. От каждого камня, чтобы он не наносил ущерба другому камню. Разумеется, они не наносят друг другу ущерба, когда в беспорядке валяются в поле.

*(Ущерб начинается с обсечения **дикого камня** в **квадр**, ибо только в этом виде он может стать в тело собора. Так что собор – это иерархия ущербов, ансамбль ущемлённостей первоприрод. А нижние в кладке придавлены более всех остальных).*

Но они наносят ущерб целому кафедрала, который они могли бы составить, и который наделил бы смыслом каждый из них.

(Самый большой ущерб они наносят себе, ибо остаются в ранге простых валунов.)

*Мы продолжали проповедовать **Равенство** между людьми. Но, забыв о Человеке, мы уже перестали понимать то, о чём говорили. Не зная, что положить в основу **Равенства**, мы превратили его в туманное утверждение, пользоваться которым уже не умели. Как определить **Равенство** между индивидуумами, между мудрецом и тупицей, бездарью и гением? <...> **Свободу** как ничем не ограниченную распущенность, при которой дозволены любые поступки, лишь бы они не причиняли вреда другому. А это бессмысленно, ибо нет такого поступка, который бы никого не затрагивал. <...>*

*Понимая право на **свободу** таким образом, мы разучились пользоваться им, не наталкиваясь на непреодолимые противоречия. Не умея определить, в каком случае мы сохраняли наше право на **свободу**, а в каком лишились его, мы, чтобы спасти хоть какой-то неясный принцип, лицемерно закрывали глаза на бесчисленные препятствия, которые всякое общество неизбежно ставило перед нашими **свободами**»⁹¹.*

---

⁹¹ I, 434-435. Ред. моя. – ОК.

Итак, без живого присутствия на Земле Самого Планетарного Логоса, **равенство** сползает в принцип **тождества**, а **свобода** оборачивается **вседозволенностью**. Ещё бы! – «Без Бога не разделите». Только в замыслах Творца разнокалиберное и неравномерное, разнопёрое и мелкотравчатое оправдано и уместно. Это подобно разному достоинству фигур на шахматной доске. Ансамблевое взаимодействие, гармония и мобильность выявляют мудрость калибровки Творца. Сумма всех партий, сыгранных в шахматы выявляет величие и глубину изобретателя игры. Это же касается и **свободы**. Христово «не убий» не отменило казни государственных преступников и должность палача; они были и в христианских государствах. Значит, **свобода** предусматривает занятие освободившихся зон или вытеснение оттуда конкурента согласно правилам игры. **Свобода выбора** предусматривает **свободу соревнования**. Причём, из зоны физического единоборства оно перешло в область мысли и таланта, оставив первой только спорт.

*«Что же касается **милосердия**, то мы даже не осмеливались больше его проповедовать. В былые времена **Милосердием** называлась жертва, создававшая какую-нибудь Сущность, если эта жертва прославляла Бога через его человеческий образ. Через индивидуума мы воздавали Богу или Человеку.*

(То есть Сыну Божьему или Сыну Человеческому.)

*Но, забыв о Боге или о Человеке, мы стали воздавать только индивидууму. С тех пор **Милосердие** часто становилось действием оскорбительным. <...>*

(Ибо попахивает покусением на прерогативу одного Планетарного Логоса. Люди же все равны в смертности и уже поэтому не имеют права смотреть друг на друга свысока.)

*Самое же главное состоит в том, что наше **милосердие**, истолкованное превратно, обращалось против себя самого. Основанное исключительно на*

жалости, оно запретило бы всякое воспитующее наказание. Подлинное же Милосердие, будучи служением Человеку, а не индивидууму, повелело нам бороться с индивидуумом, чтобы возвеличить в нём Человека»⁹².

Как только появляется тема «воспитующего наказания», на сцену сразу выходит Сатанаил-Воланд; Экзюпери так же деликатен в словесном обнаружении анонима, как и прямом назывании имени Иешуа. Но экзекутивные функции, кроме Князя Мира сего, выполнять больше некому. Стружии в руках ангелов – символы осей (метagalактической, галактических, звёздных систем, планетарных и т. д.) и антенны, в крайнем случае. Даже архангел Михаил с мечом в руке – не более чем особый грим Люцифера. Как и все небесные архистратиги. **Справедливость** (Строгость) – оборотная сторона **Милосердия**, что отчётливо видно на Кабалистическом древе в двуединстве сефир *Хесед* и *Гебура* (кстати – пятый, антропный уровень снизу).

*«Так мы потеряли Человека. А, потеряв Человека, мы лишили тепла то самое **братство**, которое проповедовала наша духовная культура, потому что **братьями** можно быть только в самопожертвовании. Оно возникает в общем даре чему-то более великому, чем мы сами. Но, подменив этот корень всякого истинного бытия бесплодным измельчанием, мы свели наше **братство** просто ко взаимной терпимости.*

Мы перестали давать. Но если я претендую на то, чтобы никому ничего не давать, кроме самого себя, я и не получаю ничего, ибо не создаю ничего, что бы не было я сам, а значит, я – ничто. И если от меня потребуется умереть за некие интересы, я откажусь умирать. Выгода, прежде всего, повелевает жить. Какой порыв любви оплатит мою смерть? Умирают за дом. Не за пожитки и стены. Умирают за собор. Не за камни. Умирают за народ. Никогда – за толпу. Умирают из

---

⁹² I, 435-436. Ред. и акцентуация мои. – ОК.

любви к Человеку, если он – замóк свода Общности. Умирают только за то, чем стоит жить»⁹³.

(А живут только тем, за что можно умереть.)

Биос эгоистичен. Конкуренция видов способствует эволюции, конкуренция особей – выживанию вида. Природа немилосердна стратегически. Милосердие привело бы к дегенерации вида. Место под солнцем – приз сильнейшему, коварнейшему, безжалостнейшему.

Богopodobие человека восстаёт против законов БИОСа – это значит, что дальнейшее совершенствование, вида называющегося Homo Sapiens, перешло в область души и духа. На Землю низведён и эталон – Сам воплощённый Планетарный Логос. Никакого совершенствования “в обход” Иешуа Га-Ноцири **быть не может**. Остальные модели входят “матрёшками” (майтрейшками) в эту бóльшую, или маргинальны и потому второсортны. Он и был **замком свода, краеугольным камнем, эталоном и идеалом** нашей духовной культуры.

Неонеандертальство варваров и эгоизм буржуа оказались активным и пассивным изменниками этому высокому образцу.

«Если наше Общество кажется ещё хоть сколько-нибудь привлекательным, если Человек сохранил в себе хоть каплю достоинства, то лишь потому, что подлинная духовная культура, которую мы предавали своим невежеством, всё ещё излучала свой меркнущий свет и спасала нас помимо нашей собственной воли»⁹⁴.

Эта грустная констатация означает только одно: в христианском регионе человечества почти не осталось Христа. Ни жертвующего собой Агнца Божьего, ни поднимающего меч разделения Христа-Льва.

Но остался с суровыми весами Осириса Грозный Судия, пристально взирающий из Надземного. «И

---

⁹³ I, 436. Ред. моя. – ОК (акцентуация моя).

⁹⁴ I, 437. Ред. моя. – ОК.

взвешен был он на Весах Истины и найден был лёгким» – это приговор зарвавшимся самоуправцам. Свобода, Равенство и Братство, дискредитируемые по жизни, навеки остаются нашим, человечества, идеалом. И наглые претензии диктаторов, и взрыв неоварварства, положенного на остатках национального эгоизма, и клыки дикости, обнажённые против культуры, – всё спасовало перед волей и решимостью верно служащего Планетарному Логосу рыцарства. И первым в нём – **принцем, премьером**, – был Антуан де Сент-Экзюпери. Он и стал вождём и **примером**.

Пока европейское общество раскисало в свободах и разбредалось в индивидуализме, тоталитаризм выстроил обывателей нескольких стран в воинскую геометрию, пронизав бандитской субординацией и беспрекословным повиновением.

«Я больше не удивляюсь тому, что гряда камней, которая давит тяжестью, одержала победу над камнями, в беспорядке разбросанными по полю.

И всё-таки я сильнее её.

Я сильнее её, если я вновь обрету себя. Если наш Гуманизм восстановит Человека. Если мы сумеем заложить фундамент нашей Общности и если в качестве основы употребим единственно действенное средство: жертву. Общность, построенная нашей духовной культурой, тоже не была суммой выгод – она была суммой даров.

Я сильнее её, потому что дерево сильнее веществ, составляющих почву. Оно впитывает их в себя. Оно превращает их в дерево. Собор сияет ярче, чем гряда камней. Я сильнее её, потому, что только моя духовная культура способна связать в одно целое, никого не отсекая, всё разнообразие человеческих индивидуальностей. Утоляя жажду из источника своей силы, она, в то же время, вливает в него новую жизнь.
<...> **[Я сильнее её]**, потому что я неотделим от

духовной культуры, избравшей замком свода Человека.
<...>

Я буду сражаться за примат Человека над индивидуумом, как общего над частным.

Я верую, что культ Универсального возвышает и связывает воедино духовные богатства отдельных личностей – и основывает единственный подлинный порядок, который и есть жизнь. Дерево есть полная упорядоченность, хотя корни его и отличаются от ветвей.

Я верую, что культ партикулярности не влечёт за собой ничего, кроме смерти, ибо он хочет основать порядок на подобии. Он подменяет единство Сущности торжеством её частей. Он разрушает собор, чтобы выложить в ряд его камни. Я буду сражаться со всяким, кто будет провозглашать превосходство одного обычая над другими, одного какого-то народа над другими народами, одной какой-то расы над другими, одной какой-то мысли над другими мыслями.

*Я верую, что примат Человека кладёт основание единственному, имеющему значение **Равенству** и имеющей смысл **Свободе**. Я верую в **равенство** прав Человека в каждом индивидууме. И я верую, что **Свобода** – это **Свобода** восхождения Человека. **Равенство** не есть Тождество. **Свобода** не есть возвеличивание индивидуума в ущерб Человеку. Я буду сражаться со всяким, кто захочет подчинить одному индивидууму или их массе – **свободу** Человека.*

*Я верую, что моя духовная культура именуется **Милосердием** добровольную жертву Человеку, дабы учредить его царство. **Милосердие** есть дар Человеку сквозь посредственность индивидуума. Оно основывает Человека. Я буду сражаться со всяким утверждающим, что моё **милосердие** прославляет посредственность, кто станет отрицать Человека и тем самым заключит индивидуума в темницу безграничной посредственности.*

Я буду сражаться за Человека. Против его врагов»⁹⁵.

Это подлинно Символ веры Новой Эпохи, Эпохи духа. **Гуманизм** здесь поднят на небывалую высоту. Но вот проблема: «Я буду сражаться со всяким» Экзюпери предполагает некое абсолютное меньшинство этих злыдней и извращенцев. Поэтому мелодика Экзюпери – финал 9-й симфонии Бетховена с патетическим «Обнимитесь, миллионы». Однако, закончив «арию из баховской кантаты», рыцарь Грааля с недоумением обнаружил, что нейтральные в прежние времена вассалы – ремесленники и пейзажи – хмуро жмутся к противной стороне. Демагог всегда будет более успешен в пропаганде, чем проповедник истины. И количественно обескровленное понятие **Человек** мгновенно съёжилось как шагреновая кожа. Многие немецкие интеллигенты посчитали мнение большинства гласом народа, а потому и гласом божьим. Гитлер пришёл к власти легальным, парламентским путём, и это было в их глазах неопровержимым аргументом. Экзюпери оказался (для них) в оппозиции как противник, а не как свободный мыслитель. «**Мыслитель**» (для них) – это тот, кто рассуждает изнутри совершенно конкретного «**мы**», и столкновение геополитических интересов не поддаётся переводу в чисто философскую плоскость. **Только союз избранных интернационален**, человечество же («Человек» Экзюпери) поделено на сумму совершенно конкретных этносов. И универсализировать эти этносы, борющиеся между собой за место под солнцем и доминацию, можно сугубо абстрактно. Бросить свою жизнь как жертву на чашу весов – героично, романтично и рыцарски, но является, несмотря ни на что, слабым аргументом в идеологическом споре. Все иноплеменники думали с прищуром: а как бы ты запел, дорогой, во времена наполеоновских войн? И что-то подсказывало им,

---

⁹⁵ I. 438-440. Ред. моя. – ОК (акцентуация моя).

что подобная проповедь в те времена от француза бы не прозвучала.

«Я ведь действительно по шею сижу в противоречиях».

«Для меня нестерпима эта эпоха. Я больше не могу. Всё как-то обострилось. В голове мрак, на сердце холод.

Кругом посредственность. Кругом уродство. <...>

Я ещё никогда, никогда не был так одинок на земле. Меня словно гнетёт безутешное горе.

Не знаю, найду ли в себе силы излечиться от этого. И некому мне помочь.

А люди в этой стране – ну и убожество! Отбросы всех континентов».

«Я уже устал сам от себя. От своих запутанных мыслей по всякому поводу. Я словно сам у себя в тюрьме. И в других отношениях я тоже заключён в символическую тюрьму. Что можно противопоставить обвалу в горах? Я совершенно пал духом. <...> Из меня “жизнь уходит”»⁹⁶.

«До чего странная у меня судьба! Она неумолима, как лавина в горах, а я совершенно бессилён. <...>

Вы видите: я не понимаю жизни. Ночами на меня наваливается тоска»⁹⁷.

«Я обязан выплатить какой-то чудовищный долг. <...>

Мне до безумия хочется покончить с собой. (Но тут уж дело в тоске, а над ней я не властен.) Вопрос в одном – сколько я выдержу».

«Надо было родиться в другое время...»

«Смерть мне безразлична, но я не желаю, чтобы она затронула духовную общность. <...> Сейчас в душе пустыня, где умираешь от жажды»⁹⁸.

Пессимизм и безысходность загоняли Экзюпери назад, в зону детства, когда мир в глазах подростка блистал своей непротиворечивой гармонией. Шаг вниз – и вот он

---

⁹⁶ III, 218.

⁹⁷ III, 222.

⁹⁸ III, 343-344.

любопытный **звёздный мальчик**, удивлённо присматривающийся к «перевернутой» логике мира взрослых. Шаг вверх – и он уже юноша, получающий наставления от своего царственного отца. И «Маленький принц» и «Цитадель» писались одновременно с процитированными криками боли в частной переписке. Это значит, что каждая новая духовная вершина бралась человеком, зависшим над пропастью. Человеком, опалённым огненными языками отчаянья. Ударившимся в поэтический эскапизм в последней попытке выжить.

По злободневности в «Письме к заложнику» и «Военном лётчике» он высказал **всё**. И замкнул себе уста.

«Завтра мы тоже ничего не скажем. Завтра для свидетелей мы будем побеждёнными. А побеждённые должны молчать как зёрна»⁹⁹.

Осталось высказываться о вечном.

4

Вечное как человеческая категория впервые масштабно предстаёт у Экзюпери в «Ночном полёте».

«Перед ним возник образ: храм в честь бога Солнца, воздвигнутый перуанскими инками. Прямоугольные камни поверх горы. Не будь их – что осталось бы от могучей цивилизации, которая, словно укор совести, тяжестью этих камней давит на современного человека? Во имя какой суровой необходимости – или странной любви – вождь древних народов принудил толпы своих подданных возвести этот храм на горе и тем самым заставил их воздвигнуть вечный памятник самим себе?.. Перед лицом человеческих страданий вождь древних народов, вероятно, не чувствовал никакой жалости; но он ощущал безграничную жалость перед стеной человеческой смерти. Не смерти отдельных людей – он жалел весь род человеческий, чья участь – исчезнуть под морем песка. И

---

⁹⁹ I, 442.

он побуждал свой народ воздвигать хотя бы камни, перед которыми пустыня бессильна»¹⁰⁰.

К исторической реальности это не имеет никакого отношения. В то же время в той же цивилизации тысячами приносились человеческие жертвы, да и понимание смертности было иным. Но, так или иначе, памятник до сегодняшних дней действительно сохранился, функцию «письма потомкам» собранные волей людей камни и впрямь выполнили. Проблема «человек и вечность», поставленная Экзюпери в 1930 году, не отпускает его более ни на минуту. Перейдя к передвижению на самолёте, пророк приобретает **масштабность видения**, прежде всего, *дел рук человеческих*, а также *геологического облика земли*. Сопоставляя то и другое, он, между тем, забывает взглянуть в Небеса, ибо небо стало для него покрытой рытвинами и ухабами проезжей дорогой. А пустоту Небес неспособны заменить никакие гуманистические колоратуры. Как ни украшай самодельного идола, после явления Бога Живого он навсегда останется «идолищем поганым». Если Высшие Силы сами не обеспечат бессмертие человека в веках, никакие потуги сделать это своими силами не способны достичь желаемого результата. Атеистический взгляд на мир является принципиально пессимистическим: «Казнит Фома, казнят Фому, и нет пощады никому». Продление агонии не является решением проблемы.

Волны размышлений и созерцаний всё более и более прибавали Сент-Экса к берегу прямого контакта с Божеством, ибо даже для **откровения о человеке** оптика взгляда на предмет должна быть настроена по божественным меркам. Если человек **не** богоподобен, все ухищрения возвысить его в его собственных глазах оказываются тщетными. Героизация простой, тяжёлой и опасной человеческой работы произвела на самих героев

---

¹⁰⁰ I, 160. Ред. моя. – ОК.

книги – его коллег по «Аэропосталю» – самое удручающее впечатление. «Умничанье» и поэтическая экзальтация товарища показали оскорбительными. Его стали называть позёром и фанфароном. Это подкосило «летающего пророка». Ему прямо дали понять, что он любитель от профессии и **чужой** в их туповатых рядах.

«Гийоме, я слышал, ты приезжаешь, и у меня уже заранее замирает сердце. Если б ты только знал, какую страшную жизнь я веду с тех пор, как ты уехал, и какое отвращение к жизни довелось мне понемногу познать! Из-за того, что я написал эту злосчастную книгу, я оказался жертвой пересудов и вражды моих товарищей.

Мермоз расскажет тебе, какую славу создали мне люди, которых я так любил и с которыми уже давно не встречаюсь. Тебе скажут, как я зазнался. Не один – от Тулузы до Дакара – в этом не сомневается. <...>

Ведь вся жизнь отравлена, когда такое мнение разделяют лучшие мои товарищи и когда моя работа на авиалиниях после “преступления”, которое я совершил, написав «Ночной полёт», позорит их»¹⁰¹.

Гений дискредитирует своим присутствием компанию бездарей, **звёздный мальчик** кажется инородным телом среди усталых потных работяг.

«Никак не могу отыскать ту звезду, на которой живу. Я и в самом деле оказался потерянным в межпланетном пространстве. И если я говорил в своей книге о единственной обитаемой звезде, можно ли читать литературициной это размышление, порождённое скорее моей плотью, чем сознанием? Разве оно не может быть более достоверным, более честным, чем любое другое размышление? По-моему, даже самый грубый человек не мыслит техническими терминами, когда необходимость действовать не позволяет ему выбирать слова, и он предоставляет телу думать самостоятельно – не словами, а символами, вне слов. Он

---

¹⁰¹ I, 513-514. (Из письма 1931 г.)

потом забывает их, как бы пробуждаясь ото сна, и заменяет их техническим языком, но в символе заключалось всё. И это не было литературиной.

Вот этот образ представляется мне сомнительным. Я нахожу его искусственным именно потому, что символичны одни слова, потому что символ не вырастает из глубокого внутреннего переживания и не соответствует тому, что пригрезилось на самом деле...

По-вашему, я придумывал слова? Зачем мне это? Нет, я уловил самое это сознание, живущее в грёзе, которое иногда удаётся схватить в момент пробуждения»¹⁰².

Мечтательность дегустирующих плоды своих рук нации виноградарей привела к созданию **философии грёзы**, которой отдал всю свою жизнь Гастон Башляр. В этот же мир суггестии загнала суровая действительность и Антуана де Сент-Экзюпери. Переход в статус ночной мыши непременно должен был кончиться чем-то подобным.

Ночные полёты обернулись для него писанием по ночам текста о вечном – и ни о ком из современников конкретно. В нём нет ничего самолётного – второй, и последний раз Экзюпери ожёгся, пася «свысока» злободневность, на «Военном лётчике».

Этой книгой, столь же простой и искренней, как и «Ночной полёт», он вписал себя в ряд творцов шедевров пацифизма, таких как «Герника», «Протест против гражданской войны в Испании» и «Памятник разрушенному Роттердаму»¹⁰³. И, одновременно, стал ненавистен всем сторонам конкретных военных действий. Книга впервые выходит в Америке в переводе в феврале 1942 года; в оккупированной Франции её одновременно выпускает «Галлимар», но она была тут же изъята из продажи. Второе издание было осуществлено нелегально Французским сопротивлением. И хозяйничавшие немцы и петеновские марионетки запретили книгу. Любопытно,

---

¹⁰² I, 515-516. (Из письма 1931 г. Б. Кремье).

¹⁰³ Авторы – соответственно – П. Пикассо, С. Дали и О. Цадкин.

что и штаб генерала де Голля тоже наложил табу на распространение книги в Северной Африке, где сражался сам автор; тому пришлось выписывать свой экземпляр из Штатов.

Нелепость этой ситуации обсуждается только потому, что Экзюпери не был игроком на социально-политической арене; в 30-ые годы ему приходилось быть и журналистом, и сценаристом, и лектором, но каждый раз он казнился изменой **вечному**, к которому лежала душа.

«Кино и журналистика – это вампиры, мешающие мне писать то, что я хочу писать. Вот уже многие годы я не имею права заниматься тем единственным делом, которое мне по душе. Я чувствую себя арестантом, плетущим корзины. Между тем, в другом месте я был бы куда более полезен и щедр. Моё отвращение есть не что иное, как сопротивление моральному самоубийству. <...> Я вовсе не хочу разменивать своё дарование на пустяки. Чтобы расплатиться с долгами и заработать на жизнь, мне придётся написать ещё один сценарий и убить на это невозвратимые полгода. Я хочу, по крайней мере, испытать всю горечь до дна. Если я увильну от этой чаши – я погиб. Шесть месяцев жизни, которые могли бы быть кипучими и плодотворными, я снова выброшу на ветер: это не может принести радость.

И потом <...> разделять цель и средства – это софизм. Эти различия выдумываются задним числом. <...> Я больше не верю, что пишу сценарий, чтобы получить свободу писать книги.

Слепая, но могучая логика поступков приводит к тому, что каждый написанный мной сценарий, каждая статья лишают меня ещё одного шанса написать книгу. И дают лишний шанс написать другие сценарии. Этим ложным утешением я не могу даже облагородить свою коммерцию»¹⁰⁴.

Всё верно: сценарий «Анн-Мари» не имеет никакого успеха, а потому и реализации. Роль литературного

---

¹⁰⁴ I, 517-518 (из письма 1936 г.) Ред. моя. – ОК.

подёнщика Высшие Силы ему противопоказали. С 1936 года, синхронизируясь и солидаризируясь с создателем «Мастера и Маргариты», он начинает свою «Цитадель». Сначала это были назидательные притчи и поучения в восточном духе вроде «Мудрости Хикара» или «Басен Лукмана». Всё-таки никогда Экзюпери не чувствовал себя так солидно и в своей тарелке, как во время общения с вождями берберских племён, когда он, руми Антуан, выступал посредником в конфликтах и спорах, где эта мудрость как раз и пригождалась. Постепенно вырисовываются и главные персонажи повествования: царь-отец («старец-каид» как он называет его в «Морали необходимости»), владыка некой берберской империи, и его сын, молодой царевич, которого отец назидает в премудростях жизни подданных и искусстве управления государством. Если бы речь шла о сюжетном произведении, то тривиальность исходной позиции в структуре восточной повествовательной прозы была бы в глаза. Но, как и в диалогах Платона, совершенно не важно, кто именно попадает под обработку гностического резца Сократа, – высота мудрости, высказываемой по конкретному поводу, решает уровень глубины произведения.

Притча, если она художественно выразительна, – драгоценный камень. Трудно создавать строение из одних бриллиантов. Но Экзюпери взялся именно за такую работу.

От суфийских притч, оседлавших жанр назидательного анекдота (коллекция Насретдина здесь стоит на первом месте), «истории» Экзюпери отличаются полным отсутствием юмора и смеховой стихии вообще; это библейский парад речевой презентабельности без малейшей карнавальной шутихи и раблезианской разухабистости. Даже «кривой пророк», появляющийся в нескольких главах, выглядит страстотерпцем обстоятельств.

Экзюпери писал остро и умно, но никогда – смешно и остроумно. Это – трагическая мудрость, и она

балансирует на грани монотонности и занудства только за счёт высочайшего качества мысли.

Но это уже **не** литература в прямом смысле слова. Литература предусматривает конец действия (взаимодействия писателя и читателя) в момент конца рассказа. Учительское слово предусматривает в момент своего завершения **начало иной**, поведенческой, событийности в **новом** ключе.

Экзюпери весь в этом.

«Цитадель» – это не чтиво, даже и высокоинтеллектуальное, это партитура для ансамбля исполнителей, **учебник жизни**.

Ни одной опрометчиво – только ради художественной выразительности – брошенной максимы, ни единой непродуманной до смысловых глубин метафоры. Это подлинное «златое слово», «златая цепь (чепь)» неопровержимых явлений истины, действующей через гениального посредника.

Все последние произведения: «Земля людей», «Военный лётчик», «Письмо заложнику» и «Маленький принц» писались параллельно с великим супертекстом. Т. е. для временного постоянно находился слив и отстойник. Но в них пошёл материал второсортный только с точки зрения этернальности. Всё “крупноблочное” вошло в коллекцию текстов знаменитого голубого чемоданчика. И здесь возникает образ строительства собора, когда на площадку вокруг фундамента – или только котлована под него – свезены камни, изготовленные по модулям архитектурного проекта, и лежат в некой, дискредитирующей их иерархическую значительность, плоскостной уравниловке. Но если среди снующих рабочих есть хотя бы один человек, который несёт внутри себя образ собора, то пейзаж перестаёт быть выставкой камней (как сейчас в архитектурных или краеведческих музеях), а становится преисполненным энергии вознесения и превращения в арки, апсиды и купол.

Если этот необыкновенный человек – **архитектор** собора – переселяется в вашу душу, то и сумма деталей храма окажется самодостаточной как источник информации – библейская архитектоника сама организует их в целое в вашей душе. Нечто подобное происходит и с приобщением к культуре в целом. В какой последовательности приобщается к ним человек, и в какой конгломерат соединяются они внутри него – дело личной самодеятельности каждого, а также обучения внутри образовательных заведений: школ, институтов и духовных общин. Качество здания, выстроенного внутри из этих строительных блоков, зависит от каждого. Из одного и того же материала может получиться сарай, а может и храм.

Неплохо и то, что Экзюпери не успел отобрать, ужать и сепарировать материал: собирать разобранную матрёшку – это тоже гностическая школа. Ужатый с 400 до 180 страниц «Ночной полёт» едва ли выиграл как **произведение Экзюпери**, ибо не стал лучшей литературой, поскольку литературой едва ли является. Ричард Бах через четверть столетия подтвердил жанровую специфику такого рода текстов.

Хорошо, что «Цитадель» осталась вспаханным полем, а не стала пирамидой снопов собранного урожая. Каждый осмысляет её как целое по своему образу и подобию.¹⁰⁵

Я вижу прекрасный собор, уходящий шпилем в Небеса, и дефиле ангелов вдоль шпиля и башен. А несколько протуберанцев возносятся так высоко, как никогда не воспаряла человеческая мысль. На это стоило обменять свою жизнь, и Сент-Экс, право, не прогадал.

Между тем, книга начиналась совсем не так, как заканчивалась.

«И тут предо мной возникает образ.<...> Образ старца-кайда, образ лекаря, образ всех тех, кто

---

¹⁰⁵ Ещё раз напоминаю об отзыве, процитированном в II, 7.

выслушивает излияния людей, чтобы сочувствовать им, но сочувствовать по ту сторону их самих. <...>

Всё тот же миф о кауде, что в безмолвии опустившейся ночи неспешным шагом обходит стоянку своего племени. Ночные птицы, планеты и звёзды, тихие беседы за чаем и прекрасные, как звёзды, слёзы одинокого ребёнка. Кауд останавливается возле него. Одним пальцем, чуть касаясь, гладит его лоб, потом поднимает голову и сосредоточенно, с безмолвным состраданием смотрит в полные слёз глаза. Он слушает ребёнка. Мальчика наказали за то, что он не выучил стих из Корана. Или за то, что украл цыплёнка. Его глаза, обращённые к кауду, огромны, как Млечный путь. Кауд склонился толи над побледневшим мальчиком, толи над вечностью. Неведомо над чем. Над пропастью. Он слушает ребёнка. Вернее, звук его голоса. О Господи, ни что не бывает ничтожно. Достаточно забыть о смысле слов, и ни что не покажется ничтожным. Кауд возвращает ребёнка в извечные его границы одной лишь манерой смотреть»¹⁰⁶.

«Чтобы выразить то, что я хочу сказать, мне <...> не найти иных слов, кроме тех, которые относятся к религии. Я понял это, перечитывая своего «Кауда». Смысл этого трудно облечь в слова, но не случайно возникают эти «повозка, дорога и обоз для вожатых». И ничего, ничего другого я не понимаю»¹⁰⁷.

И, наконец:

«Я изменился с начала войны. Я дошёл до полного отращения ко всему, что касается собственно меня. Я болен странной, неотвязной болезнью – всеобъемлющим безразличием. Хочу закончить свою книгу. Вот и всё. Я меняю себя на неё. Мне кажется, что она вцепилась в меня, как якорь. В вечности меня спросят: «Как ты обошёл со своими дарованиями, что сделал для людей?»

---

¹⁰⁶ III, 120; 122.

¹⁰⁷ III, 217-218.

Поскольку я не погиб на войне, меняю себя не на войну, а на нечто другое. Кто поможет мне в этом, тот мой друг. Единственной помощью будет избавить меня от споров. Мне ничего не нужно. Ни денег, ни удовольствий, ни общества друзей. Мне жизненно необходим покой. Я не преследую никакой корыстной цели. Не нуждаюсь в одобрении. Я теперь в добром согласии с самим собой. **Книга выйдет в свет, когда я умру, потому что мне никогда не довести её до конца.** У меня семьсот страниц. Если я буду отделять их, эти семьсот страниц руды, как обычную статью, мне и то понадобится десять лет, не говоря уже о более тщательной отделке. Проще говоря, я буду работать над ними, пока хватит сил. И ни чем на свете я заниматься не стану. Сам по себе я уже никакого значения не имею. Не представляю себе, в какие раздоры можно меня втянуть. Я чувствую, что я уязвим, беззащитен, что времени у меня в обрез, и я хочу завершить моё дерево. Гийоме погиб. Хочу поскорее завершить моё дерево. Хочу поскорее превратиться во что-то другое, нежели я сам. Я потерял интерес к самому себе. Мои зубы, печень и прочее – всё это трухляво и само по себе не представляет никакой ценности. К тому времени, когда придёт пора умирать, я хочу превратиться в нечто иное.

Быть может, всё это банально. Меня не удивит, если кому-нибудь это покажется банальным. Может быть, я заблуждаюсь относительно моей книги, может быть, это просто посредственный толстый томина, но мне совершенно всё равно: **это лучшее, чем я могу стать.** Я должен найти это лучшее. Лучшее, чем смерть на поле брани. <...>

Я очень спешу. Спешу изо всех сил. <...> Будь смерть лучшим, на что я способен, – я готов умереть. Но я ощущаю в себе призвание к тому, что кажется мне ещё лучше. И всё, с этим покончено. Теперь я на всех смотрю с точки зрения своего труда и людей делю на тех, кто за

меня и кто против. Из-за войны, а потом и из-за Гийоме я понял, что рано или поздно умру. И речь идёт не об абстрактной поэтической смерти, которую мы считаем сентиментальным приключением и призываем в несчастьях. <...>Нет. Я говорю о смерти мужчины. О смерти всерьёз. О жизни, которая прожита»¹⁰⁸.

В этом письме своему любимому Ангельскому Пёрышку от 8 сентября 1941 года высказано всё и в полноте. Здесь ключ, который он сознательно оставил для понимания непонятого. Или – понятного лишь ему одному.

Но темнот или конспиративных умолчаний в ситуации нет. Хотя, как Булгаков, он одно время хотел даже уничтожить рукопись: «Я подумываю, не сжечь ли мою книгу? Если у меня украдут рукописи – не хочу, чтобы они валялись на их грязных кухнях.

Горе моё выше моих сил»¹⁰⁹.

Если он не осуществил намерения, то, вероятно, памятуя о том, что **рукописи – не горят**. Его книга (915 машинописных страниц плюс большая, полностью исписанная, тетрадь и несколько тетрадей поменьше) была из **этой** обоймы.

Но вот что озадачивает.

До 1942 года название сочинения определённно – «Каид». Подзаголовок – он же перевод – «Берберский вождь». Я уже писал о блаженном времени взаимодействия *руми Антуана* с берберскими вождями, где он единственный раз почувствовал себя мудрецом и пророком, кем не мог ощущать себя среди европейских духовных люмпенов, положенных по ту сторону библейской стилистики и библейского тематизма. В отличие от малограмотных европейских «вождей» роль каида была подлинной, живой и полнокровной. Презирая

---

¹⁰⁸ I, 524. III, 147-148. Композиция и ред. мои. – ОК; (акцентуации мои).

¹⁰⁹ III, 222.

тоталитаристскую структуру ислама с его монопророческим идолопоклонством, он мыслил себя пророком того же самого Единого Божества, ставшего идеалом и образцом для подражания **богоподобного человечества**. И поначалу только среди умозрительно мыслимых варваров-берберов он пролагал стопы своего высокого проповедничества. Они выносили его как правителя, он их терпел как подданных.

Хотя единственный, к кому он обращался на равных, был его сын. Дед, отец и внук – таково реальное русло, по которому протекает чистая вода откровения. Простые, первозданные, можно сказать, хранящие на себе «отпечатки пальцев Творца» пейзажи, типажи и положения наполняют страницы первых записей, ставших главами изданной книги. Это, своего рода, гностический дневник, эзотерическая хроника, в которой фиксированы проблемы человеческого бытия и способы их одоления, причём, глубина понимания вопроса и неординарность решения определяют уровень мудрости сочинения. «Книга бытия человеческого» – было бы самым точным названием целого. И даже: *книги*, βιβλία; и «Каид» – только первая из них. Возникающие на страницах текста образы-фигуры (в шахматном смысле слова) **архитектора, геометра, собора, империи**, никакого отношения к берберским реалиям не имеют. Сюда же относятся и имена-пароли: Декарт, Паскаль, Ньютон, Пастер, Бах, появляющиеся и в иных повестях, очерках и статьях. Значит, **Книга**¹¹⁰ является не «новым сочинением в ряду», а из ряда вон выходящей гностической суммой. Это особенно видно из списка тем, которыми Экзюпери заполнил один из листов рукописи Книги:

«Басня о козопасе. <...>

*Основные направления вступительной части:
понятие имения*

---

¹¹⁰ Этим словом с большой буквы я буду далее называть «Цитадель».

понятие дворца, его сущность
понятие обмена
понятие «образцового сотрудничества»
понятие грабежа (истощать источник, из которого
пьёшь)
понятие пейзажа, который открываешь для себя,
шагая по дороге
понятие опорной конструкции (распространить на
существо, но не на сущность)
понятие отмирающих вопросов
понятие ведра, лопаты и горы; означать, но вовсе не
содержать
понятие недостойной цели и заблуждений,
являющихся ступенями к совершенствованию
понятие времени утекающего и наполняющего
понятие заговора против общества
понятие лавочника и солдата в пустыне (и о чём он
пожалеет? кто, кроме Бога, ему судья?)
понятие минувшего времени и жизни
понятие камней и молчания
понятие агентства Кука
понятие мира, который есть блаженство, высший
синтез, смерть противоречий и непримиримости
молчание, которое питает. И медлительность
понятие кочевника и осёдлого (лицо [власть имущих])
понятие цивилизации, которая ничего не даёт»¹¹¹.

Это, скорее, запись впрок, чем план к реализации, хотя в 1941-42 годах, когда она была сделана, работа была в разгаре. Не все из концептов нашли своё воплощение в текстовой развёртке. О некоторых не было сказано и в прилегающих текстах. Точечный образ «агентства Кука» соседствует с ручейками, не имеющими начала и конца (большинство других). Но любопытно само слово «понятие», которое является доминантным и сквозным. Таким образом, сочинение Экзюпери – это **понятийная** Книга, сугубо гностический опус, не относящийся

---

¹¹¹ III, 146-147.

непосредственно к беллетристике. Её красóты – суть красóты истины, а не специально вербальных ухищрений и произвольного полёта воображения в пространстве fiction. Сент-Экс призывает «жить по понятиям», а не по индивидуальному произволу отдельных правителей. **Истина** Планетарного Логоса – Христа перешла в самую плоть человечества и сделалась нравственным законом Человека¹¹², которого Экзюпери прокламировал в «Военном лётчике». И не только в нём.

«Меня ничто больше не интересует, абсолютно ничто, только качество внутренней субстанции человека»¹¹³.

Но, несмотря на всю близость и любовь к Ницше («Безгранично люблю этого человека»), ни малейшего намёка на «религию человекобожества» с культом «сверх-человека» в стиле немецкого мистика и поэта у Экзюпери нет. Не военные марши с буханьем тарелок сопровождают его пейзажи светлого будущего, ставшего под его пером настоящим, но пасторали и шансоны XV-XVI веков, потрясавшие его своей пронзительностью. Не l'Homme, гордо автономизировавшийся от Божества, но существо, Être, **ведающее, что творит**. Переставший распинать двуногий – это уже почти богоподобное существо. – Не по задаткам, но по реализации.

Для этого все две тысячи лет работали и Бах, и Декарт, и Паскаль, и Ньютон. Именно **их** вклад в духовную культуру Европы и всего человечества даёт основание рассматривать современного человека – ныне цивилизованного бывшего дикаря – как существо (Être), включившего внутрь себя заветы Планетарного Логоса. Словосочетание «христианская цивилизация» под пером Экзюпери именно это и обозначает. Недаром он часто мыслил свою жизнь как суровое бытие средневекового монаха.

---

¹¹² «l'Homme»; отсюда «hommage» – дань уважения.

¹¹³ Мижо, 440.

«Тот, кто заточил себя в своей келье, в своей лаборатории, в своей любви, как будто совсем рядом со мной, в действительности вознёсся к тибетскому одиночеству, забрался в такие дали, куда никакое путешествие никогда меня не приведёт. Достаточно разрушить бедные стены этого монастыря, и я уже никогда не узнаю, какая цивилизация только что навсегда погрузилась на дно моря, словно Атлантида»¹¹⁴.

«Ничто не исчезает бесследно, и даже от огороженного стенами монастыря исходит свет»¹¹⁵.

Кабину одноместного или двухместного (с радистом) самолёта Сент-Экс часто воспринимал как монастырскую келью.

«Чудо безымянности пилота авиалинии, или лётчика-истребителя, или монастырского затворника, в том и состоит, что потихоньку, незаметно чем-то становишься, ... превращаешься в нечто иное»¹¹⁶.

«...Не могу вдолбить провинциальному политику, в чём состоит блаженство монастырской жизни. Я не сумею ему это объяснить»¹¹⁷.

«Вернуть людям духовную значительность. Духовное беспокойство. Омыть их слух чем-нибудь вроде григорианского псалма. Если бы я был верующим, то, пережив эпоху «грязной, но необходимой работы» непременно ушёл бы в Салем, не в силах вынести ничего другого»¹¹⁸.

«Вместо опыта монашеского самоотречения, вроде того, к которому я приобщался на авиалиниях, где человек выросал, потому что к нему предъявлялись огромные требования, – сколько людей увязало в трясине перно и игры в белот!..»¹¹⁹

---

¹¹⁴ III, 25.

¹¹⁵ III, 199.

¹¹⁶ III, 95.

¹¹⁷ III, 124.

¹¹⁸ III, 192.

¹¹⁹ III, 199.

«Но тюрьма – это, вероятно, нечто вроде монастыря. Мне, пожалуй, только тогда и бывает спокойно, когда мне хуже всех»¹²⁰.

«Ожидая, когда же у меня появится призвание уйти в Салем (григорианские песнопения там прекрасны), или в тибетский монастырь, или стать садовником, я вновь выжимаю рычаги газа и со скоростью шестьсот километров в час лечу в никуда...»¹²¹

«Какую монашескую жизнь я веду! <...> Убожество полное. Дощатая постель с тощим соломенным матрасом, таз, кувшин для воды. Я забыл безделушки: пишущая машинка и папка с делами аэродрома! Монастырская келья»¹²².

«Мне ничего не нужно. У меня явная склонность к монашеской жизни».¹²³

«...Я лучше уйду в монастырь траппистов, чем выдержу хотя бы сутки в том обществе последователей Корана, которое вы пытаетесь нам навязать...»¹²⁴

И, подытоживая размышления о себе и мире:

«Есть только одна проблема, одна-единственная, состоящая в том, чтобы вновь открыть жизнь духа, которая выше всего, в том числе и жизни разума. Открыть единственное, что может принести человеку удовлетворение. Это шире, чем проблема религиозной жизни, являющейся лишь одной из форм жизни духовной (хотя, быть может, религиозная жизнь непременно вытекает из духовной). А жизнь духа начинается там, где «видимое» бытие рождается из чего-то, что выше составляющих его элементов»¹²⁵.

---

¹²⁰ III, 233.

¹²¹ III, 248.

¹²² III, 331.

¹²³ III, 334.

¹²⁴ III, 156.

¹²⁵ III, 193.

«Один лишь Дух, коснувшись глины, творит из неё человека»¹²⁶.

Существо настолько богоподобное, как «человек Экзюпери», не требует мгновенной трансценденции, чтобы застолбить за собой свою небесную родину. Он обитает на самом краю этого мира и не подвержен пессимизму его юдоли. **Садовник, пастух, плотник, учитель, архитектор** в пространстве его повествований и философом обладают поистине средневековой простотой и полнокровностью, значительностью и чистотой. Канонизация в качестве святых им ничего не прибавила бы – **праведность правильности**, которой они наполнены до краёв, гораздо выше. Доходит до гротеска – совсем не смешного:

«Мне раз двадцать говорил Дерен: «Я знал лишь трёх поистине великих людей. Все трое были неграмотны. Савойский пастух, рыбак и нищий. Они ни разу не уезжали из родных мест. За всю мою жизнь они единственные, кто снискал моё уважение...»¹²⁷

Анри Дерен, известный художник, общавшийся с цветом французской интеллигенции 20-30-х годов, приложил всю её об колено этой фразой. Нечто подобное заявляет и молодой ученик маститого мэтра, танцую свой первый танец от *кайда*. Клодлорреновский «Золотой век» растворяет в себе поэтику Экзюпери, монтируя всё его позднее творчество в светлый рай Достоевского, о чём он не мог не знать. Сны Ставрогина, Версилова и Смешного укладываются в видение-грёзу Дон-Кихота, особенно отчётливо представленную в сценической версии Михаила Булгакова.

В своей книге Экзюпери создал сложный триплёт: 1) Культура берберов-варваров. Она перетекает в культуру европейского простонародья; 2) Обращение к Божеству «Seigneur» – как обращаются только к Христу –

---

¹²⁶ I, 308.

¹²⁷ III, 247-248.

Планетарному Логосу, изнутри восточной панорамы текста (из молитв в Книге образуется целая Псалтырь; 3) Оперирование высококультурными и высокоинтеллектуальными понятиями и реалиями: **империя, цивилизация, храм, архитектор, геометр, логик, генерал, парусник, армия** (регулярное войско), **жандарм, музыкант** (в игре на классических инструментах), **астроном** (современный), **вятель** (микельанджеловской традиции) и т. д. Переплетая эти составляющие, заставляя играть сами стыки, контрасты и противопоставления, варьируя их «дыхание» от нескольких строк до размера небольших повестей, сдабривая целое пряностями ярких метафор, он погружает нас в понятийные омуты, учит предметам, связи между ними и явлениям, как анатом обучает новичков премудростям детального, подробного устройства человека. **Оазис, колодец, источник, поле, зерно, ворот, кувшин, вода, сад, гора, город, лопата, танец, молчание, молитва, дружба, верность, любовь, трусость, корысть, зло** и прочая и прочая – познакомиться со всем этим хозяйством, приучить себя к ним и приучить их к себе можно только под его руководством. Он занял стратегически наиважнейший пост на пограничье сложности и простоты, мудрости и простодушия, героизма и трусости, душевности и формализма, откровенности и замкнутости, вдохновения и аутизма бездарности. Это – позиция правителя, который должен быть одновременно и в гуще народа и **над** «ежом» эгоизмов подданных. – Не поддаваться их карнавалу претензий.

Ибо во главе угла стоит одна единственная задача – **выковывание человека**. Европейской моделью каида он создал образ Ривьера в «Ночном полёте», занимающегося в повести Экзюпери именно этой работой. Волевая, не снисходящая к человеческим слабостям фигура «директора сети воздушных сообщений» была первым эскизом монарха империи духа, которому мало

соответствовал реальный прототип – хищник и эксплуататор Дора. Образ гуманистически сориентированного деспота (а потому как бы и не деспота вообще) сначала был отработан на манекене, а затем приложен к самому себе. Роль византийского императора, к которой примеривался Экзюпери, можно сказать, состоялась. Бумажный полигон, чернильные подданные и умозрительная реальность остального позволили ему проявлять твёрдость до жестокости («притча о женщине, уличённой в неверности»), произвольно раздвигать и сдвигать границы «государства», казнить и миловать, исходя только из «велений мудрости» и заботе о «здоровье царства». Он не мыслит ни малейшего ограничения своей свободы судить и рядить, не говоря уже о незыблемости (династийной) положения монарха. Это умозрительный романтический европейский идеал восточных безжалостных деспотий. Как бы реконструкция домашнего правления царей-волхвов, некогда пришедших приветствовать рождение Солнца Правды. Эти милые румяные дедушки из рождественского вертепчика не представимы в иной монархической ситуации. Ни корысти, ни коррупции, ни жестокости. Одно воспитание лаской и внушениями. – Идиллия. – «Илиада». – Поединок щекотанием дротиками: кто первый прыснет. – *«Легенда или история? А до чего красиво!»*¹²⁸

Человек «родом из детства» оказывается категорическим недорослем в суровом и непривлекательном мире взрослых.

Но – Volens Nolens – c'est la vie.

И казни и пытки (СХVIII) производятся над шахматными фигурами – им горестно, но не больно. Они сходят с доски, а не гниют трупами в земле.

Таково свойство притч: «сказка – ложь» даже когда не говорит о сверхъестественном; «но в ней намёк» же

---

¹²⁸ III, 230-231.

Экзюпери берёт за рога и заставляет испражняться золотом, не оставляя промежутков в своих «назидательных новеллах». Словесные формулы перемежаются демонстрациями в мистериальном пространстве его патетического царства.

Иногда возникает иллюзия неких характеров и действующих лиц (Два садовника; Одинокая; Кривой пророк), но, отыграв свою философему, они исчезают из зеркала сцены без следа, а редкие сквозные персонажи: **кедр, источник, собор, парусник, колодец, кузнец, астроном, зодчий** не дотягивают даже до образности Сахара из «Синей птицы» Метерлинка.

Зато философемы **силовая линия, божественный узел, замок свода, оазис, цивилизация, смысл** ни в чьих других устах не звучали так весомо и ёмко. Философская проза только играет в географическую и этническую конкретность. **Берберы, Сахара, караваны, верблюды, кедровая роща и розовый сад** – это игровые определители, описание достоинства фигур и полей, по которым они ходят. Как только притчевая сценка сыграна, фигуры безжалостно смахиваются с доски, хотя не исключено, что через несколько страниц тот же самый набор участников понадобится для новых вариативных ходов в той же самой ситуации. Например, **Кривой пророк** появляется трижды: в СХVIII, СXXXIX и ССXI главах Книги. Вспоминается английский детский стишок: «Жил на свете человек, Скрюченные ножки, И гулял он целый век По скрюченной дорожке». Но выясняется, что чрезмерная гневливость и (потому) косящий взгляд выглядят уродством только перед лицом совершенного, и внешне и внутренне, правителя (персонифицированного авторского **я**), к которому «пророк» лезет с дурацкими (как выясняется) советами и рекомендациями. Уже в первом разговоре (СХVIII) он не только косит, но и потрясает кудрями кавычек над иронически-саркастически данным ему определением. Далее он только усугубляет впечатление от своего идиотизма, пока

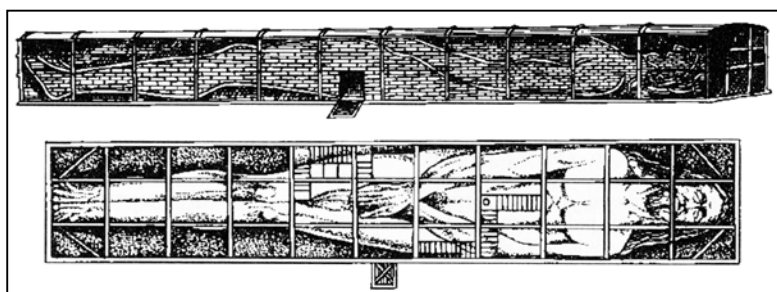
монарх прямо не тычет ему в глаза «его глупостью», превращая слово «пророк» в карнавальную шутовскую маску. Царь монополизировал мудрость, оставив всем остальным участь барахтаться в большей или меньшей дураковатости и быть объектами поучений, как надо жить.

Таково свойство философской прозы: герой должен постоянно оставлять всех в дураках и никогда не проигрывать, дабы не дискредитировать саму госпожу **Мудрость**. И Сократ Платоновских диалогов как две капли воды похож на Насреддина восточных басенных сборников. Но и то и другое является лишь вариациями библейских притч и рассказов. К правителю обращаются только потому, что у него в руках власть проводить решения в жизнь, а не только их дебатировать. Библейские **пророки, судьи и цари** должны были, в конце концов, слиться в фигуре одного духовного законодателя. Таковым стал Соломон (если принимать за реальность, приписываемую ему мудрость), а сама уникальность состояния была фиксирована строительством Иерусалимского Храма, который и стал «замком свода» всей иудейской истории.

Базилевс Книги также постоянно идентифицирует себя и своё царство с образом *собора* (кафедрала), хотя добавляет к библейскому феномену динамику и тогда собор-царство превращается в парусник-фрегат, рассекающий волны океана веков. «Замок свода» в символизме описания сдаёт свои полномочия «шпангоутам и форштевням», а шпиль собора с лёгкостью превращается в мачту корабля. «Еврей-матрос» сочетание диковатое, но мы забываем, что первым в мире матросом был Ной, за что и был объявлен Мессией. Так что переход от архитектуры к кораблестроению оборачивается повышением статуса базилевса до **мессианского масштаба**.

И Экзюпери выдерживает такое укрупнение. В его ковчеге он перевозит из времени в вечность всё

человечество, уже начиная осознавать всю его драматическую разнородность. Те, кто готовы обслуживать нужды чайного клиппера соседствуют с теми, кто хочет привычно пребывать в атмосфере передвижного свинарника – средне арифметически всё сводится к деревянному сараю на барже, законопаченной для непотопляемости чем придётся. Древний оригинал традиционно соотносится с телом **первочеловека**, Адама Кадмона (см. рис. 1).

Рис. 1. Ковчег Ноя

Внутреннее членение «плавающего корыта» 33-х секционно (3 x 11). Удивительно, но эта цифра оказалась магической в жизни Экзюпери, что подтверждает его символическую связь с Ноем.

*«...Я пловец, неумоимо плывущий туда, куда плыву.
Моя родина не здесь»¹²⁹.*

«Цитадель!»¹³⁰ Я строил тебя, как корабль. Крепил, оснащал, и теперь ты плывёшь в поток времени, который стал тебе попутным ветром.

Корабль людей, без него им не добраться до вечности!

Но я вижу, сколько опасностей грозит моему кораблю, вокруг бушует беспокойное море неведомого.

¹²⁹ II, 486.

¹³⁰ С испр. перевода. Здесь Экзюпери прямо выписывает ключевое слово сочинения.

Мне предлагают всё новые и новые курсы. Любой путь возможен, потому что всегда возможно разобрать построенный храм и сложить новый. Он не будет лживей старого, и не будет истинней, не будет грешней, и не будет праведней. Камни не помнят, какой была тишина, поэтому никого не коснётся чувство утраты...

Вот почему я забочусь о мидель-шпангоутах моего корабля. Они должны послужить не одному поколению. Никогда не украсить храм, если что ни год возводить новый фундамент.

*Да, я забочусь о мидель-шпангоутах и хочу, чтобы мой народ всегда помнил о них. Мой корабль хрупок, он – творение человеческих рук. А вокруг слепые стихии, могучие и неведомые. Слишком много покоя окажется у того, кто будет искать его посреди бушующего моря.
<...>*

Позабывший о том, что наше царство – корабль посреди безбрежного моря, обречён на гибель. Он увидит, как волны сметут все глупые игры вместе с кораблём.

*Это сравнение пришло ко мне в открытом море, когда я с **небольшой частью своего народа**¹³¹ отправился в странствование на корабле.*

Вот он, мой народ, – пленник корабля, затерянного посреди моря. Молча и не спеша я обошёл корабль. Люди сидели, склонившись над подносами с едой, кормили детей, перебирали чётки и молились. Мой народ жил. Царством ему стал корабль»¹³².

Трижды (!) Экзюпери вступает в ряды эскадрильи 2/33 и намертво сплавляется с цифрой **33**, являя и своё орденское совершенство – степень Верховного Инспектора. Первый раз это случилось 3-го ноября 1939 года. Второй – в июле 1943. На этом лимит был исчерпан

---

¹³¹ «Quelques-uns de mon peuple» оригинала можно перевести «с избранными», а не только «некоторыми» (акцентуация моя). – ОК.

¹³² II, 42-44.

(двойка в нумерации). Но он упорно тянулся к огню – и с 16-го мая 1944 года он снова, теперь уже навсегда, в той же самой эскадрилье. Ему осталось на этом свете ещё только полтора месяца. Он перешёл через грань. И стал безграничен.

«[Цитадель], ты – корабль, плывущий по реке времени»¹³³.

«Я должен создать такую картину мира, где каждому отыщется место. Ибо общая мера истины, и для кузнеца, и для плотника – корабль»¹³⁴.

«Цитадель» – Книга Царя Мира. Если бы Авгарь смог стать вровень со своим любимцем – Иешуа Га-Ноцри и управлять Эдессой по предписанным Им правилам, он смог бы создать такой текст. Верней – жить по такой модели, если бы даже она и не оплотнилась словом.

Идеальный правитель, совершенно понимающий структуру и специфику человеческого бытия, и действующий только во благо людей – таков *император* Сент-Экса.

Но достаточно ли совершенны подданные для такого правителя? В своё время Эхнатон пал жертвой непонимания, а потому и неприятия со стороны большей части подданных, а Ахетатон, как **корабль верных**, не смог выплыть из остального тела Египта и раствориться в вольных волнах вечности. Иисус из Назарета был третирован евреями за отказ возглавить в качестве царя-малека Иудейское государство. И так далее без конца.

Заговорщики, появляющиеся на страницах Книги, вовремя вычислены, выслежены и обезврежены. Ищейки режима должны выглядеть *пособниками истины* и быть вне критики, как Иуда у иудеев. Но, оказывается, и смерть, и пытки можно подать романтически.

«Заговорщики, которых схватила моя стража, сидят в темноте подземелья и готовятся умереть; принеся

---

¹³³ II, 375.

¹³⁴ II, 397.

себя в жертву другим, они согласились на опасности, нищету и несправедливость из любви к свободе и справедливости. Эти люди всегда казались мне ослепительно прекрасными, нестерпимо было их сияние в камере пыток, и я никогда не унижал их в смерти. <...> **Что такое клинок, если нет врагов? <...> Что такое верность, если нет соблазна?»**¹³⁵

Но далеко не все таковы.

«Дородный министр, неприятный мне своим высокомерием и составивший заговор, не устоял перед угрозой пытки. Мокрый от пота, он выдал мне всех заговорщиков, он исповедался, признавшись во всех своих верованиях, тайных пристрастиях и любовных связях, он вывернулся передо мной наизнанку – те, кто носит картонные доспехи, не таит про себя ничего. После того, как он оплевал и отрёкся от своих союзников, я спросил у него:

– Как ты устроен? Для чего важно выставляешь вперёд живот, гордо закидываешь голову, складываешь губы в высокомерную улыбку? Для чего тебе доспехи, если внутри тебя нечего защищать? Человеку свойственно таить в себе нечто большее, чем он сам. Как самое драгоценное упасаешь ты свои дряблые тела, гнилые зубы и толстый живот, продав мне то, чему верил и чему они должны были послужить. Ты – бурдюк, урчащий ветром дурацких слов...

Когда палач ломал ему кости, на него было противно смотреть и ещё более отвратительно слушать»¹³⁶.

Мегалитическая грубость восточных деспотий расцветивается филигранью изящных назиданий и высоких умствований общего порядка. Но вырисовывается главная и оригинальная мысль: любовь каида-Экзюпери к динамизму, с которым

---

¹³⁵ II, 290; акцентуация моя. – ОК.

¹³⁶ II, 195.

идентифицируется человеческое становление, духовность, творческая потенция, жизнь вообще.

В связи с этим, человечество делится на две новые категории: поджарых, легконогих и благородных кочевников – и зажавшихся мещан.

«Отец не любил бестолкового топтания скотины в хлеве»¹³⁷.

«...Каких танцев дождёшься от раскормленной скотины в хлеве?»¹³⁸

«И вот ты стараешься, чтобы рожали как можно больше, строишь повсюду роддома, огромные, как хлев или конюшня, и размещаешь в них стада беременных женщин.

Ты убиваешь то, ради чего старался, – никому не интересны чувства коровы, когда идёт массовое разведение скота».¹³⁹

«Торжество добра – это триумф покорных волов вокруг кормушки. Я не жду ничего хорошего от осёдлых и перекормленных»¹⁴⁰.

Летавшему на самом быстром земном средстве передвижения и впрямь казалось, **что движение – это жизнь**. Совершенно в стиле шубертовского «мельника». Само добро и безмятежное счастье стало казаться ему мещанством и пошлостью. Существование без лишений и страданий – убогим, неполноценным бытиём. В этом он был самым глубоким и последовательным учеником Достоевского. От «Маленького героя» до «Маленького принца» – один шаг. А если б русский гений стал далее писать только в стилистике «Великого инквизитора», то получилась бы «Цитадель». Так что по ту сторону бытия им есть о чём поговорить друг с другом.

Значительность же и того и другого – чрезвычайна.

---

¹³⁷ II, 194.

¹³⁸ II, 198.

¹³⁹ II, 227.

¹⁴⁰ II, 290-291.

«Неприлично, если у тебя нет некой Библии, которую ты можешь предложить людям»¹⁴¹.

Жюль Руа, писатель и лётчик подтверждает: «... Он умер за штурвалом Лайтнинга, а значит, на самом краешке **молнии**, как Христос на кресте, оставив своим последователям личный пример и **Евангелие**»¹⁴².

Нечто подобное сказал о Достоевском Алексей Ремизов. Титанический размах обоих пророков показателен: Владимир Соловьёв донёс Прометеев огонь учителя до наследника по прямой (как известно, внуки более в дедов, чем отцы). Любопытно их согласное неприятие простодушно-пустопорожного идиотизма веры. Экзюпери заносит в блокнот:

«Безнадёжно любить – это не безнадёжно. Это значит, что сближаешься в бесконечности – и звезда в пути не перестает светить. Можно давать, давать, давать! Удивительно, я не способен быть простым верующим. А ведь любовь к Богу безнадёжна... Мне бы это совсем подошло. Монастырь – и григорианская литургия...» «Будь я простым верующим, я бы стал монахом»¹⁴³.

А вот Достоевский: «И в Европе такой силы атеистических *выражений* нет и не было. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя осанна прошла, как говорит у меня же в том же романе, чёрт (речь идёт о «Братьях Карамазовых» – ОК)»¹⁴⁴.

Доживи Экзюпери до 60-ти лет и стань монахом, и он бы подписался под сентенцией чёрта и автора «Идиота». Французское «кретин» его особенно угнетало. Но, привыкший к **моно**логической речи, он с удовольствием

---

¹⁴¹ III, 107, акцентуация моя. – ОК.

¹⁴² Руа Ж. Страсти и смерть Сент-Экзюпери. Цит. по Буковска А. Сент-Экзюпери. М., 1983, 168; акцентуация и редакция мои. – ОК.

¹⁴³ Мижо, 388.

¹⁴⁴ ПСС 15, 485 (курсив автора).

примерял на себя слово **монах**. Правда, куда было девать сразу двух жён и нежно любимую мать, было неясно. Однако то, что «вера» есть дело сугубо женское (соответственно имени), видно из следующего пассажа упомянуто выше чërта: «Моя мечта это – воплотиться, но чтоб уже окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит. Мой идеал – войти в церковь и поставить свечку от чистого сердца, ей-богу так»¹⁴⁵.

Едва ли Сент-Экс выполнил бы и своё желание – он вспомнил бы ту часть разговора чërта с Иваном, где высмеивается именно такое поползновение:

«А цель моя благородная. Я в тебя только крохотное семечко веры брошу, а из него вырастет дуб – да ещё такой дуб, что ты, сидя на дубе-то, в “отцы пустынники и в жёны непорочны” пожелаешь вступить; ибо тебе очень, очень того втайне хочется, акриды кушать будешь, спастись в пустыню потащишься!»¹⁴⁶

Да и сама концепция «душевного мира» (le sens de la paix) автора «Цитадели» не соответствовала традиционным монастырским уставам, где покой достигался полной оторванностью от мира. Не то у Экзюпери.

«Долго я размышлял над значением покоя и мира. Он рождается в душе с каждым новорожденным, от собранного урожая, от порядка в доме, воцарившегося, наконец. Он приходит от вечности, куда возвращаются все завершённые нами дела. Мир полных амбаров, дремлющих мирно овец, выглаженного белья, мир единственного совершенства, мир, который становится даром Богу, если сделано дело как надо.

Ибо открылось мне, что человек подобен во всём цитадели. Он разрушает стены, дабы добиться свободы, но теперь он исчезнул как крепость, разнесён и

---

¹⁴⁵ ПСС 15, 73-74.

¹⁴⁶ ПСС 15, 80.

распахнут для звёзд. И тогда вползает тревога, что отныне он больше никто. Пусть же он обретёт свою истину в аромате горячей лозы или овец, которых пора уже стричь. Истина выкапывается как колодец. Рассеивающийся взгляд теряет видение Бога. О Боге больше, чем неверная супруга, отдающаяся объятиям ночи, знает мудрец, сосредоточивший взгляд, не ведающий ничего, кроме тяжести собранной шерсти.

Цитадель, я тебя возведу в средоточьи самом человека»¹⁴⁷.

Это речь законодателя, а не послушника дальней обители. Так мог сказать только Новый Моисей. Слышен голос рыцаря, да, но не Бедного рыцаря «Идиота». Ры(скающего)-Царя. Экзюпери мог быть только сувереном. Сколько же страданий он должен был испытывать, оказавшись во время войны подчинённым. Де Голль, в отличие от Ривьера-Дора, не вызывал у него романтического восторга. Озлобленный «женераль» отплатил ему тем же: «Он годится только на то, чтоб показывать карточные фокусы». На рапорте с просьбой подыскать изнывающему в бездействии Экзюпери какую-либо воинскую работу де Голль ставит резолюцию: «И хорошо, что не у дел. Тут его и оставить». Двух лидеров Франция вынести не смогла.

Но Европа пыталась переварить идеи гиганта. «Военный лётчик» выходит в оккупированной Франции. Немецкая цензура пропустила книгу, вычеркнув в тексте всего два слова: «Гитлер идиот». Правда, местные наци быстро опомнились и рецензент изъятой из обращения книги выпалил: ««Военный лётчик» – это апофеоз иудейского подстрекательства к войне. <...> Это книга, притязающая на то, чтобы вызвать у нас систематическое отрицание фашистских ценностей, единственных, способных ещё нас спасти».

Другой вторил ему, захлёбываясь утробной ненавистью: «Господин де Сент-Экзюпери всё ещё

---

¹⁴⁷ A. de Saint-Exupéry. Oeuvres, 516. Пер. мой. – ОК.

носится с <...> масонскими лозунгами: свобода, равенство, братство». Первый заканчивает: «...о которых автор любовно вспоминает, выделяя их прописными буквами и млея от самолюбования»¹⁴⁸.

Всё тот же мещанский, выброшенный в невежественные массы, «жидо-масонский заговор», на который одинаково «делали стойку» и коммунисты и фашисты. «Рыцарь воздушной стихии» был заклятым врагом всех фюреров мира, где бы они не обретались. Ибо рядом с ним они мгновенно оказывались пигмеями.

В роли каида он отстранился от них ещё больше. Жандармы и генералы, которых он постоянно третирует на страницах Книги, это нацисты и местные солдафоны, обработку которых накоротке он, базилевс, моделирует. События XX века показали, что перестановка местами слагаемых общества резко **меняет** ситуацию. Подонки, взметнувшиеся наверх, вывернули положение вещей наизнанку. И Экзюпери методично и последовательно ставит самозванцев на место.

«И мои жандармы засопели, задумавшись, но сопели они без видимых результатов, потому что размышляют они при помощи кулаков.

Жандармы ушли, но я удержал бывшего плотника. Опустив очи долу, он разыгрывал из себя скромнягу и протачка.

– Ты уволен! – сказал я ему. – Истина для плотника сложна и противоречива, поскольку дерево сопротивляется ему, и это не истина жандарма. <...> У жандарма, согласно приказу, чесаться должны кулаки»¹⁴⁹.

Ужас XX века был в том, что люди, размышляющие кулаками, стали во главе государств, подчинив себе как второсортные все остальные человеческие добродетели. Вот откуда у Экзюпери образ «человеческих термитников».

---

¹⁴⁸ Мижо, 357. Ред. моя. – ОК.

¹⁴⁹ II, 508. Ред. моя. – ОК.

Нужны просвещённые правители, послушные подданные, хорошие экзекуторы для непослушного меньшинства. – А если их большинство? Нужно ещё, чтобы подданные смиренно хотели учиться, признавая **мессией** и **спасителем** правителя своего. А что, если в меньшинстве, наоборот, оказываются лучшие и их загоняют под пол? А мессией объявляют трепача-ефрейтора или профессионального грабителя банков и бандита, или бездарного газетного писаку?

Вот тут и выясняется, что все построения Экзюпери – «бумажная архитектура». Сам Сент-Экс это понимал. В текстовых комментариях к своему сочинению он писал: *«Суть утопии – в отыскании формы общества. Если у меня нет под рукой необходимых инструментов, я могу стать всего лишь утопистом, поскольку правда будет создана, а не отыскана»*¹⁵⁰.

Всё верно: политика – **искусство возможного**. Откровения мудрости же всегда – **искусство желаемого**. Разве человечеству можно желать **второсортного**? Проект Экзюпери был из разряда великих...

Но уже в первой сцене книги Экзюпери проявляет восточный крутой ригоризм. Как разительно отличается в ней *наказание неверной* от Евангельской истории грешной жены. Мягкость и милосердье Христа противостоят справедливости и жизненной воле Каида. «Выковывание человека» предполагает такой материал и в его подданных. Берберский вождь ближе к капризным деспотам «Тысячи и одной ночи», чем к царственности галилейского пророка. Но **не** противоположен. В «Цитадели» господствует Лев, Агнец отсутствует на её страницах. Хотя огненность текста полыхает и там и тут. Когда Иисус указывает оглядывающемуся назад, что он неблагонадёжен для Царствия Божьего, в его голосе слышна медь героя Экзюпери. Особенно ярко это звучание в запрете юноше похоронить отца. Но Христос

---

¹⁵⁰ Цит. по Буковска А., 198.

не хлопчет о территории, Он заботится о Небесах. Для мира сего люди годятся даже с их несовершенствами. Для Небес должны подтянуться сами праведники земли. Сфера деятельности Экзюпери – посюстороннее, доведённое до совершенства. Но совершенство куколки – образовавшаяся внутри её бабочка – **переворот** с переменной стихии. Каиду же Небеса закрыты. Прогулка с сыном по крышам домов с созерцанием звёздного неба – вот Высшее для него. Размножиться и передать разумность потомству – такова программа его бытия. В одном из ранних писем матери Экзюпери исповедуется, что хочет жениться, чтобы занять вокруг себя множество маленьких Антуанов. Но – в одной руке двух арбузов не унесёшь... И вот он пишет ей совсем, совсем другое:

«...Вы представить себе не можете, до какой степени внутренняя жизнь – единственное, что имеет для меня значение. Она изменяет все ценности, даже в суждениях о других. Меня не трогает репутация «славного малого», если это внушено одною дешёвой чувствительностью. Я хочу, чтобы меня видели таким, каков я есть в том, что я пишу и что составляет скрупулезный и продуманный итог всего, что я думаю и вижу. <...> Я уже не выношу ничего, бьющего на эффект, никакой подтасовки и позы, рассчитанных на то, чтобы поразить воображение. Я стал просто презирать многих писателей, которых раньше любил за то, что они доставляли мне интеллектуальное наслаждение, слишком лёгкое, как эстрадная музыка. <...> Я достаточно строг к себе и имею право порицать в других то, что порицаю и исправляю в себе самом. Я избавился от какого бы то ни было интеллектуального кокетства, из-за которого собственная персона оказывается между тем, что ты видишь и тем, что ты пишешь»¹⁵¹.

---

¹⁵¹ III, 321-322.

И ещё: «...Я не люблю людей, насытившихся счастьем, <...> для которых уже невозможно никакое дальнейшее развитие. Надо быть всегда чуточку беспокойным, чтобы уметь видеть вокруг себя. Вот я и боюсь женитьбы»¹⁵².

Нет ни одного постулата, которому не было бы мысли в противоход. И только в гармонии его личности примирялось непримиримое, уживались лихие контрасты. Его смерть и бессмертие оказались верховным примером. Он не хотел жить и мечтал продолжить работу над Книгой после войны.

«...Я выбрал работу на максимальный износ и, поскольку нужно всегда выжимать себя до конца, уже не пойду на попятный. Хотелось бы только, чтобы эта гнусная война кончилась прежде, чем я истаяю, словно свечка в струе кислорода. У меня есть что делать после неё».

Но: «Если меня собьют, я ни о чём не буду жалеть. Меня ужасает грядущий термитник. Ненавижу добродетель рабов»¹⁵⁴.

Иногда контрастная пара присутствует даже в одной фразе: «Здесь я вдали от извержений ненависти, но всё-таки, несмотря на благородство товарищей по эскадрилье, что-то в этом есть от нищеты человеческой. Конечно, это важно – с кем живёшь. Но какое духовное одиночество!»¹⁵⁵

Это написано в день или накануне гибели. 30 июля 1944 года написано и последнее письмо Ангельскому Пёрышку.

«...Я четырежды едва не погиб. И мне это до одури безразлично.

Фабрика ненависти, неуважения, которая у них зовётся возрождением <...>, начхать мне на неё.

---

¹⁵² III, 322-323.

¹⁵⁴ III, 251.

¹⁵⁵ III, 251. Этот пассаж непосредственно предшествует предыдущему.

Осточертели они мне. Здесь война, и я подвергаюсь опасности, самой неприкрытой, какая только может быть. Опасности в чистом виде. Как-то меня заметили истребители. Я всё-таки удрал. Я счёл это бесконечно благотворным. Не из спортивного или воинственного восторга: их я не испытываю. А потому что не воспринимаю ничего, кроме качества внутренней сущности. Мне омерзела их фразеология. Омерзела их напыщенность. Омерзела их полемика, и я ничего не понимаю в их добродетели.

Добродетель – это значит спасти французское духовное наследие, оставаясь хранителем библиотеки где-нибудь в Карпантра. Добродетель – безоружным летать на самолёте. Обучать детей чтению. Быть простым плотником и пойти на смерть»¹⁵⁶.

Он погиб на **пятый** – мистический раз.

Последних вылетов было тоже пять – из последнего он так и не вернулся. – Звёздный мальчик, Маленький принц.

Перед стартом его командир и старый боевой товарищ Гавуаль стал отговаривать его от дальнейших полётов.

«Сент-Экзюпери <...> возразил, что он отвечает за то, что написал и за судьбы своих читателей, которые на его призыв откликнулись делом и заплатили за это жизнью. Поэтому он будет сражаться до последнего дня. Он говорил, что погибнет во время вылета, что эта смерть вписана в книгу его судьбы и в летопись всего комплекса катастроф – мировых и национальных, которых **он уже не в состоянии перенести**. После долгого разговора Сент-Экзюпери оставил Гавуалью на хранение небольшой чемоданчик с рукописями и просил в случае его смерти передать чемоданчик указанному лицу. По словам Гавуаля, Сент-Экзюпери не кончил фразы и отвернулся,

---

¹⁵⁶ III, 251-252.

так как его душили слёзы. Гавуаль вышел взволнованный и взбудораженный этой беседой»¹⁵⁷.

Правда этого предсмертного разговора не подлежит девальвации или оспариванию при приложении к ней мерки обычных людей. Здесь всё значительно, как на Синае. Он **знал** и сообщал о несомненном. Но масштаб – потрясает! Его гибель, которую он уже не в силах был отменить или перенести, вписана на равных в реестр катастроф национальных и мировых!

А простаки-исследователи меряют его рамками традиционной религиозности, застывшей канонем и догмой тысячелетия назад!

Он принёс **весть**, и её следовало **принять к сведению и исполнению**, а не забалтывать как ещё один вариант теоретизирования. Пигмеи – увы! – приложили к гиганту свои мерки. Вот почему оскорблёнными почувствовали себя, прежде всего, талантливые люди – гений невольно обнаруживает, что они – люди второго сорта. Это – *Сальерический синдром*. – С этим ничего не поделаешь: «Ты царь – живи один». И вечное: «Так улетай же, чем скорей, тем лучше».

И он – улетел.

Ему было **сорок четыре** года.

5

Согласно нескольким строкам поручения на случай смерти, голубой чемоданчик с рукописями достался подруге, Ангельскому Пёрышку. Правда, ей пришлось выдержать целый бой с вцепившейся в эти “живые деньги” Консуэло, но друзья во главе с Гавуалем чётко выполнили последнюю волю своего боевого товарища. Но АП *знала*, за что боролась. Она уже познакомилась с текстом, и знакомство это происходило своеобразно, в стиле и духе самодержца.

---

¹⁵⁷ Из книги Жилия Руа. Цит. по Буковска А., 166. Акцентуации мои. – ОК.

АП только что приехала в Алжир. Антуан тотчас же засаживает её за чтение рукописи Книги. Наконец-то у него есть читатель, который полностью его понимает! Ему так трудно работать в нездоровой атмосфере Алжира. Он ищет поддержки у подруги. Да и АП знакома с этим его творением не с сегодняшнего дня. Она, по всей вероятности, единственный человек, посвящённый во все тайны его медленного и мучительного рождения. Несколько лет тому назад, когда замысел его только начинал оформляться, она первая прочла всё и написала Сент-Эксу письмо, в котором подробно излагала свои впечатления.

Антуан тогда ответил ей взволнованным посланием:

*«Твоё письмо – это как раз то – в точности то – в чём я нуждаюсь. Я прочитал его уже тридцать раз. Ты не можешь представить, какое это для меня имеет значение. Это должно побудить меня к работе. Я так хотел бы получить ещё письмецо. Пойми, дело не в том, чтобы чужие мнения учили меня чему-либо, и не в том, чтобы советы были мне в помощь (по крайней мере, на этой стадии). Как только **книга** будет закончена, вот тогда, пожалуйста, пусть критикуют, и чем больше, тем лучше – для совершенства. Но на данной стадии это меня опустошает. Единственный вопрос, который тревожит и мучает меня, и в то же время единственный ответ на вопрос, который побуждает работать, помогает и служит службу: какое впечатление от моей **книги** у читателя? Как раз таково твоё письмо. В точности»¹⁵⁸.*

Как видим, АП была восприимчивой текста ещё в первых стадиях его родов. Важно то, что уже тогда это была Книга, и даже на ранних этапах работы *целое* было не беспорядочным ворохом записей и заметок, а именно *книгой*, и Экзюпери проверял читательское впечатление

---

¹⁵⁸ Мижо, 426. Ред. и акцентуация мои. – ОК.

именно от общей архитектоники создания. Только подруга была в курсе строительного замысла.

«С тех пор много воды утекло. Сент-Экс сильно изменился. Рукопись его всё разрасталась – в ней уже было около тысячи страниц. АП тоже немало пережила и, наверно, изменилась. Как-то она теперь воспринимает его произведение, перед которым, как ему кажется, всё его предыдущее творчество – лишь проба пера?

Антуан охвачен лихорадочным возбуждением. Ему не сидится на месте – всё равно он не в состоянии что-нибудь делать. Он нервно шагает по комнате, время от времени бросая опасливые взгляды на подругу, отмечая в уме страницу, до которой она уже дошла и, стараясь по выражению её лица угадать впечатление. При этом он мешает ей сосредоточиться.

АП устала с дороги, а в городе стоит невообразимая жара, задувает сирокко, нечем дышать. Прочтя около ста страниц, она не выдерживает и просит Антуана пройти с ней к морю.

Сент-Экс поражён. Он весь возмущение. Такой жестокости от подруги он не ожидал.

– Раз ты не дочитываешь мою книгу, значит тебе скучно!

– Да нет же, я нахожу её просто замечательной!

– Неправда, раз она тебя утомляет!

– Но я устала не от книги. Я устала с дороги и совершенно ошалела от жары. Вот пройду немного, подышу воздухом, тогда будет легче читать.

– А вечером тебе захочется спать.

– Да нет же, не захочется.

Сент-Экс расстроен и пытается найти компромиссное решение:

– Прочти хоть ещё *главу!*

– Прочту, когда вернёмся.

– Ну, хоть эти две страницы.

Подруга весело рассмеялась. Она была рада найти прежнего Антуана с его «замечательной

требовательностью». Взволнованное лицо Экзюпери вдруг просветлело, он на минуту исчез в своей спальне и, вернувшись, шутливо и, вместе с тем, смущённо произнёс:

– На вот, возьми!

– Что ты мне принёс?

– Ну-ка, проглоти!

Смеясь, но решительным жестом он с живостью сунул ей в рот какие-то таблетки и заставил запить водой.

– Можешь теперь идти купаться, сегодня уже не заснёшь. Я дал тебе две таблетки фенамина.

В самом деле, в течение сорока восьми часов подруга не могла сомкнуть глаза, и ей не оставалось ничего лучшего, как одолеть всю рукопись»¹⁵⁹.

После войны АП издала воспоминания об Экзюпери под мужским псевдонимом Пьер Шеврие. «Красивая, высокая, стройная и, вместе с тем, изящная»¹⁶⁰, она была, прежде всего, боевым товарищем своего *духовного рыцаря*, и участие её в создании великого гностического собора было чрезвычайным. Высокий этический и поэтический аристократизм – в отличие от мещанки Консуэло – делал её подлинно *прекрасной дамой* потомственного рыцаря Грааля, адекватной ему в самых глубоких и сложных из его визионерских пилигримажей. Собственно, всё пространство Книги они исходили вдвоём, и Экзюпери оставлял текст на сотрудника, который мог хоть как-то продолжить работу. Всё дело в том, что многие записи последних лет имели авторскую маркировку «Заметки на потом». Едва ли речь шла о намечавшейся *новой* книге. Экзюпери предполагал после войны ещё десять лет шлифовать и обогащать текст: *«Если я буду отделявать <...> эти семьсот страниц руды <...>, мне и то понадобится **десять лет**, не говоря уже о более тщательной отделке. Словом, я буду*

---

¹⁵⁹ Мижо, 426-428. Ред. и курсив мои. – ОК.

¹⁶⁰ Мижо, 425.

работать над ними, пока хватит сил. И ничего другого делать не буду»¹⁶¹.

Значит, речь шла об обогащении всё той же итоговой Книги. Но по ходу дела в голову приходили новые мысли и образы, и закупорить источник поступления не представлялось возможным. По существу, то, что вытекало из-под пера (или наговаривалось на диктофон) было философским дневником, последовательным занесением на бумагу всего, что приходило по ходу дела в голову, и процесс должен был продолжаться до последнего дня. Превратиться на десять – или более – лет только в обработчика ему бы не удалось. Хотя он и писал кокетливо:

*«Если я кое-как научился писать, то лишь потому, что ясно вижу свои недостатки. Ни одна неудачная фраза от меня не ускользает. Не так уж глупо я когда-то сказал: “Я не умею писать, я умею только править”»*¹⁶².

Это письмо от декабря 1943 года, когда от робости начинающего автора не осталось и следа. Может быть, он и «не умел писать», но зато он **умел мыслить и образно мысли выражать**.

Многие исследователи сравнивали последнюю Книгу Экзюпери с сочинениями французских моралистов: любимого им Паскаля, Шамфора, Лабрюйера и Ларошфуко; однажды он сам сопоставил себя мимоходом с Монтенем¹⁶³. В этом есть определённый резон, и родственная связь несомненна. От ранних более-менее сюжетных опусов Экзюпери переходил – медленно, но верно – к сочинению *такого* рода. А оно – безразмерно. Можно лишь увеличивать количество томов, доводя до масштабности «Шах-наме» или «Тысячи и одной ночи». Монтень – автор одной единственной книги, и толщина её равняется длине его жизни.

---

¹⁶¹ I, 524. Акцентуации мои. – ОК.

¹⁶² III, 226.

¹⁶³ См. III, 198.

О каком **сюжете** в этом случае может идти речь? Хотя Экзюпери связал всё воедино авторским «я» *Великого каида* и некоторыми повторяющимися в разных главах персонажами крайне условного типа. Но реально он создал авторский философский сборник наподобие **Маргарита**, **Златой Цепи** или **Луцидариуса** (если перейти от французской традиции к общеевропейской). Экзюпери напрямую не цитирует никого из великих, но пересказов впитанных и переваренных их концепций – множество. Здесь и Ницше, и Паскаль, и Достоевский, и множество, множество других. Именно густота культурного подтекста не позволяет традиционалистам объявить его ересиархом. Более того. Многие из них, которые вертятся, в основном, вокруг мусульманской традиции, считают его своим! И это несмотря на ненависть к Корану и Магомету, которую он высказывал неоднократно!¹⁶⁴

Факт в том, что диапазон, в котором витийствует «Великий каид» – несомненно считая это даже не маской, а ролевой установкой *руми Антуана* – простирается от возвышенных сентенций Дон Кихота до бытовой мудрости Санчо Панса – губернатора. Быть мудрецом в среде берберских вождей, которые всерьёз прислушивались к его аргументам, доводам и наставлениям, понравилось ему больше, чем быть пионером авиатранспорта, схимником кельи-кабины самолёта. За шесть с половиной тысяч часов, проведённых в молчании за штурвалом, он накопил слишком много **чего сказать по существу**, и обрушил это всё в своей Книге.

Но вот что важно. В рукописи, которую читала АП уже были *главы*, а саму её Экзюпери упорно называет **книгой**. Значит, он знакомил подругу не с *мыслями*, которые можно было пересказать и в пешей прогулке, как она предлагала, а уже с законченным текстовым

---

¹⁶⁴ См. напр., II, 21 и др.

продуктом, композиция которого, т. е. последовательное расположение материала, имела для него огромное значение **уже тогда**.

Поэтому мнение, что от Экзюпери осталась хаотичная пачка листов с «набросками» без начала и конца – ошибочно, и даже – в корне неверно. Зачин с многоточия и интертекстового **car, ибо** – продуман и умышлен автором как оригинальный ход и “изюминка” произведения.

Кстати, первая запись 1936 года, положившая начало будущей Книге – иная: *«J'étais seigneur berbère et je rentrais chez moi»*, – *Я был берберским владыкой и я вернулся к себе. Я должен был присутствовать на стрижке шерсти тысяч овец владений отца моего.* И т. д.

Если верно замечание издателей, что текст Экзюпери перекомпоновывался по отношению к оригиналу (в работе этой приняли участие Симона Ламблен, Пьер Шеврие и Леон Ванселиус), то, за счёт участия в редакции текста АП (Пьер Шеврие) можно считать, что воля автора была не очень искажена, а может быть, в некоторых случаях, даже угадана в первом издании 1948 года. Ещё десять лет шла активная работа по уточнению печатного текста по отношению к оригиналу (имитация тех самых десяти лет правки, о которых выше высказывался Сент-Экс). В конце концов, текст принял законченную форму 219 глав, которые каждый издатель и переводчик пытаются расположить по-своему. Даже наша посредственная переводчица, которая кое-как перепёрла не понятый ею до конца текст на русский, сочла возможным менять разбивку и нумерацию глав (например, XV и XVI главы оригинала) по собственному усмотрению.

Между тем следует застывшую лаву текста рассматривать как месседж мистически двуединой личности: Сент-Экса и АП.

Верификация книги соответственно буквенным аббревиатурам – они же «римская цифирь» – дают очень выразительные результаты.

Начнём с главы 44-й (XLIV), в которой отражены год ухода автора с земного плана и общее число лет его жизни.

«И наступил для меня вечер, и вот я спускаюсь с моей горы по склону новых поколений, которых я ещё не знаю в лицо, устав от бесконечных обещаний человеческих слов и не находя более ни в скрипе их телег, ни в грохоте наковален пения их сердец – равнодушный к ним, как если бы не знал их языка, и безразличный к будущему, которое больше не имеет ко мне никакого отношения – у гробового входа, как мне кажется, что меня приводит в отчаянье; замурованный в тяжёлом оборонительном вале эгоизма (Господи, возопил я к Богу, Ты оставил меня, вот почему я покинул людей) и я себя спросил, что меня так разочаровало в их поведении?»

К ним нет ни одной просьбы. Зачем отягощать мои пальмовые рожи новыми стадами? Зачем увеличивать мой дворец новыми башнями, когда я и так влачу мой плащ из зала в залу, как корабль в бескрайности морей? Зачем кормить новых рабов, когда их и так по семь или восемь у каждой двери, застывших как столбы моего жилища, и когда я проплываю мимо них по длинным коридорам, они вмазываются в стены, пока я их не миную, от одного шороха моего плаща? Зачем похищение новых женщин, когда я всех их заключил в моём молчании и стараюсь их больше не слушать, чтоб услышать их, наконец? Ибо мне приходилось провожать их в царство сна, погружающих в его бархат свои глаза и ресницы... Я их покинул тогда, полный желаний взобраться на самую высокую башню, окунувшуюся в звёзды, и узнать у Бога смысл их сна, ибо вот спит их крикливость, плоские мыслишки, убогие уловки и их тщеславие, которое вновь возвращается в их сердца вместе со светом дня, когда вновь начинается подсиживание подруги, чтобы воцариться вместо неё в моём сердце. (Но если не

*обращать внимание на слова, то всё это остаётся всего лишь игрой птиц и сладостью слёз...)*¹⁶⁵

Зияющее провалом «porté en terre», у **гробового входа** (цитируя Пушкина, которого Экзюпери вполне мог знать хотя бы по многочисленным цитатам у Достоевского) – это предошущение ухода с земного плана, не ищущее себе возражений. Вот почему «будущее, которое больше не имеет ко мне никакого отношения». С какой грустью озирает каид своё царство, затихшее до утра в благодати сна, – подобно Аисту из знаменитой сказки Андерсена. Здесь и летучая молитва к Господу, подобная последним словам Христа, сказанным с креста... 44 – это 4 Кабалистических древа – соответственно 4-м планам: *Ацилут*, *Бриа*, *Йецира* и *Асия* с сефирами *Даат* в каждом – или одно с 11-ю сефирами-мандалами наподобие *Малькут*. Это и весёлый детский стишок «Жили в квартире Сорок четыре Сорок четыре весёлых чича...» Одно слово «jeu d'oiseau», **игра птиц** миниатюры Сент-Экса. Судя по тексту, он собирался уйти, и сборы эти были капитальны: он оставлял людям в наследство чистое золото мудрости. Он, как масон Радищев, выходя в мир, бросал свой взор окрест себя и, уязвлённый картиной неказистости человеческого бытия, настойчиво поправлял покосившуюся постройку. – **Рыцарское служение**, хоть и в роли Верховного Инспектора. – И даже более: в состоянии какого-то немислимого 44° (градуса)! Градусник обрывает человеческую жизнь на отметке 42° (градуса) Цельсия. Значит, ещё два года Экзюпери продержался на «нуле горячего»! С ним и ранее это случалось: однажды он вернулся, когда его уже перестали ждать – бак у *этого* самолёта оказался нестандартный. 44 года было Булгакову в момент встречи с Экзюпери – это тоже был знак (как оказалось). И, наконец, главное: 40 – числовое значение 13-го Аркана *Смерть*; 4 – Четвёртый аркан

---

¹⁶⁵ A.de Saint-Exupery. Oeuvres, 626-627. Пер. мой. – ОК.

Император (Юпитер) – основные характеристики Экзюпери – Великого Каида в этом отрывке. Мистическое попадание содержания в нумерацию – стопроцентно.

Теперь возьмём IX главу Книги: здесь расположение букв I (русск. И) и X (русск. Х) даёт аббревиатуру I. (Иисус), X. (Христос). Посмотрим, соответствует ли повествование такой высокой символике.

«Так говорил мне мой отец:

“Заставь их сообща строить башню, и ты превратишь их в братьев. Но если ты хочешь, чтобы они возненавидели друг друга, брось им зерно”.

Он говорил мне ещё:

“Пусть-ка они принесут мне сначала плоды их труда. Пусть-ка они направят в мои закрома реку своих урожаев. Пусть-ка они во мне возведут свои амбары. Я желаю, пусть-ка во славу мою они молотят хлеба в золотом ореоле половы. Ибо работа, если она совершается для пропитания, превращается в пенистое. Ибо вот, пусть-ка они вызывают поменьше жалости, когда прут, надрываясь, мешки по направлению к мельнице. Или когда возвращаются с ними, белые от муки. Эти пуды мешка возвышают их словно молитва. И вот пускай-ка, радостно смеясь, они поднимают свой сноп, как подсвечник для зёрен, со своими островами и прибаутками. Ибо цивилизация держится на том, что она требует от людей, а не на том, чем она их снабжает. И, разумеется, этот хлеб, он питает их, голодных и усталых. Но не в этом ведь для человека главная суть вещей. Их сердце питает не то, что они получают от хлеба. А то, что хлебу дают.

Ибо вновь повторяю, презренны те племена, что твердят чужие поэмы и едят чужой хлеб или нанимают пришлых зодчих, коим платят, чтобы они возводили им города. Это те, кого я называю осёдлыми. И я больше не вижу вокруг них ореола – золотистой пыли над током, когда молотят зерно.

Ибо верно, что я получаю, в то же самое время, что и даю, но, в первую очередь, для того, чтоб продолжать отдавать. Я благословляю этот обмен между отдачей и получением, позволяющий не прерывать движенья и снова и снова давать. И если возврат поддерживает моё тело, сердце питает лишь отданное другим.

Я видел танцовщиц, сочиняющих танец. И танец однажды создан и исполнен, но никто не может, унеся, запастись им впрок. Танец минует тебя словно пожар. И, однако, я называю цивилизованным лишь тот народ, что сам создаёт свои танцы, хоть нет для танцев ни уборки, ни закровов. Тогда как диким я называю народ, который собирает на своих полках совершеннейшие предметы, созданные трудами других, даже если он способен упиваться их высочайшим качеством.

Человек – говаривал мой отец – это только тот, кто созидает. И братья лишь те, кто сотрудничает. И живы лишь те, кто не обрёл покоя и мира в собранных ими запасах”.

Однажды ему возразили:

“Что ты называешь «творить»? Если речь идёт о чём-то мало-мальски значительном, мало кто на это способен. И говоришь лишь для немногих, но как же другие?”

Мой отец отвечал:

“Творить – это, может быть, смазать фигуру в танце. Это вдарить вкось по резцу, врубаясь в камень. Неважно, к чему приведут твои жесты. Это усилие кажется бесплодным тебе, слепцу, уткнувшемуся носом в то, что напротив тебя; но отступи назад. Огляди издали суету городского квартала. Это ни что иное, как горячий порыв и золотистая пыль работы. И ты не замечаешь уже неудачных, неловких движений. Ибо этот народ, с головою ушедший в работу, хочет того или нет, созидает эти дворцы, водоёмы, эти громады всяких садов. Эти творения возникают сами собой из волшебства его пальцев. И запомни, мой сын, они

рождены в равной степени теми, кто выдал в труде «петуха» и кто спел идеально по нотам, ибо нельзя разделять человека, и спасая лишь великих ваятелей, ты на скульптуре поставишь крест. Кто будет настолько безумен, чтобы выбрать себе ремесло, не дающее шансов выжить? Великий скульптор рождается из почвы, унавоженной бездарями от ваяния. Они для него – лестница вверх, взлётная полоса и подъёмная сила. И совершенный танец рождается желанием танцевать. А жажда танца повелевает абсолютно всем танцевать – и тем, кто танцует плохо, – иначе погаснет стремление, жизнь окаменеет академизмом, а зрелище не вызреет никогда.

Не осуждай их ошибок на манер историка, что подводит черту под тем, что прошло. Но кто упрекнёт кедр в том, что он ещё семечко, или побег, или ветвями бежит неизвестно куда. Оставь его в покое, пусть действует. От ошибки к ошибке поднимается кедровая роща, благоухая в ветреные дни ароматом птичьего пенья”.

И отец мой сказал в заключенье:

“Я об этом тебе уже говорил. Провал одного, удача другого – не озадачивай себя различиями. Есть лишь великое сотрудничество одного и другого. Неудачное движение становится подножием удачному. Равно – и промах и точное попадание – указывает на единую цель, которую преследовали оба. Тот, кто находит Бога, находит Его для всех. Ибо моя религия духа подобна храму, и я побудил человека. Я призвал людей воздвигнуть его. А значит – это их храм! И рождение храма выявляет в них высшее предназначенье. И они творят ему позолоту. И тот, кто её безуспешно искал, радостно тоже творит. Ибо горячее это стремленье ему позолота и есть”.

И ещё он добавил:

“Не сотвори империи, где всё было бы совершенно. Ибо хороший вкус – добродетель музейного сторожа.

Если ты презираешь дурной вкус, не жди ни картины, ни танца, ни дворца, ни сада. Тебе покажется безвкусицей пачкать руки в земле. И ты останешься один на один с холодным немым совершенством. Сотвори такую империю, где всё будет наполнено энтузиазмом”»¹⁶⁶.

Изумительное описание Царствия Божьего на земле. Обычно оба залегания этого Царства идентифицируются между собой. В этом кардинальное заблуждение богословов. Надземное залегание Царства Божьего может позволить себе быть завершённым, законченным и потому совершенным и статичным. Земное же залегание этого Царства обязано быть несовершенным, оставляя резерв для совершенствования, становления, что может осуществляться только в режиме динамики, бесконечных метаморфоз – **с повышением качества – то есть жизни.**

И Экзюпери наполняет эту ему до глубин понятную идею всем многоцветием конкретики и тончайших оттенков. В публицистических высказываниях он характеризует демократию как уважительное отношение государства к «праву на ошибку» – в отличие от тоталитарных режимов – и даже собирается идти сражаться за это священное право. На этом праве он строит свою «Цивилизацию духа» (последнее слово я вставляю для контекстовой полноты).

Любопытно, что всё начинается со **строительства башни** (16-й аркан), русское же «башня» содержит в себе тюркский корень «баш», **голова**, а это есть прямой отсыл к Голове Мира, Главе Ведомства Милосердия Иешуа Га-Ноцри, Иисусу Христу, что и требовалось показать.

И тут же в точной символикe Планетарного Логоса возникает образ **хлеба** – новозаветного «тела Христова» и высокая аллегоричность **отдачи** как жертвы, акта любви **личности – людям.** Но какое огромное место в структуре идеального, но реального, общества занимает **творческий акт** и **творческая активность** – характерные признаки

---

¹⁶⁶ A.de Saint-Exupery. Oeuvres, 541-543. Пер. мой. – ОК.

эпохи Духа Святого с феноменологией **гения** в её сердцевине, **гения**, чьё присутствие демонстрирует собой сам Великий каид. Он уже не заботится о создании совершенных произведений, – он занят выковыванием совершенного творца, своего народа. Поэтому он оставляет ему место и время для свободы манёвра, обучения на ошибках, в идеале – не только своих. Он не взыскивает за faux pas, как Иисус, прощая ошибки и (в стрельбе) недолёт-перелёт пристрелки, и пробу пера. Но апология дурного вкуса – это нечто новое даже в логике **цивилизации** Экзюпери. Произведения дурного вкуса мгновенно заполняют прилавки и витрины, пользуются массовым успехом, а потом перекочёвывают в музей как образцы «современного творчества». Сам же Сент-Экс уничтожительно писал об олеографии, которую массы предпочитают Сезанну. Торжество наци и коммунистов это, прежде всего, торжество дурного вкуса, возведённого в государственную догму и принцип, что пушечному мясу и рабам хороший вкус противопоказан. Вообще, власть толкает правителя на потакание большинству. Даже аристократы на тронах начинают мыслить вульгарно, ибо **таков дух народа**, подданных в точном смысле слова. Мудрость для миллионов – всегда примитив. Даже если правитель оформляет её высокопарно. Вместо «высокого паренья» имеет место **уходящий в небо столб пара** от авторитарно и с самолюбованием произносимых «словес».

Но тут есть одна логическая подсечка. Само различие **хорошего** и **дурного** вкуса предполагает наличие у рассуждающего **идеального** вкуса, способного схватывать разницу. Его-то Великий каид и предполагает включить при отборе в свои хранилища **вечных ценностей**. Но реальные события XX века приводили к наполнению музеев мусором попкультуры (все виды “измов” во всех областях культуры), которая под видом «демократического искусства» стала вытеснять в

«отжившее прошлое» «искусство аристократов»
минувших времён.

В идеальном пространстве своей **цивилизации** Великий каид оставляет за собой самодержавное право осаживать наглецов и бездарей, готовых погresti под грудой своих пошлых поделок уязвимые шедевры моцартов. Как это напоминает реакцию Христа на фальсификат Савла, названный Его именем. Транслятор голоса Учителя, Иоанн Богослов, прямо называл самозванца **антихристом**. Подлинное учение Христа начинается со слов «не мечите перлы перед свиньями». Поэтому национальная или государственная самозамкнутость всегда будет искажать принцип, подыгрывая «своим». С этого и начинается «падение и кара».

Упрёк Великого инквизитора Христу имеет свои резоны: он действительно **приходил для избранных** и постоянно подчёркивал их малое число («соль земли», «закваска») по отношению к враждебным им всем остальным: «гонимы будете за имя Моё». Как втихую ухитрились переиграть ситуацию на прямо противоположную, и, как ни в чём не бывало, из имени гонимого и распинаемого сделать знамя гонителей и палачей – уму не постижимо. Но постоянное присутствие каида в его цивилизации гарантирует сохранение **верной, вечной** ориентации верха и низа структуры мира. Христос и сказал, что Он «победил мир» только когда увидел, что Его есть кому подменить. Речь идёт о **тайном апостолате** во главе с Иосифом Аримафейским, кому Он оставил **завет о метании перлов**. Павел и павлианство против Христа и его верных рыцарей – здесь у Экзюпери позиция четка и однозначна. Его постоянные прямые обращения к Планетарному Логосу: «Господи!» («Seigneur») подразумевают пастьерские допуски овцам резвиться в каких-то пределах, но мгновенное возвращение к торжеству истины и справедливости по одному его всемогущему жесту.

И в XX веке и две тысячи лет назад всё сводится к египетскому принципу: страной должны управлять **лучшие** (жрецы, фараоны и окружение) – тогда государство становится «землёй людей», как египтяне называли свою Та Кемь. Только вечное присутствие в небесах Планетарного Логоса и Великого каида на земле обеспечивает, чтобы revolt of the masses не обратил эволюцию человечества вспять.

И вот ещё одно мистическое чудо «Цитадели».

Пятьдесят пятая глава: LV читается как английское – ставшее международным слово **LoVe**, **любовь** при самоочевидной огласовке. Фиксация в письменности одних согласных распространена во многих языках мира, причём **правильная** огласовка текста была сакральной тайной высшей интеллектуальной элиты страны. И напрашивающееся Love пятьдесят пятой главы тоже почему-то никому не приходило в голову.

Но: соответствует ли содержание этому заголовку?

Смотрим.

«Не путай любовь с жаждой обладания, которая приносит столько страданий. Ибо вопреки распространённому мнению, любовь не заставляет страдать. Но инстинкт собственника воистину мучителен, а он противоположен любви. Ибо воспламенённый любовью к Богу я влачусь, ковыляя, по дороге, чтобы поделиться ею сначала с другими. И я не обращаю моего Бога в рабство себе. И я сыт тем, чем Господь одаряет других. И я узнаю истинную любовь по тому, что её невозможно унижить и оскорбить. И того, кто умирает за империю духа, империя унижить не может. Можно говорить о неблагодарности того или другого, но как можно говорить о неблагодарности целой империи? Империя создана твоими дарами, и какой жалкой арифметикой ты будешь одержим, если будешь озабочен ответными почестями! Кто кладёт свою жизнь на строительство храма, меняет себя на храм, он

становится его воплощённой любовью, – так каким же образом он может быть храмом оскорблён? Настоящая любовь начинается там, где ничего не ищут взамен. И если ты для того, чтобы научить человека любить людей, находишь важным начать упражнять его в молитве, так это потому, что на неё нет ответа.

Ваша любовь основана на ненависти, ибо как только вы захватываете в её сети женщину или мужчину, вы как собака начинаете ненавидеть и облаивать всех, кто пытается приблизиться к вашей добыче. И вы называете любовью этот животный эгоизм! Труд любви для вас таков же, как и всякий другой, вроде ваших фальшивых дружб, и этот свободный дар вы превращаете в прислужничество и рабство и начинаете, в ту же минуту, как полюбили, чувствовать себя уязвлёнными. И в наказание, чтобы заставить лучше служить себе, казните его зрелищем ваших страданий. И действительно вы страдаете. И вот это-то ваше страдание мне и претит. А чем, скажите, тут любоваться?

Когда-то в молодости я мерил шагами террасу под налившимися звёздами небом, поскольку сбежала моя рабыня, которую я считал единственным своим утешением. Я снарядил армии, дабы её разыскать. Чтобы заполучить её, я бросил к её ногам целые области, но Бог свидетель, я никогда не заблуждался относительно этой жажды обладания вещью, и не путал с любовью, даже когда ставил на кон жизнь, этот дикий гон за добычей.

Истинную дружбу я узнаю по тому, что она не способна предать, а подлинную любовь по тому, что её оскорбить невозможно.

Если придут и скажут: «Брось эту вот, она оскорбляет тебя...», снисходительно выслушай их, но не

меняя своего поведенья, ибо кто же в силах тебя оскорбить?

И если скажут тебе: «Брось, все старанья твои бесполезны...», снисходительно выслушай их, но не меняя своего поведенья, ибо выбор твой уже сделан. И если можно украсть то, что ты получаешь, то как можно украсть то, что ты отдаёшь другим?

И если скажут тебе: «Вот, здесь ты в долгах. Вот, а здесь ты в шелках. Вот, здесь плюют на подарки твои. Вот, а здесь перед ними склонились в почтеньи», заткни уши и не внимай этой скаредной арифметике.

И всем ты отвечай: «Любит меня тот, кто работает вместе со мной».

Так в храм входит единственный друг, но ему нет числа»¹⁶⁷.

Мне даже неудобно: попаданье выглядит как фокус или подтасовка.

В оптическом смысле (т. е. в разговоре о птицах, “птичках” старых фотографов) так оно и есть. И можно только потрясаться мудростью Великого Антуана и Ангельского Пёрышка или степенью участия в сотворении Книги Высших Сил. И то и другое равно невероятно. И, однако – факт.

Планетарный Логос – Бог-Любовь. Иешуа Га-Ноцри – Глава Ведомства милосердия. И проблема любви является центральной для автора «Цитадели». Тема эта разлита по всей Книге. Большие куски посвящены ей в XXXV и XXXIX главах. Фундаментальна сентенция: *«И любить это не значит смотреть друг на друга, это значит смотреть вместе в одном направлении»*. С максимами LV главы она составляет **новое** откровение о любви, добытое на гора в XX веке. Ничего подобного не следует

---

¹⁶⁷ «Ainsi du templ où seul l'ami entre, mais innombrable». A. de Saint-Euxèry. Oeuvres, 647-648. Пер. мой. – ОК.

из орнотологической вязи шекспировских героев или нервических взвизгов персонажей литературы XIX века.

Здесь Экзюпери недостижим и является чистейшим транслятором голоса самого Иисуса Христа – Пастыря Доброго сегодняшнего положения.

По существу, «Цитадель» – это **Книга премудрости пресвитера Иоанна**. Ибо только его *идеальное царство* соответствует понятию «*империя*» Экзюпери. Идеальный, премудрый правитель может быть ассоциируемым только с ним. Но ничего уклончиво-ускользающего в Книге Экзюпери нет. «Вымышленное царство», гуляющее по сухопутным волнам евразийских пространств, как летучий Голландец, оставило после себя столь реальный след, что действительным государствам и странам этих пространств следует подпитываться от него энергией натуральности. Человек должен всю жизнь доказывать основательность своего пребывания на земле. Бредовостью своих действий он постоянно сползает в туман фантомности, эфемерности прошлогоднего снега. Алогизм расхристанности противостоит мудрости самого Логоса-Христа, и Экзюпери собирает своим пастырским посохом постоянно разбредаящееся человеческое стадо. «Цитадель» не столько книга «златых правил» (в LV главе их несколько), но железного драйвинга Великого Навигатора и Вперёдсмотрящего мира. Никто не хочет остаться **вне** его нравственных установок. В этом случае охватывает чувство полной богооставленности и забытости на обочине бытия.

Правила Великого каида – это развёртка Булгаковского «Всё будет правильно», произнесённого устами Главы Ведомства Справедливости. Корректировка каждого своего действия с волей Божьей роднит монарха «империи духа» со «специалистом по чёрной магии» с Патриарших. Это значит, инспиратором Книги Сент-Экса был Михаил Булгаков. Представляясь французскому коллеге в качестве писателя на достаточно нейтральной территории апартаментов секретаря американского

посольства в Москве Булгаков, владевший французским, вполне мог посвятить собеседника в суть создаваемого им шедевра, тем более что не ощущал “криминальности” своей работы. Рыцарская тональность произведения должна была мгновенно быть уловленной «рыцарем Грааля» и дух замысла и героизм в его осуществлении не мог его не поразить. Он тоже решил взяться за нечто масштабное, а опыт посредника-руми позволил взлететь на вершину **властителя человеческих судеб**. И даже **демиурга**.

«Car je veux vous guider de la main vers vous-mêmes... Je suis la bonne saison des homme».

«Я хочу взять каждого из вас за руку и вести на встречу с самим собой. Я – наилучшая пора для человека»¹⁶⁸.

Это – Воландовский масштаб. Невольно хочется добавить: «Судьба мастера и Маргариты решена». Такой духовный унисон невозможен без творческого сцепления.

Так, Воланд мог бы сказать Маргарите: «Не стыдитесь своей ненависти» (1-я строка XLII главы). А Экзюпери мог бы вставить в «Цитадель» слова мессира о любви из 32-й главы Романа.

А теперь ещё одно чудо мистики Книги Сент-Экса.

В год смерти Булгакову было 48 лет. Взглянем в XLVIII главу великого текста:

«Ибо я приношу вам великое утешение; оно в знании о том, что не надо ни о чём сожалеть. И ничего отвергать. Так говорил мой отец:

«Ты используешь твоё прошлое как пейзаж, рамой для которого служит здесь эта гора, там – та река, и ты планируешь на этом просторе будущие города, размещая их между наличным. А если б этого не было вовсе, ты бы их с лёгкостью черпал из грёз, что гораздо проще, ибо грёзам ничто не противится, но вместе с простотой они были бы и неуловимы, растворившись в твоём произволе. Не переставляй же в уме каменный кряж с места на

---

¹⁶⁸ A.de Saint-Exupery. Oeuvres, 622. Пер. мой. – ОК.

место, ибо задача гряды – просто быть. Так же и с моим дворцом, дверями и множеством стен.

И какой завоеватель, когда пожалел, что на захваченных им владеньях здесь вот взметнулась гора, там распласталась река? Всё, что мне нужно – основа для вышиванья, правила в пенье и танцах, чтобы действовать – правильный человек!

И если ты сожалеешь, что смертельно ранен, сожалеи уж лучше, что вообще появился на свет иль не родился в другую эпоху. Ибо всё твоё прошлое входит в сегодняшнее рождение. И только так, и всё тут. Принимай всё таким, как есть, и не передвигай горы с места на место. Они там, где они есть»¹⁶⁹.

Лучший реквием по Булгакову трудно вообразить. Он сопоставим с гениальными строками «Мастера»: «Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землёй, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, её болотца и реки, он отдаётся с лёгким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна...»¹⁷⁰

Оба затравленные и замученные ненавистью и завистью бездарей и полуинтеллигентов они мечтали о **покое**, ибо оба были «заложниками вечности у времени в плену».

Вот высказывания Сент-Экса:

«Хочу только одного – покоя, пусть даже вечного»¹⁷¹.

«Если я где-то нахожусь, то я там как бы навечно. Садясь на скамейку, я желаю сидеть на ней вечность. Я имею право на свои скамейки на пять минут вечности»¹⁷².

---

¹⁶⁹ A. de Saint-Exupéry. Oeuvres, 635-636. Пер. мой. – ОК.

¹⁷⁰ Булгаков М.А. Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 5 М., 1990; 367.

¹⁷¹ III, 247.

¹⁷² III, 247.

«Вы представить себе не можете, какой покой, какое одиночество испытываешь на высоте четырёх тысяч метров наедине с мотором».

«Не могу забыть, какой чудесный покой нисшёл на меня в последнюю ночь в Ливии»¹⁷³.

«Мне ничего не нужно. Ни денег, ни удовольствий, ни общества друзей. Мне жизненно необходим покой»¹⁷⁴.

Его тянуло туда, где оказался в конце пути Булгаковский мастер; там же встретились второй раз, чтобы не расставаться уже никогда французский и русский духовные мастера.

Первая же их встреча произошла так.

6

В 1935 году, когда работа над Романом была в самом разгаре, Высшие Силы отметили верность в служении русского мастера, устроив ему необыкновенную встречу с крупнейшим духовным учителем Запада.

«У Уайли было человек 30, среди них турецкий посол, какой-то французский писатель, только что приехавший в Союз, и, конечно, Штейгер (будущий барон Майгель – ОК). Были и все наши знакомцы – секретари американского посольства. С места – шампанское, виски, коньяк. Потом – ужин а la fourchette. <...> Мне есть не хотелось. Но Миша – бедняга никак не мог положить себе куска в рот. Так его забрасывала вопросами одна приезжая американка. Француз – оказавшийся, кроме того, и лётчиком – рассказывал про свои опасные полёты. Показывал необычайные фокусы с картами. Я сначала думала, что он вошёл в соглашение с хозяйкой. Но потом, когда он проделал фокус со мной непосредственно, я уверовала. И испугалась – объяснить немислимо.

Сидели до половины третьего, а потом на машине поехали домой»¹⁷⁵.

---

¹⁷³ III, 223.

¹⁷⁴ III, 147.

Встреча произошла первого мая 1935 года.

День святой Вальпургии, не омрачённый парадизностью бумажных роз и парада, мягко перешёл в «пургаторио вальсов» (иллюминация, толпы, радостное оживление), Высшие Силы позаботились на этот счёт.

«Вследствие условий, в которых протекало это путешествие, Антуан, к своему глубокому сожалению, мог очень мало увидеть и даже не попал во время первомайской демонстрации на Красную площадь, так как французское посольство не успело заблаговременно предупредить власти о его прибытии, да и в СССР в это время его ещё никто не знал»¹⁷⁶.

Мало того. Экзюпери вообще был вырван из своего привычно текущего бытия, как по мановению волшебной палочки, и оказался в России так же неожиданно, как и Воланд: «Поездка эта не была подготовлена, и Сент-Экс согласился на неё только в виду большого интереса к советскому опыту»¹⁷⁷. Речь идёт об интересе потомка *рыцаря Святого Грааля* к русскому рыцарству, испытываемому обстоятельствами “на изгиб, на разрыв, на излом”. Булгаков был чрезвычайно популярным во Франции автором, а его рыцарский тематизм не мог не привлечь к себе внимания аристократа и рыцаря по крови и по духу Антуана де Сент-Экзюпери. А вот и свидетельство этого знакомства: «Я вспоминаю рассказ жены одного приятеля. Ей удалось укрыться на борту последнего корабля белых, вышедшего в море перед вступлением красных в Севастополь или, быть может, в Одессу.

Судёнышко было битком набито людьми. Любой дополнительный груз мог его перевернуть. Оно медленно отходило от набережной. Ещё узкая, но уже

---

¹⁷⁵ Чудакова М. О. Жизнеописание М. Булгакова. Изд. 2-е, доп. М., 1988; 566-567. Курсив мой. – ОК.

¹⁷⁶ Мижо, 186.

¹⁷⁷ Мижо, 186.

непреодолимая трещина пролегла между двумя мирами. Стиснутая в толпе на корме, молодая женщина смотрела назад. Вот уже два дня, как побеждённые казаки откатились от гор к морю и теперь всё текли и текли. Но кораблей больше не было. Достигнув набережной, казаки перерезали глотки своим коням, сбрасывали с себя бурки, бросали оружие и ныряли в море, чтобы вплавь добраться до ещё столь близкого судёнышка. Но люди, которым было приказано не допускать их на борт, стреляли с кормы, и с каждым выстрелом в воде расплывалась красная звезда. Вскоре вся бухта была расцвечена этими звёздами. Но поток казаков не иссякал, с бредовым упорством они появлялись на набережной, спрыгивали с коней, перерезали им глотки и плыли до тех пор, пока не расплывалась красная звезда...»¹⁷⁸

Что это? – Булгаковский «Бег», кошмарный сон *рыцаря Серафимы*? Нет, это фрагмент Сент-Экс'овского репортажа из Москвы, посвящённого судьбе обрусевших французов, которые вынесли единственное впечатление от переворотов, застигнувших их в России: «революция – это скучно». Да уж, и нарисованный как бы кистью автора «Белой гвардии» эпизод – единственное, что оживляет картину.

Собравшись на поиски “обломков империи”, Экзюпери с трудом пробирается по адресу. «Удостоверившись, что это и есть тридцатый номер, останавливаюсь напротив большого грустного дома. Сквозь ворота замечаю вереницу дворов и строений»¹⁷⁹. Убожество, перегородки, грязь.

А вот Булгаковский «№ 13. Дом Эльпит-рабкоммуна»: «Каждый вечер мышасто-серая пятиэтажная громада загоралась сто семидесятью окнами на асфальтированный двор с каменной девушкой у фонтана».

---

¹⁷⁸ Мижо, 192.

¹⁷⁹ Мижо, 187.

Номера у домов разные, возможно, разные и улицы и районы, но пейзаж абсолютно один, хотя описания разделяет более десяти лет. Не может быть, чтобы в этом метафизическом пространстве оба духовных мастера не встретились. – Встретились! Вот этот необыкновенный след: «За чёрными окнами была бесовская метель, а в маленькой печечке танцевал огненный *маленький принц*, сжигая паркетные квадратики». В знаменитом адском доме на Садовой начинается пожар: «А там совсем уже грозно заиграл да не *маленький принц*, а огненный король рапсодию».

В генезисе и генеалогии «Маленького принца» Булгаковский вариант – не первый. Вот стихотворение Хосе Марти-и-Переса (1853-1895) «Маленький принц»:

*Для маленького принца
Затеян этот праздник,
Для маленького принца
С льняными волосами –
Волною по плечам
Рассыпались их пряди...
А тёмные глаза,
Как две звезды играют:
То гаснут, то мерцают,
То вспыхивают ярко.
Он для меня подушка,
И шпора, и корона...
С коварным зверем в схватке
Моя рука не дрогнет,
Но эта же рука
Как воск в его ручонке.
Чуть он нахмурит брови,
Как я уже в тревоге,
Едва слезу обронит,
От страха я белею...
Моё омыто сердце
Его горячей кровью,*

*И может оно биться
Лишь по его приказу.
Для маленького принца
Затеян этот праздник.
Приди ко мне, мой рыцарь
Тропинкой заклинаний,
Войди, мой повелитель,
В прибежище печали!
Едва передо мною
Твой образ возникает,
Мне мнится, что звезда
Опаловым сияньем
Печальное жилище
Моё преобразует;
И тени отступают,
Пронизанные светом,
Как тучи перед солнцем,
Им раненные насмерть!
Оружья не сложивший,
Я вновь готов сражаться
За маленького принца,
Его большое счастье!
Он для меня подушка,
И шпора, и корона...
Подобно чёрным тучам,
Когда пронзит их солнце
И радужным соцветьем
Их чернота займётся,
Мрак моего жилища,
Пронзённый шпагой принца,
Лилово-алым светом
Мгновенно озариться...
Мой милый принц, ты хочешь,
Чтоб я вернулся к жизни?
Приди ко мне мой рыцарь
Тропинкой заклинаний,
Войди, мой повелитель,*

*В прибежище печали!
Смерть за тебя приму я
Как высшую награду...
Для маленького принца
Затеян этот праздник.*

В балладе-посвящении кубинского борца за свободу есть и рыцарские аллюзии и шпага, с которой будет рисовать своего героя Антуан де Сент-Экзюпери в своей знаменитой сказке, написанной, возможно, не без влияния Хосе Марти. Но каким образом *маленький принц* оказывается в огненном нутре печурки, которая через мгновение станет причиной пожара и гибели знаменитого дома-ковчег, остаётся загадкой. Буржуйку установила вопреки строжайшим запретам в своём закутке небезызвестная Аннушка-чума, и это перед ней, сующей в открытую дверцу выломанный из пола паркет, является размахивающий огненным мечом маленький рыцарь возмездия и справедливости. Ласковой патетике Марти и Экзюпери здесь противопоставлена отчаянная радость заклинания «Огнём обновляется вся природа».

«Уже давно, давно остались позади и вой, и крик, и голые люди, и страшные вспышки на шлемах. Тихо было в переулке, и чуть порохом снежок. Но звериное брюхо всё висело на небе. Всё дрожало и переливалось. И так исстрадалась, истомилась Пыляева Аннушка от чёрной мысли “беда”, от этого огненного брюха-отсвета, что торжествующе разливалось по небу... так исстрадалась, что пришло к ней тупое успокоение, а главное, в голове в первый раз в жизни просветлело.

Остановившись, чтобы отдышаться, ткнулась она на ступеньку, села. И слёзы высохли.

Подперла голову и отчётливо помыслила в первый раз в жизни так:

– Люди мы тёмные. Тёмные люди. Учить нас надо, дураков...»¹⁸⁰

И вдруг – озарение: ведь «Маленький принц» Экзюпери был написан в 1942 году на фоне пожара Второй мировой войны! И сразу вслед за ним пророк и проповедник «руми Антуан» пишет огненное же «Воззвание к французам», принимая завет русского духовного мастера. В идеологическом смысле – это копия Булгаковских «Грядущих перспектив».

Такой унисон не мог не сказаться во время встречи. Внимательно слушал Булгаков и рассказы француза о полётах, и намёки на использование самолёта для крупномасштабного осмысления мира.

Именно после знаменательного общения исчез из черновиков Романа следующий пассаж главы «Полёт»:

«Предалась размышлениям о летании и очень осудила аэропланы и под свист разрываемого воздуха беззвучно посмеялась над человеком, который летает в воздухе воровато, норовя пронырнуть повыше и поскорее в воздухе, ежесекундно опасаясь полететь вверх тормашками вместе со своей сомнительной машинкой или вместе с нею же сгореть в высотах, куда его никто решительно не приглашал подниматься»¹⁸¹.

Ещё бы! Перед ним сидел тот, кто, по выражению одного из современников¹⁸², был «велик и гениален», кто был и «чистейшим из людей». Да и общение длилось достаточно долго.

Можно представить их прощальное рукопожатие. Другой приятель Экзюпери вспоминал: «Он был в полном смысле слова человеком. Таких мало. Но он им был естественно, без всякого напряжения, в силу природного таланта... Пожатие его руки всегда превращалось в событие. Заметишь его, подойдёшь, наберёшься новых

---

¹⁸⁰ Булгаков М. Собр. соч. в 10 т. М., 1995-2000; т. 1, 208-209.

¹⁸¹ Неизвестный Булгаков. М., 1993, 182.

¹⁸² Леона Верта, которому посвящён «Маленький принц».

идей – и ты счастлив. Да, таков был этот единственный в своём роде человек!..»

Но и Сент-Экс получил после встречи-сретения новый импульс к дальнейшему осмыслению мира: с 1936 года он начинает свою великую «Цитадель».

А это значит, что «Мастер и Маргарита», «Иисус Неизвестный», «Иосиф и его братья», «Игра в бисер» и «Цитадель» пишутся одновременно на фоне удушающих деспотий тоталитарных режимов и безумия мировой войны, противостоя им и являясь единой рыцарской духовной контртезой. Воистину, *«как мало шума производят подлинные чудеса! <...> Тоталитарная тирания могла бы обеспечить удовлетворение наших материальных потребностей, но ведь мы не скот, предназначенный на откорм. Благополучие и комфорт не в состоянии полностью удовлетворить все наши запросы. Для нас, воспитанных в культуре Человека, огромное значение приобретают простые встречи, которые превращаются иногда в замечательный праздник...»*

Уважение к человеку! Уважение к человеку! Это и есть краеугольный камень! <...> Порядок ради порядка оскотливляет человека, лишает его основной силы, заключающейся в том, чтобы преобразовать мир и самого человека. <...>

Никто из нас не обладает монополией на чистоту помыслов. Я могу оспаривать во имя своего пути направление, которое избрал другой. Я могу критиковать ход его мыслей. Ход мыслей не есть нечто бесспорное. Но я должен уважать этого человека, если он прокладывает путь в направлении той же звезды.

Уважение к человеку! Уважение к человеку!»¹⁸³

---

¹⁸³ «Письмо к заложнику»: Мижо, 411; 417-419.

Под этими словами могли бы подписаться все пятеро: Михаил Булгаков, Дмитрий Мережковский, Томас Манн, Герман Гессе и Экзюпери.

Воистину, «в политике есть смысл лишь постольку, поскольку она служит какой-то бесспорной духовной истине». Но политика *никогда* не служит Истине; она служит манипуляции человеческими стадами и благополучию господ политиков. А политики говорили небрежно об этом «чистоплюе» и «абстракционисте»: «Он хорош только на то, чтобы показывать карточные фокусы». Такой же вердикт был вынесен ими и по поводу остальных.

Все эти выдающиеся умы Европы были озабочены в предвоенные, а затем и военные годы одним вопросом, сформулированным Экзюпери: «Что можно, что нужно сказать людям?» И каждый из них поставил “планку” намного выше своего “личного рекорда”. «*Моя цивилизация – наследница Бога*», и не соответствовать ей – значит подвести самого Творца. Все пятеро превзошли самые смелые ожидания.

Последнее время меня не оставляет впечатление, что в образе лиса-фенька из «Маленького принца» запечатлено, возможно неосознанно, то «что-то лисье», что чувствовали в Булгакове многие его современники. Наверняка, возникшая молния взаимной симпатии (возможно, поэтому истинный шевалье Сент-Экс так направленно развлекал фокусами и рассказами именно его жену) должна была войти глубоко в душу каждому из двух титанов духа. Мягкость и деликатность французского мастера могли напомнить Булгакову ушедшего с земного плана Максимилиана Волошина с его идеальным французским языком и огромной французской библиотекой по эзотерике. Рыцарственный облик и манеры и рыцарское служение посланца родины Жака де Моле должны были особенно пронзить сердце русского заложника режима, тем более что “для контраста” на вечере присутствовал «барон Штейгер – неперемнная

принадлежность таких вечеров, “наше домашнее ГПУ”, как зовёт его, говорят, жена Бубнова». Вот почему означенный барон под фамилией Майгель оказался достоин казни. Хотя вокруг Булгакова вертелся на том же посольском уровне ещё один сексот, некто Жуховицкий, отсутствовавший на знаменательной встрече, а потому и пощаждённый пером писателя-демиурга. Впрочем, ходатайство автора МиМ поддержали “по представлению наверх” и Небеса, ибо через несколько лет барон действительно был расстрелян как один из подручных Енукидзе. Так что «сон в руку – пуля в лоб».

По дороге в Москву Экзюпери сделал наброски заключительной главы «Земли людей», таким образом, текст замечательной книги вчерне был закончен. И если учесть, что этим словосочетанием древние египтяне называли свою страну (подразумевая, что вокруг неё живут дикари, некая двуногая нелюдь), а текст писал египтянин (так называли Антуана друзья и знакомые за смуглый цвет кожи), то привет от египетских магов Булгакову прозвучал достаточно внятно. Кроме того, сакраментальный вопрос «Ты как это делаешь?», которым прокуратор пытается Иешуа, это, конечно, тот самый вопль, который стоял над столом, когда под руками французского мага исчезали и возникали карты.

Отсюда следует главный вопрос-догадка: «Ты был в Египте?»

Впрочем, на него можно было не отвечать, ибо ответ был налицо, т. е. на лице.

И осаждаемый своей назойливой собеседницей Булгаков думал, время от времени бросая взгляд на заезжего гостя: «Боги, какая улыбка!»¹⁸⁴

Булгакову, как он ни рвался, не удалось побывать в Париже. Ну что же... Тогда Франция поднялась и приехала на встречу к нему.

Понял ли он это?

---

¹⁸⁴ Всё это стало текстовым фрагментом раннего варианта МиМ.

В конце концов, думаю, да.

Но главное: путешествуя мыслью в мире идей, архетипов и первообразов, Булгаков получил надёжные ориентиры. *«Медленно развиваясь наподобие дерева, жизнь передавалась из поколения в поколение, и не только жизнь, но и сознание. Какая удивительная эволюция! Из расплавленной лавы, из звёздного вещества, из чудом возникшей живой клетки появились мы, люди, и мало-помалу достигли в своём развитии того, что можем сочинять кантаты и взвешивать далёкие светила... Процесс сотворения человека ещё далеко не закончился».*

Это «Земля людей». А кажется, что перед нами развёртка Булгаковской излюбленной «Великой Эволюции», на верность которой он присягнул в письме к Правительству. И абсолютно в той же тональности писал в военные годы Экзюпери: *«Я совершенно чист душой. <...> Меня ничто больше не интересует, абсолютно ничто, только качество внутренней субстанции человека. <...> Добродетель – летать с обнажённой душой, учить читать детей. Добродетель – простым плотником принимать смерть. <...> Наплевать мне, что меня убьют на войне!»*¹⁸⁵

Тут уже слышится голос Джордано Бруно, Томазо Кампанеллы, Жака де Моле.

А четырьмя годами ранее умирающий Булгаков немеющими губами говорил: «Может быть это и правильно... Что я мог бы написать после «Мастера»?..»

Спасибо четвёртому измерению – времени: Булгакову и Экзюпери удалось встретиться по сию сторону бытия. Но настоящая «роскошь человеческого общения» ждала их в **пятом измерении**, о котором так настойчиво и проникновенно говорил Булгаков на страницах своего великого Романа. Фантазмагория земного бытия уступала место спокойному величию бытия надмирного.

---

¹⁸⁵ XLIV; 446-447.

Знакомясь с Экзюпери, Булгаков обязательно представился ему как писатель: **здесь** этого можно было не скрывать, и, скорей всего, рассказал о работе над Романом. Мог возникнуть беглый обзор главных орденских реалий произведения и обмен мнениями по основным концепциям. Масштабность замысла должна была поразить воображение Сент-Экса. Фундаментальные проблемы бытия, поставленные и решаемые русским гением, возможно – да нет, наверняка – и были тем трамплином, с которого Экзюпери взмыл в свободное пространство высших духовных ценностей. Пройдя в последние дни года через смерть (авария в Ливийской пустыне) и возродившись как феникс в первый день нового, 1936 года, он подстраивается к русскому старшему брату, и дальше они четыре года летят рядом – крыло в крыло, ощущая постоянную незримую взаимную поддержку.

Современник вспоминает:

«Он вообще не терпел равнения по низшему уровню, всего того, что ведёт к ослаблению дифференциации, необходимой для возникновения нового человека. Ибо он создал собственную философию – приложение к метафизике биологической теории мутаций, – **философию внезапного возникновения**. *«Чем выше восходит существо по лестнице жизни, – говорил он часто, – тем более оно дифференцируется. Дифференциация не только не противоречит единству, а наоборот, способствует ему. Посмотрите на дерево: что может быть более дифференцировано и в то же время едино и неделимо? Человек страдает от несоответствия в настоящее время своих новых материальных возможностей и своих интеллектуальных средств, которые отстают. Необходимо заново осмыслить современный мир, сделать для XX века то,*

что Аристотель и святой Фома сделали для своего времени...»¹⁸⁶

Дифференциация или **различение** – основная характеристика эпохи Рыб, эпохи разделения, и доминанта Иисуса Христа, задание Которого по отделению зёрен от плевел проводит в Москве 20-30-х годов Его Alter Ego Воланд. Да, мастер и Маргарита улетают, а Аннушка-чума остаётся, но ощущение покинутости и проклятости у оставшихся не возникает. И хотя бывших участников событий не оставляет чувство упущенной возможности (Николай Иванович: «Ах я, кретин!...»), всё же у мастера в покинутом городе остаётся ученик, а это уже кое-что, это надежда на грядущее возрождение. – «Ne quitte pas!...»

Да и сам автор, хотя и сопровождает героев романа в потустороннем, *не покидает* Москвы.

Единое семечко, прорастая, дифференцируется на побег и корень, но, даже живя в дальнейшем в двух разных средах, они остаются единым растением, не впадая в ненавистнический антагонизм. Сегодня «Мастер и Маргарита» является любимым чтением не потомков мастера (которых не было), но отпрысков Лиходеева и Варенухи, массолитовских монстров и сотрудников ГПУ. Также и «Цитадель» стала настольной книгой не наследников Великого каида, а внуков и правнуков его жандармов и нерадивых генералов. **Всё остаётся людям** – даже бисер, который когда-то избранные не захотели метать.

Ещё одним фундаментальным сходством русского и французского гениев является основополагающая **связь с мистикой**. Булгаков сам заявил в письме Правительству, что он «писатель **МИСТИЧЕСКИЙ**». «Глубокий мистицизм» Экзюпери отмечала одна из проникновеннейших современниц, жена философа Пьера Леконта де Ньюи – друга и единомышленника Антуана.

---

¹⁸⁶ Мижо, 386. Акцентуация моя. – ОК.

Аристократ от философии создал великолепный гностический ареал для «Цитадели» – книги «Человек и наука», «Время и жизнь», «Будущее разума» и «Достоинство человека» с идеей *телефинализма* – чётко выраженной целью направленного развития человеческой цивилизации на земле – в её сердцевине. Многие высказывания Экзюпери времени их тесного общения («американские годы») носят следы этого дуэтного мозгового штурма высот гнозиса.

«Понятия, которыми пользуешься, дабы что-либо выхватить из вселенной, надо иметь возможность, в первую очередь, сопоставить с выхваченным предметом. Они должны быть либо проверены, либо опровергнуты. Но они вовсе не должны являться слепком с предмета...»

«Эластичные понятия, деформирующиеся в зависимости от предмета, к которому они прилагаются, не позволяют мне мыслить»¹⁸⁷.

Образы в «Цитадели» доведены автором до абстрактности понятий: дерево, собор, колодец, камень; то же касается и человеческих персонажей: геометр, архитектор, музыкант, садовник... Иногда он их конкретизирует определениями: *кривой пророк, единственный друг*; и даже наделяет именами: источники Эль-Ксур и Эль-Бар, но конкретнее, живее они от этого не становятся. Такова его «оптика»: масштабность видения съедает личностные характеристики. Он мыслит себя демиургом, а в пределах земли – только монархом: меровингским королём, византийским императором, Великим каидом. Столь же величественны и абстрактны его самоопределения: *Я – обживающий. Я – магнитный полюс. Я – семечко дерева и силовая линия... Я – значение материалов. Я – базилика и смысл камней. Я – наилучшая пора человека.*¹⁸⁸ Наставляя в мудрости сына и рассказывая о своей молодости и наставленьях отца, он

---

¹⁸⁷ Миждо, 387.

¹⁸⁸ Из глав CLXXXVII и XL. Пер. мой. – ОК.

никогда не говорит о нём «твой дед». Он рассказывает о своих страстях с отстранённостью нанятого врача: диагноз ставится как бы на манекене. Кедр – ливанский, но образ этой страны никогда не возникает поэтическим фоном, хотя по обилию этой семантемы «Цитадель» следовало бы назвать «Книгой Кедра». Властитель империи Сент-Экса **живёт по понятиям**. И это далеко не случайно.

*«Явления представляются человеку вначале без всякой взаимосвязи, откуда не созданы эффективные **понятия**, чтобы их (эти явления) “уловить”. Если созданные **понятия** неполноценны, то явления представляются противоречивыми.*

*Но, прежде всего, надо договориться о значении слова “**понятие**”.*

Понятие – это, по существу, определение и напоминание словом некоей системы взаимоотношений, свойственной предмету или данному опыту, которая может быть перенесена на другие предметы и опыты. Первобытный человек, пользовавшийся в своём языке отдельным словом для обозначения красной вишни и другим – для зелёной вишни, одним – для зелёного пера и другим – для красного пера, сделал большой шаг вперёд в отношении **понятия**, выделив качество “красный” из предмета “вишня” и прилагая его, без необходимости каждый раз уточнять, либо к предмету “перо”, либо к предмету “вишня”. Так, например, “ревность” определяет некоторую структуру взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Но слово это может служить мне для того, чтобы совершенно в другой области вызвать представление о подобной же структуре взаимоотношений. И, например, я могу определить жажду как “ревность” к воде. Жажда, когда от неё умирают, располагает к горестным образам. Она не носит характер врождённой болезни (врождённая болезнь никогда не требует лекарства), а скорее характер желания, которое требует удовлетворения. Для того, кто умирает от жажды, вода

отдаётся другому. Но может ли сохранение энергии – **понятие**, созданное как результат определённого опыта – быть приложено таким, какое оно есть, к другому опыту? Чтобы быть эффективным, объяснять, **понятие** должно сразу же охватить известную систему взаимоотношений там, где это **понятие** применяется. **Понятие**, которое нельзя сразу же приложить, – ложное **понятие**. Это относится, например, к **понятию** “выгода” во многих трактатах социальной философии. Если сущность взаимоотношений, на которую я собираюсь указать, говоря “руководствоваться выгодой”, не выведена мною из конкретного опыта, то моё высказывание не сможет быть ни подтверждено, ни опровергнуто, когда я применю эту структуру к другим частным случаям.

Я всегда окажусь на высоте, доказывая это. Так, выгода апостола, подвергшегося пыткам, – в опьянении жертвенностью. Но такая посылка ничего мне не объяснит ввиду своей уязвимости. И наоборот, если бы я вывел **понятие** “выгода” из наблюдений за человеком, стремящимся к материальному удовлетворению с наименьшими усилиями, то моя основная посылка оказалась бы опровергнутой, если бы её применили к апостолу»¹⁸⁹.

Один из современников, человек эрудированный и интеллигентный, оставил о нём такой отзыв: «Для меня, как и для всех, кто имел счастье общаться с ним, Антуан де Сент-Экзюпери – **всеобъемлющий гений**. Он был, одновременно, и крупным писателем и крупным философом, и учёным, и математиком... (etc.)»¹⁹⁰.

И действительно, только человек такого размаха мог сказать: «Истина – это то, что делает мир проще». Христос – прежде всего – **знаменатель** человек; выпрение «числа» личностей, делённые на этот

---

¹⁸⁹ Мижо, 224-225. Акцентуация моя. – ОК.

¹⁹⁰ Мижо, 222. Акцентуация моя. – ОК.

знаменатель упростились до обыкновенного **натурального ряда**, не оставив никому шанса быть «из ряда вон выходящими».

Именно «развёрнутая мысль об относительности внешнего мира и ... об абсолюте в духовной и моральной области», высказанная в одной из бесед Антуаном и ставшая причиной недоумения со стороны его знакомого физика, нашедшего в таком противопоставлении внутреннее противоречие, и стала основой для изложения своей позиции в столь объёмном письме.

Другой современник, профессор Метраль вспоминал: «Было очень любопытно следить за ходом его испытующей мысли, за его обращением подчас к самым неожиданным аналогиям, за его удивительно тонкими философскими рассуждениями...»¹⁹¹

Но вернёмся к **понятиям**.

*«По мере того, как я опытным путём устанавливаю противоречия (в определениях – ОК), мне приходится либо усложнять свои **понятия** оговорками и исключениями (и они уже не создадут у меня ясности мысли), либо создавать новые **понятия**, которые на сей раз были бы эффективны. Это дело чистейшего созидания, а не наблюдения. Совершенно ясно, что моя система взаимоотношений свяжет реальные вещи и что она не будет сама по себе ни правильной, ни неправильной. Но выбор той или иной системы взаимоотношений произволен. Существует бесконечное количество определённых систем взаимоотношений между данными вещами»¹⁹².*

Дефиниции в гностическом хозяйстве Экзюпери добываются как охотничий трофей, путём тщательной пристрелки, ловецкого примеривания, лингвистических силков и смысловых ловушек. Не каждое слово годится в **понятие**, не каждое **понятие** убедительно как слово.

---

¹⁹¹ Мижо, 223.

¹⁹² Мижо, 226.

Понятийность – сфера эзотерического, это “съедобная” сердцевина – **понятное**, скрывающаяся за “несъедобной” оболочкой – **непонятным**, труднодоступным. Пытаясь быть максимально доступным, Экзюпери часто впадает в библейскую лобовую наглядность и этическую лапидарность, но не будем забывать, что его Книга – руководство для миллионов, избранному уготована лишь одна позиция – самого Великого каида. Это «Книга правителя» и «Книга управления» одновременно. Не всем управляемым уютно в самодержавной атмосфере его сочинения. Условия «выковывания человека» многих, слабых сердцем, отпугивают. В разреженном воздухе духовных максим человеку *роящемуся* дышится с трудом. «Телефинализм» Экзюпери не схватывается обычной людской оптикой: «глаза души» есть далеко не у всех.

*«Я начинаю смутно улавливать значение слова «абсолют». <...> Такой ход мыслей является приближением к Всеобщему (он разбирал «ньютоновское» уравнение. – ОК). Научный ход мысли неуклонно приводит к тому, что с каждым новым шагом по пути развития **понятия** я всё приближаюсь, и это без единого отступления, к всеобщей формулировке мира. При этом я разрушаю свои прежние теории. Но это разрушение отнюдь не означает, что я их опровергаю. Оно означает, что от **понятия** к **понятию** я всё время двигаюсь по восходящей линии. Моя истина всё приближается, хотя и без надежды достичь её, к абсолютной истине. И речь здесь идёт вовсе не об абсолютe, лежащем вне человека, который трудно определить и которому присуц метафизический оттенок. Речь идёт о слове, смысл которого весьма прост. Мало-помалу я намечаю отправные точки, которые связывают всё большее количество явлений, прежде не связанных между собой. Удайся мне связать **все** явления между собой, я бы достиг этого абсолюта. Это утверждение отвечает основному условию, которому подчинено всякое утверждение, – оно, в принципе, уязвимо и могло бы быть*

опровергнуто опытом. Однако в действительности опыт подтверждает его.

Я – пока – не претендую ни на что другое термином «абсолют». <...>

*Затем для подступа к наполнению этого термина содержанием Экзюпери вводит **понятие единого**, стараясь избежать относительности в восприятии этого последнего.*

«Поэтому я определю «единое» иначе. Я скажу, что существо едино, когда оно не может быть разделено на составные части без уничтожения его специфических качеств и, следовательно, когда его свойства не могут быть определены, исходя из качеств его составных частей.

Так, например, я говорю: дерево едино, так как дерево нельзя определить, исходя из минеральных солей, из которых оно состоит, и, следовательно, оно не может распасться на минеральные соли и остаться деревом.

Ещё проще я скажу: молекула воды едина, потому что свойства, которые проявляются на уровне молекул воды, лишены всякого смысла на уровне её составных частей. Молекула трансцендентна по отношению к атому.

Я скажу: подобным же образом живая клетка трансцендентна по отношению к молекуле – она едина.

Я скажу: живой организм трансцендентен по отношению к клеткам – он един.

Я скажу: собор трансцендентен по отношению к камням – он един.

Я скажу: картина Ренуара трансцендентна по отношению к пятнам красок – она едина.

Я не могу предвидеть качеств атомов, исходя из свойств электронов.

Я не могу предвидеть качеств галактик, исходя из свойств молекул.

Я больше не могу предвидеть качеств молекул, исходя из свойств атомов.

Как мне кажется, вовсе не случайно то, что нет полного сочетания между квантовой физикой (которая

управляет очень малыми величинами) и релятивистской физикой (которая управляет очень большими величинами).

Всё это уже бросалось в глаза в биологии...<...>

Впрочем, следует остерегаться весьма опасной ловушки языка. Ибо я могу всегда – вернее, я могу всегда надеяться – «объяснить посредством...». Так, я могу объяснить качества молекул свойствами атомов. Но ход мыслей при этом совершенно иной – это аналитический подход. В самом деле, я могу объяснить и собор посредством камней. Но что невозможно – это «предвидеть» собор, исходя из камней. Между тем, если вы внимательно присмотритесь к научному ходу мыслей, то убедитесь, что он всегда является «объяснением посредством...», а не «предвиденьем, исходя из...». Научное рассуждение объясняет воду посредством кислорода и водорода. Оно не предвидит воду. Оно удовлетворяется ходом своих синтезов, если, вновь восстанавливая комбинацию составных частей, оно вновь «обнаруживает» свойства воды.

Но больше всего меня волнует то, что в моей вселенной всё отнюдь не пригнано одно к другому в соответствии с описанием, данным Паскалем. Я уже отказался от первичных масс. Во вселенной, с которой я сталкиваюсь, на каждой новой ступени появляются новые качества, лишённые смысла на последующих ступенях. Законы, управляющие ассоциацией атомов, вовсе не идентичны тем, которые управляют ассоциацией электронов. С помощью чистого картезианства факт этот слабо можно объяснить.

Биологическими ступенями являются: электрон, атом, молекула, клетка, организм, сознание.

Материальные ступени: электрон, атом, молекула, небесное тело, галактика, вселенная»¹⁹³.

Экзюпери заступает **третьим** в великую службу осмысления мира вослед Декарту и Паскалю. Он уже

---

¹⁹³ Мижо, 227-335.

понял, что для описания микро- и макромиров существуют две разные физики: квантовая и классическая (или релятивистская). Более того, он уже догадывался, что для описания живого существует третья – биофизика. Он предчувствовал, что для понимания человека как **сознания**, должна существовать четвёртая, **особая**, физика. Ныне она известна. Это «квантовая биофизика», нижней своей стороной опирающаяся на компьютерные технологии, а верхней соприкасающаяся с теологией, моделированием Верховного Оператора **Компьютера Вселенной**.

И действительно: множественность и многообразие вселенной по Экзюпери должны перейти в нечто ей трансцендентное. Это не может быть ещё большее многообразие и *ещё большая* множественность, ибо всё, связанное с понятием *больше, большее*, уже было в ней реализовано. Поэтому единственной остающейся для неё возможностью является сворачивание в ОДНО, **Абсолют**, вмещающий в себя **всю** множественность и многообразие Мира.

«Я не только не отрицаю этой сложной основы, но и говорю: единственное имеющее значение единство – это то, которое трансцендентно в отношении сложности, проявляющейся на более низкой ступени его составных материалов.

В общем, ещё проще: я утверждаю «существо». Я утверждаю его по двум причинам. Во-первых, для меня нет иной психологической реальности: я люблю женщину, а не сумму клеток, и восхищаюсь собором, а не суммой камней.

Во-вторых, я вынужден был отказаться от картезианского построения мироздания. «Механизм» этот умер. Продвигаясь от первичного кирпичика мироздания к ещё более простейшему кирпичику,

аналитическое знание подошло, в конечном счёте, к неожиданной бездне: к человеку!..»¹⁹⁴

Интересно рассмотреть сетку структур Сент-Экса, выстроенную как схема. Нижние три ступени являются общими для двух иерархий – это мир материальной «монодии», «монохорда». А дальше идут синхронные пары, крайне выразительные своей «унисонностью».

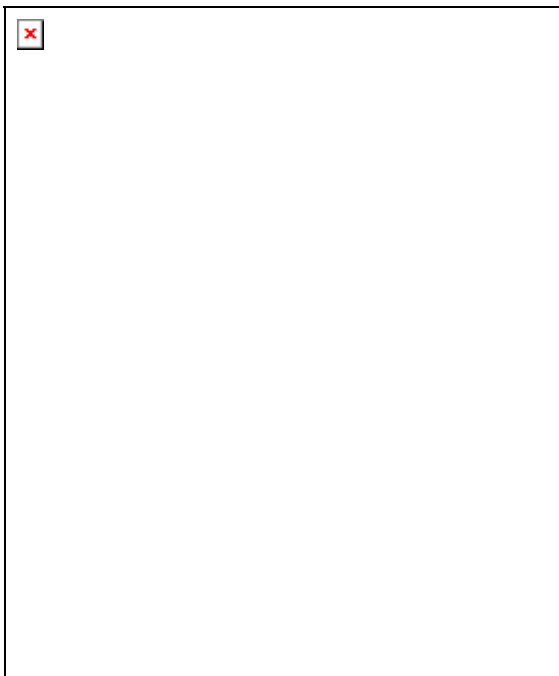
Клетка – небесное тело. Земля как **живое** небесное тело имеет свой чётко выраженный энергетический каркас, делающий её «завёрнутым в вату» кристаллом. Это додекаэдро-икосаэдр, «выпирающий» вершинами в активных точках Земли. Ядро клетки аналогично ядру небесного тела, схожи парные структуры и по форме.

Организм – галактика. Законченная ассоциация клеток и небесных тел, образующее нечто, что начинает обладать качеством, отличным от их арифметической суммы («женщина, а не сумма клеток»), представляет собой полную идентичность, которая подчёркивается мифологически: *галактика* («млечный путь») является абсолютным питанием для *организма*.

Сознание – вселенная. Это квинтэссенция понятия человеческого богоподобия. Взаимно рефлектируя, эта пара даёт понять, что *вселенная* разумна, то есть преисполнена *сознания*, и что человеческое *сознание* способно вместить в себя **всю** *вселенную*, противоположений к чему не обнаружено. Более того, скорость человеческой *мысли* на сегодняшний день является самой большой скоростью во *вселенной*. Если компьютер когда-нибудь превзойдёт разум людей в скорости операций, то стратегия и творческий драйвинг в процедурах едва ли когда-нибудь могут

---

¹⁹⁴ Мижо, 235.

быть превзойдены; что же касается *красоты*, то здесь человек подлинно недосыгаем. Прав был Достоевский: **красота спасёт мир** – тогда, когда компьютерная технология начнёт наступать на пятки нерадивым землянам. Божественный же статус человека, его *сознания* девальвации не подлежит – это дублетная пара: микро- и макро- космы.

Таким образом, в сугубо научных рассуждениях мы пришли к эзотерическому учению об Адаме Кадмоне (= Пуруша), а аккуратные, дотошные выкладки Экзюпери оказались лестницей из 6-ти ступеней, ведущей прямо в Небеса. Человек, согласно нему, потому и «бездна», что в его чертах мы всё более и более узнаём «физиогномику» Бога.

Тем более что черты Планетарного Логоса – Медиатора – Посредника между Богом Отцом и нами – сохранила нам Туринская плащаница – величайшее чудо земли. А текстовое сопровождение к ней написал старший брат французского пророка Михаил Булгаков. 1935 год, 18-й *Лунный* аркан – родной Булгаковский локус, стал *точкой сретенья*.

Встреча эта не могла не запечатлеться в душе евангелиста Михаила. Недаром Леон Верт писал:

«В «Цитадели» берберский вождь с огрубелым сердцем, подчас жестокий, бесконечно любит всё живое. *«Маленькая девочка плачет... и её горе ошеломило меня... Если я отвернусь от неё, я отвернусь от какой-то части мира. Нет, девочку надо утешить. Только тогда мир придёт в порядок»*.

В этой жалости, которая, если угодно, даже не жалость, а отвращение к беспорядку, есть нечто от **евангелия**»¹⁹⁵.

Эта же любовь, трансцендируя, достигает космических масштабов:

«Рождественская ночь.

Всё намагничивается, каждая звезда и в самом деле указывает направление. Все они – звёзды волхвов. Каждая служит собственному богу.

Как мало шума производят подлинные чудеса!

*Цари-волхвы... Легенда или история? А до чего красиво!»*¹⁹⁶

И вновь: **красота спасёт мир**.

Аминь.

Но – главное.

В Москву пожаловал сам “накликанный” Булгаковым МАГ! Это было уже слишком...

И в Роман перекочёвывают все (или почти все) визуальные характеристики парижского “гастролёра”: высокий, статный, в шикарном сером костюме, берете,

---

¹⁹⁵ А. де Сент-Экзюпери. Планета людей. М., 1970; 307.

¹⁹⁶ Мижо, 408-409; 411. + III; 230-231. Коллаж мой. – ОК.

лихо сдвинутом набекрень, черноглазый, с пронзительным взором, видящий окружающих насквозь и улыбающийся неотмирно. Доброжелательность, которая не избавляет ничтожеств от катастрофы, общительность, которая не исключает полного размежевания с межеумочностью и хамством, деликатность, не оставляющая «всем, кто не де» возможности ликовать над попраным благородством...

И – конечно – абсолютная доминация и превосходство, хотя и не пускаемые заранее в ход.

Клином – клин! «Специалист по **чёрной** магии, он же – Князь **Тьмы** – прибыл в «Россию во мгле».

Что из этого получилось нам с вами уже хорошо известно.

Две биографии роднит и ещё одна черта: оба рыцаря имели верных подруг, причём завоёванных с бою. Обе они принимали активное участие в создании их «посмертных» произведений – гностических колоссов, первыми и самыми верными восприемниками которых стали Е.С. и А.П. Их личности запечатлелись в Романах и Книге – но не прямо, а опосредованно. Ни в том, ни в другом рыцарском опусе нет ни малейшей «беспартийности»¹⁹⁷ – ангеличность присутствия женской души чувствуется в их светлой энергетике. Даже «Молитва одиночества» (СХХIV) и «Прощание с жизнью» Повествователя (начало ХХХII главы) наполнены грустью, да, но не отчаянием. И Булгакову и Экзюпери было на кого оставить свои детища, стоившие им жизни. И их возлюбленные справились со своей задачей.

Воистину: *«Любить – это не значит смотреть друг на друга, любить – значит – вместе смотреть в одном направлении».*

---

¹⁹⁷ «Беспартийными» назывались рыцари, у которых не было дамы сердца.

Так было и с самими мастерами: видели они друг друга лишь однажды, а смотрели в одном направлении всю жизнь.

МИСТИКА «НОЧНОГО ПОЛЁТА»

Сам Экзюпери говорил о своих ранних произведениях как о своего рода разминке перед мегалитикой «Цитадели». Однако они не просто *были* в его писательской биографии, но они были трамплином взлёту в горнее уже не телом, а мыслью, словом и духом. И «opus № 2» – *Vol de nuit* – стал погружением в мистику ночи, в лунный мир Гекаты, в лунатическое путешествие по самому краю бытия.

И здесь вспоминается писавшийся одновременно, но вышедший через год после шедевра Экзюпери, в 1932 году, роман Луи Селина «Путешествие на край ночи», ставшего своего рода антитезой произведению Сент-Экса. Лунный, *селенитский* псевдоним, выбранный себе врачом Луи Детушем, вполне передаёт духовный мрак душевного мирка «маленького человека», его неверность и зыбкость. Работая локтями, чтобы пробиться сквозь толщу бытия, впадая в цинизм и остервенелость, автобиографический герой Селина делает всё «наоборот Экзюпери» и этим напоминает персонажей Кафки, которого Экзюпери читал и знал. Некогда Кафка, узнав что Бальзак щеголял на прогулках сделанной на заказ тростью с надписью «Побеждаю все препятствия», заказал себе трость с надписью «Все препятствия побеждают меня». Антигероизм – в случае Селина агрессивно-истерический – попал в настроения европейских «душевных клерков» и сделал обоих авторов